

РОМЕН ГАРИ

ROMAIN GARY

ГОЛОВЫ СТЕФАНИ

(ПРЯМОЙ РЕЙС
К АЛЛАХУ)

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2091552642

SYMPOSIUM

ROMAIN GARY

**les têtes de
stéphanie
(direct flight
to allah)**

Paris
Gallimard

Title: Golovy Stefani

Author: Gary, Romain.

РОМЕН ГАРИ

ГОЛОВЫ СТЕФАНИ

(прямой рейс

к аллаху)

*Перевод с французского
Ларисы Бондаренко*

Санкт-Петербург
Symposium

2010

Перевод с французского
Ларисы Бондаренко

Художник
Павел Лосев

*Всякое коммерческое воспроизведение текста
или оформления книги — полностью или частично,
в печатном или электронном виде — возможно исключительно
с письменного разрешения Издателя.
Нарушения преследуются в соответствии с
законодательством и международными договорами РФ.*

© Editions Gallimard, 1974
© Издательство «Симпозиум», 2010
© Л. Бондаренко, перевод, 2009
© Издательство «Симпозиум»,
оформление, 2010

ISBN: 978-5-89091-431-6

Сказки «Тысячи и одной ночи» начались среди бела дня, под палящим солнцем, лишь только самолет приземлился в Тевзе, к востоку от Йемена, на аравийской земле, которую, похоже, навсегда озарил свет лампы Аладдина, земле, чью историю на Западе знают так мало, зато историй про нее плетут так много. Прижавшись лбом к иллюминатору, со счастливой улыбкой на губах, Стефани не отрывала глаз от страны, чьи повелители до сих пор царствуют во всех детских книгах в мире. Как и Томбукту¹, оазис Нахар, на юге Тевзы, был одним из тех мест, которые большим обязаны волшебному звучанию своих названий, чем географическим реалиям, мест, чьи сказочные сокровища погребены не в их песках и дворцах, а в нашем воображении. Томбукту, Берег Пиратов², Красное море, Персидский залив, Нахар с его ста тысячами пальм... Оазис в самом центре воображаемого мира, куда приходят напиться караваны наших грез, воспоминания о нем и тоска по нему не покидают нас никогда... при условии, что мы никогда там не бывали. Стефани бывала в Томбукту,

¹ Город в Мали, на берегу реки Нигер. Основан в XI—XII вв. как перевалочный пункт караванной торговли солью, финиками, табаком.

² Нынешняя территория Объединенных Арабских Эмиратов.

и в памяти у нее остались главным образом мухи, от которых приходилось все время отмахиваться, пока, облаченная в потрясающий наряд от Диора — платье из сигалина, двенадцать метров воланов, шестьдесят метров всяческих изысков, курточка из золотой сетки, — она старалась сохранять изящную позу под всепожирающим глазом фотоаппарата Бобо. Вот уже пять лет Стефани Хедрикс была самой высокооплачиваемой и самой популярной *cover-girl*¹ в мире.

Она прибыла в Хаддан с пятью чемоданами; им предстояло делать фотографии для журналов мод, — те, на которых вечернее платье от Ива Сен-Лорана соседствует с пастухами Камарга², роскошные меха — с голыми индейцами Амазонии, а новаторские наряды от Унгаро и Куррежа с бразильскими фавелами³. Долина Царей, могилы фараонов и тихие тысячелетние фелуки Нила стали новыми рекламными подпорками высокой моды и прет-а-порте⁴.

Когда самолет накренился, чтобы зайти на посадку, она увидела караван из ста верблюдов, который как раз пересекал границу между пустыней и оазисом. Она улыбнулась. Этот подлец Бобо был прав, между пальмами, верблюдами и манекенщицами есть что-то общее: одинаковая высокомерная посадка головы, одинаковый чуть склоненный силуэт, а еще они всегда кажутся как бы подвешенными в воздухе и нескладными, как все чересчур хрупкие и тонкие создания.

Оазис ее разочаровал. Вблизи пальмы оказались чахлыми, пыльными и жалкими; в песке кишели блохи и плоские, прилипчивые, как пиявки, мухи. Но

¹ Топ-моделью (англ.).

² Приморский заповедник в департаменте Буш-дю-Рон (Франция).

³ Беднейший городской район в Бразилии.

⁴ Модная одежда, производимая большими партиями (в отличие от произведений высокой моды, которые выпускаются в единственном экземпляре).

город, окруженный гигантской охровой стеной, со своими двенадцатью воротами и бесчисленными минаретами, «приносил полное удовлетворение», как написал в золотой книге отеля «Метрополь» некий турист. В домах йеменский стиль — резное дерево и камень — сочетался с индийским, а в окнах виднелись лопастные вентиляторы, которые скорее наводили на мысль о первых веяниях западной цивилизации в эпоху колониализма, чем о прохладе.

Население здесь было удивительное. В Хаддане встречались Азия, Африка и Аравия, и смешение кровей превратило его в подлинное царство цвета. Лица здесь попадались как черные-пречерные, так и просто смуглые, а между ними — все оттенки охры и сиены. Среди этого буйства красок Стефани порой казалось, что она вышла из рук пекаря недопеченной. Она, как могла, боролась с этим чувством неполноценности, снимая свою широкополую шляпу из белого фетра и отвечая на вызов цвета богатством и блеском рыжей шевелюры, низводившей само солнце до уровня смиренного слуги, в чьи обязанности входило обеспечивать сияние ее волос.

На первый взгляд Тевза с ее дворцами и садами казалась столицей красоты и наслаждений.

Но истина начиналась по ту сторону охровой стены, которая еще несла на себе отпечаток сражений между армией турка Устана и легионами мавра Гайдата, отгремевших шесть столетий назад.

Там, в зловонии экскрементов и бараньих кишок, прозябало население из бывших кочевников, которые променяли свой многовековой образ жизни — счастливые скитания под звездами «хузы», бесконечности, на отбросы Западного мира. Лачуги из жести, ящики, картонные коробки и мусор — гниющая магма, какой рано или поздно заканчивается любой мир, хотя ничто при этом не возвещает о рождении нового. Женщины в чадрах — глаз было не разглядеть за многоцветны-

ми газовыми треугольниками — собирали коровьи и верблюжьи лепешки, чтобы развести огонь: их поступь все еще оставалась царственной, но вместо того, чтобы нести на плече античные сосуды, они возвращались от колодца с канистрами, украшенными надписью «Шелл». Маленькие голые дети жили в теплой пыли, как ящерицы; скелетоподобные желтые псы, чьи предки когда-то были спутниками фараонов; повозки, запряженные буйволами, и с цельными, без спиц, колесами, катили туда-сюда, перевозя ничто в никуда... Мужчины жевали кат¹ — траву, что утешала и помогала забытья.

Восточного колорита было хоть отбавляй, и чтобы сполна насладиться его сочными красками, достаточно было не отличаться особой чувствительностью. А ведь однажды Бобо уже потребовал от нее сфотографироваться в украшенном вышивкой и страусовыми перьями муслиновом платье от Кардена на берегу Ганга, в Бенаресе, на гхатах², где сжигали трупы, где в воздухе, пачкая кожу, летал пепел. Именно тогда на весь мир прогремело известие, что она разорвала контракт. Даже ради высокой моды она не могла пасть так низко.

«Контрасты всегда забавны»: Бобо исходил из этого принципа, за что его и прозвали «султаном моды». Он воспринял это настолько серьезно, что официально сменил имя на Абдул-Хамид — скромно позаимствовав его у кровавого сатрапа, свергнутого в 1909 году младотурками.

Идея отправиться в Хаддан, в котором совсем недавно произошла революция и установился демократический режим, была последним гениальным озарением «султана». Стефани сначала отказалась — отказ со-

¹ Растение вида *catha edulis*, употребляемое как наркотик в Восточной Африке и на Аравийском полуострове.

² Речная пристань в Индии.

проводился отборными ругательствами, достойными включения в антологии прозы топ-моделей и модных фотографов. Приземлился, как роскошная бабочка, там, где пострадавший народ только что голыми руками и ценой тысяч жертв добыл себе свободу... Но она прервала свою бурную речь, когда заметила сверкнувшую в глазах «Абдул-Хамида» искорку удовольствия: унижать других было для этого неисправимого мазохиста одним из любимых удовольствий...

Он был одним из тех благословенных богами созданий, которые любят страдать и при этом уверены, что будут вознаграждены уже на этом свете. Жирный, коротконогий и округлый — густые вьющиеся волосы, толстые щеки, губы вызывают смутно-непристойные ассоциации, пухлые руки торчат из рубашек какого-то младенческого покроя — он смотрел на вас сквозь очки тревожными глазами, которые, казалось, открывались не в мир, а во внутренние трагические глубины.

— Дорогуша, о Хаддане сейчас говорит весь мир. Они там только что открыли для себя демократию. Пражскую весну я пропустил, не хочу пропустить еще и хадданскую. Мы снимем всю коллекцию на фоне пораженного счастьем народа... Ты не можешь отказаться. Ты не можешь так со мной поступить.

— Да пошел ты. Не поеду я в Хаддан.

Бобо одарил ее одной из своих обаятельных улыбок тучного херувима и ничего не сказал. На следующее утро в пентхаузе Стефани — две прекрасные комнаты с террасой, откуда открывался вид на вавилонские крыши Манхеттена до самой статуи Свободы — уже звонил телефон. Это был господин Самбро, министр иностранных дел республики Хаддан, прибывший в Нью-Йорк для участия в заседании Ассамблеи ООН: не согласится ли она доставить ему удовольствие и отобедать с ним в ресторане ООН?

Стефани согласилась. Ее всегда неудержимо влекла к себе Организация Объединенных Наций: она сияла

в ее глазах слабым, но волнующим отблеском любви между народами и мира во всем мире. В двадцать лет ей повезло устроиться экскурсоводом по штаб-квартире ООН, и в течение целого лета она бегала по этим величественным зданиям во главе стада туристов. Позднее ей как-то раз довелось сниматься на фоне небоскреба и леса флагов ста семидесяти стран-членов организации в обществе нескольких африканских делегатов, облаченных в колоритные национальные одежды. Некоторые из этих Превосходительств представляли страны, находившиеся в открытом конфликте между собой, и все же соглашались вместе, по-братски позировать рядом с ней. В общем, и она внесла свой вклад в дело мира. Бобо даже удалось провести ее на заседание Совета Безопасности и сфотографировать в классическом костюме от Шанель в самый драматический момент дебатов между Индией и Пакистаном из-за войны в Бангладеш.

У Его Превосходительства господина Самбро была очень темная кожа и большие очки в черепаховой оправе; он был невысокий, проворный, разговорчивый — из тех людей, что прячут свою робость и нервозность за потоком слов.

— Мисс Хедрикс, я прошу вас пересмотреть свое решение. Мы гарантируем вам полную безопасность. Вам ничего не угрожает... Позволю заметить, что ни один иностранец не пострадал от революции. Мы со всей ответственностью отнеслись к их безопасности и к сохранности их имущества. Поэтому ни один иностранный гражданин, проживающий в нашей стране, не выразил пожелания уехать. Хаддан — очень гостеприимная страна. Мы даже не национализировали иностранные фирмы, мы всего лишь пересмотрели контракты. Нас бессовестно эксплуатировали... Вам абсолютно нечего бояться.

Стефани положила нож и вилку и посмотрела послу прямо в глаза. Когда она злилась, ее изумрудные глаза делались по-кошачьи зелеными и вспыхивали

внутренним огнем, а рыжая шевелюра становилась похожей на мех животного, готового впиться в вас когтями.

— Вот что, посол, если вы думаете, что я боюсь, то вы очень и очень ошибаетесь. Я вообще если кого на этом свете и боюсь, так только стоматологов. И должна вам сказать еще кое-что. Я только что выкарабкалась из чертовски неудачной любовной истории, и мне абсолютно наплевать, что со мной будет дальше. Так что ваши речи — не ко мне. В моральном, сентиментальном, эмоциональном и вообще в психологическом плане я по самую шею в дерьме...

Она слишком поздно вспомнила о том, что разговор происходит в ресторане ООН, что беседует она с послом и окружена Превосходительствами. За соседним столиком индийский, если только не пакистанский, чернобородый дипломат в розовом тюрбане разговаривал с каким-то американцем в темно-синем костюме в полоску, бледным и белобрысым, — его лицо как раз претерпевало ту стремительную потерю цвета, жертвой которой становятся все англо-саксы, когда сталкиваются с представителями третьего мира. Она произнесла «в дерьме», повысив голос, под давлением переполнявших ее чувств, и мужчины в изумлении умолкли. Господин Самбро оцепенел. Мисс Стефани Хедрикс все, разумеется, знали в лицо, — только поэтому никто и не подумал, что новый представитель Хаддана в Генеральной Ассамблее пригласил в ресторан девицу по вызову. Но он явно не ожидал услышать подобное из уст прекрасной, восхитительно одетой молодой женщины. У Стефани мелькнула мысль, что Организация Объединенных Наций — это одно из тех мест, впрочем, весьма многочисленных, где угнетение и неравенство ни у кого не вызывают стыда, зато слово «дерьмо» всех шокирует. Она нервно разломала хлебец, слепила из мякиша маленький шарик и принялась катать его пальцем по столу.

— В чем дело, посол? Я что-то не так сказала?

Господин Самбро укрылся за огромной радостной улыбкой.

— Вовсе нет, — воскликнул он. — Мы здесь в кругу друзей.

— Знаете, в мире высокой моды существует профессиональный жаргон, который быстро становится второй натурой, — пояснила Стефани. — Это довольно говенная среда...

— Ха! Ха! Ха! — нервно прыснул посол, блестя очками.

Он явно был человеком впечатлительным, и в приступе нервной мимикрии тоже принялся разламывать свой хлебец и делать из него шарики, как Стефани.

— Сам я учился в Колумбийском университете, — сказал он, как бы заверяя ее в том, что в состоянии выслушать выражения и покрепче. — Вы, я полагаю, американка, мисс Хедрикс?

Стефани рассмеялась.

— Извините меня, но всякий раз, когда африканец употребляет выражение «я полагаю», мне вспоминаются слова Стэнли: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»¹ Помните, когда они встретились в джунглях...

Господин Самбро вежливо засмеялся.

— Вообще-то я не африканец, — заметил он. — Среди моих предков были иранцы, индийцы, суданцы и арабы. Хаддан — это плавильный котел. В нем мало-помалу формируется новый этнос. Мы одновременно и Африка, и Аравия, и Азия. Это очень красивая страна, и я от всего сердца приглашаю вас к нам в гости. Мы всячески облегчим для вас эту поездку.

¹ Широко известная фраза, которой в октябре 1871 г. английский журналист и путешественник Генри Мортон Стэнли приветствовал в африканских джунглях знаменитого исследователя Дэвида Ливингстона; Стэнли возглавлял экспедицию, отправленную на поиски пропавшей экспедиции Ливингстона.

— Послушайте, посол, — по-моему, говорят «Превосходительство», но...

— Зовите меня Джимми, — сказал господин Самбро.

— Послушайте, Джимми, у меня нет никакого желания позировать для глянцевых картинок на фоне нищеты, называемой «местным колоритом», в городе, из которого едва успели убрать трупы. Это даже не вопрос совести, это вопрос... гигиены, вот. В этой области человечество зашло слишком далеко. Чего я не понимаю, поскольку еще не родилась тогда, так это как так случилось, что после последней мировой войны фотографии из журналов мод не использовали еще горячие руины Берлина или концентрационные лагеря как фон для своих коллекций... А ведь это было время new-look¹... В прошлом году меня фотографировали в наряде от Падилла — платье из черно-лилового органди, названное «индийский лунный свет», — в одной деревне к югу от Бомбея, где тысячи людей погибли от наводнения, вызванного муссоном... Меня до сих пор мучает вопрос, почему меня тогда не линчевали.

Взгляд маленького министра иностранных дел первого демократического государства Персидского залива стал еще более нежным и грустным. Стефани уже замечала, что на черном лице грусть всегда кажется более глубокой. Но и веселье тоже кажется более веселым. Не вижу, впрочем, какой тут можно сделать вывод, подумала она. Однако, по идее, все должно бы явственнее проступить на белом... А, да черт с ним.

Разговор складывался трудно: Стефани знала Хаддан лишь по нескольким удивительным по красоте снимкам в старом номере «Джиографикэл мэгэзин» — Бобо подсунул ей этот журнал, зная ее вкус к

¹ «Новый взгляд» или «новый силуэт» (англ.) — стиль, созданный французским модельером Кристианом Диором в 1940—1950-х гг.

странам, которые он с видом гурмана квалифицировал как «мужественные». Тем же утром она нашла в «Нью-Йорк таймс» статью о ситуации в Персидском заливе — на Генеральной Ассамблее ООН должен был обсуждаться «представительский» и «легитимный» статус новой делегации бывшего эмирата. Впереди выражалась надежда, что Хаддан «наконец-то расстанется с архаичным и почти мифическим образом, который придавал ему феодальный режим бывшего имама». Стефани читала газету в кровати, поджав колени чуть ли не к подбородку и слизывая с пальцев остатки апельсинового джема, и воображала, как идут караваны, груженные золотом, самоцветами и миррой, как состязаются в джигитовке всадники, — впрочем, их она путала с теми, которых видела в Марокко, — ей грезились невероятной красоты женщины, укрытые чадрой, которую ее воображение властно отодвигало, а еще сыны шейхов, в чьем облике... ну, гмм! сочетались мужество, достоинство и пылкость. Она любила помечтать, но, как правило, старалась не смешивать мечты с реальностью, так как была по природе бережливой и всегда откладывала на черный день.

— Вы чрезвычайно здравомыслящая молодая дама, мисс Хедрикс...

— Зовите меня Стефани.

Лицо посла просияло.

— Спасибо. Я уверен, что вы меня поймете, Стефани. Как вам известно, мы успешно осуществили демократическую революцию. Мы встаем на трудный путь: путь либерализма. Нашей страной веками управляли сатрапы. Мы положили этому конец. У нас не затихали расовые, религиозные, племенные конфликты: мы положим им конец. В нашей стране живут мусульмане, индуисты, христиане, и еще есть добрая дюжина культов исламского толка, но мы стремимся построить светское общество. Мы провозгласили отделение религии от государства: верования

каждого являются его личным делом. Мы твердым шагом движемся к единству, мы хотим освободить память наших граждан от пережитков и обломков средневекового прошлого, мы хотим идти вперед с надеждой и верой в будущее...

Последняя фраза была слово в слово заимствована из речи, которую господин Самбро произнес двумя часами раньше на заседании Генеральной Ассамблеи, — после того, как законность нового дипломатического представительства Хаддана была яростно оспорена делегатом от Саудовской Аравии. Стефани, присутствовавшая на заседании, одобрительно и смиренно кивнула головой, кусая при этом губы, чтобы не улыбнуться. Господин Самбро вспомнил, что сам же послал ей приглашение, и, осознав свой промах, совершил стремительный дипломатический демарш:

— Именно эти слова я использовал на утреннем заседании, и, поверьте мне, они найдут свое место в нашей новой конституции...

Стефани смела хлебные крошки и облокотилась на стол, соединив ладони.

— Я по-прежнему не понимаю, что могут сделать для вашего народа Сен-Лоран, Кристиан Диор, Карден и Шанель, — сказала она.

Господин Самбро выдержал многозначительную паузу, затем заговорил доверительным и вместе с тем взволнованным тоном:

— Снимки прославленной топ-модели, сделанные в Хаддане и опубликованные в сотне газет и журналов, выходящих большими тиражами, явятся крайне важным для нас доказательством... Доказательством того, что в стране царят мир и порядок. Вы окажете нам огромную помощь в деле формирования общественного мнения. Мы отчаянно нуждаемся в туристах и твердой валюте, в кредитах и инвестициях, и главное для нас — представить за границе мирный и внушающий доверие облик Хаддана... Я не стану настаивать: я

уверен, что вы и так всё понимаете. Нужно, чтобы вы к нам приехали, чтобы вас повсюду фотографировали, во всех концах страны, и чтобы эти снимки увидели на Западе и в остальном мире. Для нас это будет лучшей рекламой... Нужно, чтобы Хаддан улыбался миру...

В голову Стефани закралось легкое сомнение. Она прищурила глаза.

— Сколько вы заплатили Бобо, чтобы уговорить его совершить эту поездку?

У господина Самбро перехватило дыхание. Он взял салфетку и вытер губы, как бы желая стереть с них горький привкус.

— Двадцать тысяч долларов, — сказал он мрачно. — Он заверил меня, что выплатит вам половину и...

И тут в окрестностях их стола поднялась паника. Розовый тюрбан делегата Индии или Пакистана как будто резко покраснел, бледное лицо его собеседника из Госдепартамента приняло желтоватый оттенок, а за столиком слева четыре дипломата, говорившие до этого на английском с разными, но одинаково безобразными акцентами, прервали беседу и впали в ошарашенное молчание. Когда Стефани ругалась, то выбирала слова и выражения из самых цветистых...

— Прошу прощенья, Джимми, — сказала она, наконец-то взяв себя в руки. — Этот мерзавец Бобо вообще мне ни о чем не сказал, и в любом случае я не взяла бы ни гроша. Он сука... Ну, я хочу сказать, проститутка. Этот тип не только сам прогнил: он делает все, что в его силах, чтобы способствовать всеобщему загниванию...

— Нам нет дела до этого господина, — сказал посол. — Соглашайтесь на эту поездку. Приезжайте к нам. Пусть вас повсюду снимают. Вы, возможно, знаете, что нас, хасанитов, — это народность с преобладанием афро-азиатских кровей, ведущая начало от бывших рабов и от индийцев — упрекают в том, что мы

занимаем большую часть постов в правительстве... Но это просто потому, что мы составляем большинство в стране, и большинство избирателей, естественно, проголосовало за нас...

Он заколебался и даже вроде бы впал в замешательство.

— Я, разумеется, не знаю, какие чувства вы питаете к цветным народам.

— В данный момент — лютую ненависть, — ответила Стефани. — Я бы даже сказала, что мои чувства к ним кровожадны, что я готова их всех поубивать... Дело в том, что я только-только прихожу в себя после прекрасной любовной истории, и этот сукин сын был черным...

Что-то странное случилось с левым глазом Превосходительства: он стал нервно моргать, при этом веки бились, как крылья пойманной бабочки. Было очевидно, что от крика души Стефани у ног представителя Хаддана разверзлась бездна: он только что открыл для себя совершенно новую Америку, ту, в которой знаменитые и красивые белые женщины публично признаются, что у них была связь с негром. Даже пакистанский индиец в розовом тюрбане застыл со своей ложкой «кассата-кассис»¹ на весу и пристально вглядывался в Стефани, явно переключив аппетит с мороженого на соседку. Стефани бросила на него взгляд, который немедленно восстановил «кассату» в ее правах.

— Ну, в общем-то, я сама во всем виновата, — созналась Стефани. — Этот мерзавец — актер. Кинозвезда. Он бил все рекорды по сборам, а такое даром не проходит. Я еще ни разу не встречала звездного мужика, который не был бы эгоцентричным нарциссоманьяком, по уши влюбленным в самого себя, но это — чернокожий, и я подумала, а вдруг он окажется *другим*. Чистый расизм.

¹ Мороженое с фруктами и черносмородиновым ликером.

Было очевидно, что в голове Его Превосходительства господина Самбро происходят всякого рода вещи. Вещи сложные, окрашенные безумной надеждой и нежными тайными расчетами. Вывод из всех тайных умственных завихрений и потуг обозначился с величайшей простотой, хотя и был оглашен голосом, слегка охрипшим от волнения:

— Мисс Хедрикс, вы мне позволите пригласить вас сегодня вечером на ужин?

Она рассмеялась и запустила ему в лицо хлебным шариком.

— Вы слишком спешите с выводами, Ваше Превосходительство... Как, бишь, вас зовут?

Его Превосходительство расцвел и расцветился — тридцатью двумя сияющими белизной флажками.

— Джимми.

— Вы душка, Джимми, но у меня в настоящий момент нет никакого желания спать с кем бы то ни было. Для меня все мужчины отныне — кинозвезды. Но раз уж вам так этого хочется, я приеду в Хаддан.

Прежде чем отправиться в путь, она заглянула в атлас и пролистала несколько книг. Хаддан — одновременно горы и море, пустыня и сад, прохлада и песчаный ветер до того жаркий, что ощущается его физическое, телесное присутствие. Легенда гласила, что этот ветер с востока был дыханием ста тысяч всадников «ага», армии, что отправилась на тот конец пустыни завоевывать золото Хамина и так никогда и не вернулась. Рыночные рассказчики до сих пор вспоминают об этих легионах, пришедших из Центральной Азии, а поэт Хасан Бен-Хадда говорит, что так «обратилась в прах десница Великого Могола». На севере — горы, на юге Оман, бывший Берег Пиратов и бывший Берег Рабов, на западе — Йемен, на востоке — Персидский залив. В горах по ту сторону пустыни, где вокруг источников, среди пластов лавы, лежат оазисы, в которых обитают племена шахиров, — это провинция Раджад, где вера осталась такой же чистой, как и вода в колодцах. До революции шахиры не один век управляли страной и по сей день чтят память бывшего имама.

Столица раскинулась на плато на высоте тысячи метров, прямо над морем. До 1962 года двенадцать огромных ворот из бронзы и дерева, проделанных в стене в пять метров толщиной и двадцать пять метров высотой, каждый вечер закрывались и запирались

на засов, причем европейцам предлагалось покинуть город и поставить палатки за крепостными стенами. С западной стороны стена была разворочена, но виной тому стали сокрушительные удары, нанесенные небрежностью и временем; ручейки обломков и мусора, среди которых рыскали рыжие псы, вытекали из этой открытой раны, как из гниющих внутренностей, за пределы старого города. В этом месте, как и полагалось, начинался город современный.

Королевство избежало завоеваний, у каждого булыжника здесь был гордый вид. Дома, выстроенные из охрового камня и белой глины, возвышались своими шестью-восемью этажами над лабиринтом узеньких улочек, где бурлила шумная и запутанная жизнь, где мешались верблюды и приемники, мотоциклы и призывы муэдзина, воловь повозки, грузовики, украшенные цветными тряпками, и бедуины, на щеках которых уродливо выступали шарики ката. Недра Хаддана, как считалось, не уступают нефтяным богатством недрам Саудовской Аравии, и пробные бурения уже подтвердили это. Бывший имам запретил въезд в страну иностранным геологам, которых он рассматривал как носителей всех пороков и пагубных веяний Запада. За живописностью скрывалась нищета, а солнце лишь помогало ввести в заблуждение. Когда Стефани в своем белом джинсовом костюме и в фетровой шляпе шла через старую мусульманскую часть города, пропитанную запахами фруктов, мяты, ладана и жареного мяса, ей то и дело попадались лежавшие в тени обнаженные худосочные тела, совсем как в Бомбее. Но когда, встав в пять часов утра, она открывала ставни и смотрела на далекое море, где ветер надувал паруса первых рассветных бутров¹, державших путь в Бомбей, Занзибар или Момбасу, ее переполняла радость, свежая, совсем как в детстве. Эта ультрамариновая

¹ Небольшое арабское парусное судно.

синева, казалось, хранила некую тайну удивительной чистоты и глубины; паруса, ветер и волны соединялись в самую древнюю и лучшую троицу в мире...

Впервые Хаддан привлек внимание прессы в 1952 году. Имам собственноручно обезглавил своего брата, премьер-министра, который организовал заговор. На первой полосе всех западных газет появилась фотография тирана: толстячок с густой жгуче-черной бородой и с лицом, искаженным улыбкой почти ребяческой радости, поднял саблю, готовясь снести голову своему вероломному брату. Глава шахирской династии, которая насчитывала пять веков, снова заставил говорить о себе в 1972 году, когда был убит одним из телохранителей в собственной бронированной комнате. В ней обнаружили рубинов, бриллиантов и изумрудов на три миллиарда долларов, а также более десяти миллионов долларов в банкнотах. Труп проволокли по улицам на длинной веревке «безответственные элементы» из населения, после чего эстафету подхватили собаки. На сей раз снимков не было.

Они должны были пробыть в Хаддане неделю.

Стефани удостоилась приема, данного сэром Давидом Мандахаром, министром внутренних дел и туризма; прием проходил в бывших королевских шатрах, которые раскинули в садах Масвата, на холме над городом. Шатры датировались восемнадцатым веком, вид из них открывался великолепный. Удосужился прийти весь дипломатический корпус, и приглашенные пили фруктовые соки, цвета и ароматы которых отважно боролись с отсутствием более возбуждающих напитков. Сэр Давид Мандахар был крепко сложен и широкоплеч, но при этом почему-то решил обойтись без шеи, чтобы, если он вдруг займется турецкой борьбой, сопернику было труднее проводить захваты. Стефани не ведала, существует ли такой спорт как «турецкая борьба», но именно такое впечатление производил на нее этот человек. Под лиловым тюрбаном его глаза походили на толстых черных майских жуков, а тщательно выкрашенные борода и усы были такими густыми, что, казалось, из них сейчас выскочит вебрь. Впрочем, его и прозвали «горным вебрем», отдавая дань его легендарной храбрости — храбрость иначе как легендарной вообще не бывает — и его афганским корням. Его отец был пуштуном из Хайберского ущелья, того

самого Khyber Pass¹, который доставил столько хлопот солдатам у Киплинга. Он лично принес Стефани гранатовое мороженое.

— Попробуйте, попробуйте! — пробасил он. — Знаете, мороженое всегда было у нас высшей роскошью.

Он был одним из тех мачо, что никогда не открывают рта, не мобилизовав при этом все мужественные ресурсы своих голосовых связок.

— С самых давних времен для того, чтобы доставлять лед с гор в Блистательную Порту, во дворцы и шатры правителей, организовывались эстафеты... Мчась во весь опор, гонцы приносили в долину снег... Признаюсь вам со всей откровенностью, что во время своего первого визита в Нью-Йорк, я был покорен американским мороженым... Неслыханное разнообразие! Особенно мне запомнилось зеленое мороженое, мятное и фисташковое...

Стефани изобразила крайнюю степень внимания, что делала из вежливости всякий раз, когда переставала слушать. Министра сопровождал персонаж в одежде британского кроя, имя персонажа звучало примерно как «лорд Санд...» — остальное потерялось где-то между бородой и усами сэра Давида Мандахара — а лицо отличалось тем отсутствием выражения, которое охотно квалифицируют как «таинственное». Стефани сделала несколько приличествующих случаю замечаний по поводу американского мороженого — banana-split² и знаменитых «пяти сортов» «Уолдорф-Астории»³ и вышла из шатра.

У ног ее простирался город, оцетинившийся минаретами, опоясанный охровой стеной, с бесчисленными

¹ Хайберский проход в горах на границе Афганистана и Пакистана. Упоминается во многих стихотворениях Р. Киплинга.

² Десерт из бананов, мороженого и орехов.

³ Знаменитый отель в Нью-Йорке.

мечетями, белыми дворцами и маленькими внутренними оазисами — частными садами...

— Самое время сказать: да это же персидская миниатюра! — произнес у нее за спиной приятный голос.

Она обернулась и одарила улыбкой Тедди Хендерсона, посла Соединенных Штатов в Хаддане. Она дважды обедала у него, и он показался ей очень милым и славным — она даже поймала себя на том, что он напоминает ей отца. Дело тут было не во внешнем сходстве — у отца Стефани были физиономия и усмешка пирата, сломленного силами правопорядка, — а в том же немного печальном чувстве юмора и той же приветливости.

Хендерсону, должно быть, перевалило за пятьдесят. Лицо его еще хранило воспоминания юности, у него были очки в черепаховой оправе, которые он безо всякой надобности беспрерывно поправлял, короткие седеющие волосы и улыбка, имеющая весьма отдаленное отношение к веселью.

— Здесь нельзя обходиться без клише, они помогают выжить, — сказал он, беря ее под руку. — А впрочем, это правда: вся красота Хаддана — от персов... Первыми жителями этой страны были пришедшие из Ирана шахиры...

Он мечтательно смотрел на сверкающий под солнцем город. Стефани удивилась, заметив, как на его лице мелькнуло сожаление.

— Здесь существует древняя легенда об огромном невидимом удаве, обхватившем землю своими кольцами, — сказал Хендерсон. — Поэтический смысл этой легенды я свёл к более, что ли... политическому. В самом центре — чудесная персидская миниатюра, которую вы сейчас перед собой видите... Вокруг — первое кольцо удава: богатство, могущество, роскошь, но только для избранных... Затем второй круг, второе кольцо удава: нищета, невежество, покорность, рабст-

во... Еще дальше — третье кольцо: вера, страсти, ненависть, амбиции, жажда власти... А еще дальше — последний круг, последнее кольцо, то, что господствует над всеми остальными, что может одним движением погубить очаровательную персидскую миниатюру: нефть, столкновение интересов, великие державы, Китай, Россия и... *мы...*

Он умолк и поднес к губам бокал с ледяной водой. Стефани бросила на него быстрый взгляд, а потом чмокнула его в щеку.

— Вы совсем не похожи на удава, Тед, — сказала она.

Бобо сделал тысячи снимков Стефани для весенней коллекции. Он не только собирался опубликовать их в модных журналах, в его намерения входило создать фундаментальный фотографический труд под названием «Красота бросает вызов». Высокая мода и Стефани воплощали для него красоту, а что касается уродства, которому был адресован этот вызов, то это было тайной, известной лишь его психоаналитику. Огромный выпуклый глаз его фотоаппарата ни на секунду не выпускал Стефани из виду, при этом сам Бобо прыгал вокруг нее, как толстая жаба, вдруг решившая стать балериной. Несмотря на жир и одышку, «султан» мог исполнять этот ритуальный танец вокруг любимой модели до бесконечности. Каждый его прыжок сопровождали щелчки затвора, напоминавшие одновременно стрекот цикад и поцелкивание кастаньет. Бобо — с его белыми короткими руками, похожими на бутон губами, застывшими в изгибе алчного сладострастия, с иссиня-черной бородой клинышком, растрепанными кудрями и лицом, вырвать которое из бледности сырой подземки оказалось не под силу даже многим дням, проведенным на солнце, — Бобо обстреливал Стефани из своего фотоаппарата с утра до вечера, не пропуская ни одного светового эффекта — от розового на рассвете до лилового, пурпурного и золотого на закате. Он де-

лал снимки на фоне развалин, которые были отнюдь не творением времени, а архитектурным шедевром из шести самолетов, пилоты которых, взяв курс на Саудовскую Аравию, остались до конца верны имаму. Одетая в восхитительную юбку от Джона Пилцера и легкую блузку «жалюзи» от Тино, она позировала на фоне дворцов и лачуг, женщин в чадрах и бедуинов, верблужьих скелетов и грифов, а еще под дикими розами у старой крепости, в которой ныне находилась штаб-квартира полиции... Ни жара, ни полчища мух, ни усталость, ни ругань Стефани не могли справиться с Бобо и его вдохновением.

— Ты извращенец. Я знаю, что бы тебе доставило настоящее удовольствие — сфотографировать меня в наряде от Куррежа на груди трупов...

— Заткнись, дорогуша, а то на твоём обворожительном личике появится осмысленное выражение...

Голос Бобо был близок к контральто, что наводило на мысль о прискорбном дисбалансе половых гормонов, а его поддельный британский акцент безуспешно боролся с нью-йоркским просторечием.

— Модель, у которой на лице что-то написано, — это конец света. Это разрушает тайну. Ты слышала о Гарбо? Никто ни разу не видел и следа экспрессии на ее лице — именно поэтому она стала мифом. Отставка зад и чуть вытяни вперед правую ногу... Теперь слегка согни колено... Хорошо. Так будет видна вся ляжка, до того самого замечательного места... Класс! Замри. Непроницаемое лицо, моя королева, абсолютно пустое, ну, то есть которое обычно называют пустым! Сфинкс, тайна... И ради Бога, потуши этот убийственный огонек в глазах... Говорю же, с ним у тебя появляется выражение, черт возьми, *выражение!* Не нужно ничего выражать, поняла? Тебе не за это платят!

Как и многие люди, которым неуютно в собственном теле, Бобо питал страсть к переодеваниям. Приехав в Хаддан, он стал примерять всевозможные неле-

пые наряды: то тюрбаны с фальшивыми рубинами и страусовыми перьями, то расшитые кафтаны, то красные янычарские шальвары и королевские бурнусы, то стянутые тройным золотым обручем арабские платки, которые он умудрялся носить с джинсами... Бедный «султан моды» ненавидел себя от всей души и таким поведением пытался засвидетельствовать эту неприязнь как в своих собственных глазах, так и в глазах окружающих. Родителей его убили в Вене фашисты, и ходил слух, что эсесовцы использовали его, десятилетнего ребенка, для своих мужских забав. А еще поговаривали, что по меньшей мере раз в год он пытается покончить с собой. Бывший бойфренд Стефани, один из самых молодых и самых вменяемых психоаналитиков в Соединенных Штатах, сказал ей, что Бобо одержим всепоглощающей потребностью в чистоте и невинности, а это сильно осложняет его отношения с самим собой. Вполне возможно, что так оно и было, но в некоторые моменты Стефани говорила себе, что у всей этой его психодрамы должны быть какие-то пределы.

Было четыре часа дня, когда Бобо сделал последний снимок и наконец-то зачехлил свой циклопий глаз. Стефани какое-то время разглядывала послужившие им фоном развалины — в кои-то веки они относились не к недавнему государственному перевороту, а к шестнадцатому столетию — а затем скрылась за манговыми деревьями, чтобы снять платье и надеть джинсы.

Волны влекли одинокие парусники к берегам Аравии. Поговаривали, что эти глубокие воды кишат акулами, — что лишний раз доказывает, как опасно доверять тихим омутам и безмятежным пейзажам.

Массимо смотрел на море с мрачным видом.

Массимо дель Кампо когда-то водил грузовики в Карраре. Казалось, он был высечен скульптором-классицистом из мрамора, прославившего его родной го-

род. По мнению Бобо, Массимо была уготована фантастическая карьера на киноэкране. Если верить все тому же Бобо, этот фат был Мэрилин Монро в штанах, мужским вариантом Риты Хейворт, женщиной, у которого было все, что и у Рэчел Уэлч и даже больше, таким Рудольфом Валентино, переименованным и подправленным, подогнанным под вкусы сегодняшнего дня. Временами в прессе еще появлялись эффектные снимки Массимо, но в единственной рецензии, которую Стефани о нем прочла, говорилось, что бывший водитель-дальнобойщик обладает «достаточной харизмой и выразительностью, чтобы сыграть мраморную колонну в каком-нибудь фильме о падении Римской империи». Небольшие роли в итальянских вестернах еще позволяли ему питать какие-то иллюзии, но никак не покрывали расходы на все остальное: за его «феррари», его безупречные костюмы и подружек платил Бобо, и чем бóльшая роскошь окружала Массимо, тем больше он тайно озлоблялся на своего покровителя. При этом он не оставлял мысли о том, чтобы, так сказать, вернуться к своим истокам: Стефани уже заставляла Массимо рыскающим вокруг грузовиков, а однажды стала свидетелем того, как он, бросив осторожный взгляд по сторонам, дабы убедиться, что за его ностальгическими излияниями никто не подглядывает, с нежностью погладил колесо великолепной пятитонки. У Стефани защемило сердце. Этот бедолага-красавец втайне мечтал вернуться к своему честному ремеслу, но ему не хватало смелости порвать с привычкой к роскоши. Нет никого более пропащего, чем пролетарий, превратившийся в дорогую содержанку: отправляясь в это путешествие, не купишь билет в оба конца...

— Теперь можно и домой, дети мои.

Отель «Метрополь» был выстроен в стиле турецких бань начала века. Здесь были мозаики, башенки, фаянсовая плитка в персидском духе с лейтмотивом в виде павлинов и голубков; туда-сюда сновали слуги в

фесках, бабушах¹ и белых развевающихся одеяниях, напоминавших о каирском «Шепардз» и луксорском «Винтер паласе» в их лучшие времена. Медная утварь, пуфы, ковры: казалось, что с минуту на минуту войдет Пьер Лоти² под руку с Габриэлем д'Аннунцио³. Восхитительный сад раскинулся между рестораном и высокими внешними стенами, которые хотя и рушились, однако рушились со знанием дела — ровно настолько, чтобы поддерживать атмосферу запустения. Это были джунгли в миниатюре, в которых преобладал зеленый цвет, а красный, оранжевый и белый вспыхивали в стремительном эфемерном цветении, продолжавшемся день-два, после чего угасали. Когда слуги приносили Стефани кока-колу или кофе, они всегда ставили на столик бокал с розой, что можно было принять за рекламный трюк, однако таков был старинный обычай этой страны.

Она приняла душ, затем снова спустилась вниз и устроилась в холле возле выложенного сине-желтой мозаикой бассейна, в котором журчал фонтанчик и дремали золотые рыбки. Из Хаддана за границу самолеты летали лишь дважды в неделю. Ближайшие рейсы на Кувейт и Бейрут должны были состояться в пятницу. Это означало, что впереди тридцать шесть часов безделья, приятных неторопливых прогулок без Бобо и Массимо по восточным базарам и мечтательного времяпрепровождения на красных скалах: оттуда она станет лениво провожать взглядом бутры, чьи надутые паруса кажутся символами материнства и плодородия.

Об ужине возвестил гонг, этот последний отзвук эпохи почтовых судов, ходивших отсюда в Индию, и

¹ Туфли без задника и каблука.

² *Пьер Лоти* — псевдоним Луи Мари Жюльена Вио (1850—1923), французского писателя.

³ *Габриэль д'Аннунцио* (1863—1938) — знаменитый итальянский писатель, поэт, драматург.

тихоходных трансатлантических пароходов. Кондиционер в ресторане сломался, но ему на смену пришли два свисавших с потолка лопастных вентилятора. В зале сидело несколько немецких, французских и японских бизнесменов, но почти не было туристов, разве что одна из тех пожилых американских пар, которые вечно ищут, кого бы одарить ласковым словом.

Едва Стефани принялась за винегрет, как среди персонала возник небольшой переполох. Дверь распахнулась, и в сопровождении двух по-европейски одетых хадданцев в зал вошел очень красивый юноша, даже красивее, чем тот, что играл у Висконти в «Смерти в Венеции». У хадданцев были невозмутимые лица, отрешенный и вместе с тем бдительный взгляд, характерный для сотрудников всех тайных полиций мира.

Юноше вряд ли было больше четырнадцати. Его черты, под разлетом бровей, отличались трогательной и вместе с тем волнующей красотой едва расцветшей мужественности. На нем был темно-синий блейзер, фланелевые брюки и один из этих английских галстуков из знаменитых магазинов мужской одежды: где там такие носят — в Итоне, Харроу¹, Бейллиоле²? Стефани не могла отвести взгляд от его лица...

— Взгляни-ка на нее, Массимо, — проворчал Бобо. — У нее прямо слюнки текут. Это неприлично. Возьми себя в руки, Стефани.

— Это не человек, это произведение искусства. Бобо, будь ангелом, сфотографируй мне этого мальчика, только незаметно.

— Вот и фотографируй своим полароидом, раз уж повсюду таскаешь с собой эту гадость.

1 Одна из девяти старейших привилегированных мужских частных школ в Англии.

2 Один из старейших колледжей Оксфордского университета.

Бобо испытывал к мгновенному проявлению пленки то же презрение, что и великие виртуозы к механическому пианино.

— Я не решусь. Он меня смущает.

Стефани уже приступила к основному блюду, которое в меню описывалось как «изысканная смесь риса и рая», когда юноша подошел к их столику.

— Простите мне мою дерзость, мисс Хедрикс, но я так часто видел ваши снимки в американских журналах...

Он покраснел и нахмурил брови, явно раздраженный собственной робостью.

— Я вырезал ваши фотографии, у меня их целая коллекция. Меня зовут Али Рахман.

Он сделал паузу, и Стефани почувствовала, что он наблюдает за тем, какой эффект это имя произведет на публику.

Бобо, который, казалось, никогда не ел ничего, кроме мороженого со взбитыми сливками и профитролей с шоколадом, был занят тем, что выковыривал из коричневой магмы у себя на тарелке засахаренную вишню.

— Как это трогательно, — проворковал он. — Стефани, дорогуша, не сиди так, скажи что-нибудь умное...

Массимо почтительно встал, держа салфетку в руке, из-за чего возникло желание заказать ему эспрессо.

— Весьма польщен, Ваше Высочество, — пробормотал он.

— Моим отцом был бывший имам, — сказал мальчик. — Ну, вы знаете, «кровавый тиран». Вы наверняка о нем слышали. Его еще называют «средневековым чудовищем»...

В его голосе было больше грусти, чем иронии.

— Не думаю, что у нас есть право смотреть на прошлое глазами настоящего, — сказала Стефани с одной

из тех ослепительных улыбок, которыми она пользовалась, когда говорила глупости.

Бывший имам был ужасным самодуром, но малыш тут, разумеется, ни при чем.

— Совершенно верно, мой отец был очень жестким человеком, — продолжил юноша. — Но прежде чем его судить, следовало бы непредвзято проанализировать историческую обстановку и наши традиции, которые не менялись веками. Не думаю, что было так уж необходимо его убивать; достаточно было бы отправить его в изгнание... Но не следует порицать наш народ — его жестокость, как и жестокость моего отца, всего лишь проявление нравственного анахронизма... Крайности, имевшие место во время революции, произошли не по вине нового правительства, а по вине нескольких перевозбужденных представителей черни, которая еще не стала народом из-за недостатка воспитания и сознательности. Вот почему я приветствую произошедшие перемены. Только не подумайте, что я это говорю, потому что боюсь нового режима. Я не боюсь ничего и никого. Это единственное наследство, которое я принял от своих предков: достоинство и мужество...

Какая же он прелесть, подумала Стефани. Если ей когда-нибудь вздумается завести сына, она выберет себе такого вот. Тут она прикусила губу: Стефани, девочка моя, сколько можно смотреть на жизнь как на шоппинг, когда ходишь от витрины к витрине, из магазина в магазин, выбирая что получше. Вот что значит быть самой дорогой манекенщицей западного мира. Начинаешь думать, что тебе ни в чем не может быть отказа и что у тебя есть лишь одна проблема — проблема выбора.

— Присаживайтесь, принц, и съешьте шоколадное мороженое, — любезно предложил Бобо. — Шоколадное мороженое помогает от многих бед.

Два телохранителя, сидевшие за столиком в глубине зала, перестали есть. Они не сводили глаз с мальчи-

ка. Стефани раздражали эти манеры pistoleros¹ и эта настороженность, ведь она как-никак была официальным гостем этой страны. Али Рахман перехватил ее неодобрительный взгляд и улыбнулся.

— Новое правительство заботится о моей безопасности. Они страшно боятся, вы же понимаете. Если меня убьют, мировая общественность, разумеется, обвинит в этом нынешнее правительство... Вот почему, когда я выезжаю в город, эти два господина не отходят от меня ни на шаг. После меня не останется никого...

Он сделал паузу.

— Вы не согласитесь посетить мой дворец? — спросил он. — Власти не против того, чтобы я принимал гостей, при условии, разумеется, что их поставят об этом в известность.

Он посмотрел на Стефани с немой мольбой.

— Не сегодня, — мягко сказала Стефани. — У меня совсем нет сил. А вот завтра с удовольствием. Это далеко?

— Три часа езды, не больше. По хорошей дороге. Сначала в горы, потом через пустыню. Я пришлю за вами машину в полдень.

Он улыбался. Эту улыбку хотелось потрогать кончиками пальцев. Она же довольствовалась тем, что взяла из корзинки персик и мягко вонзила в плод зубы.

— Я так счастлив, что вы согласились, мисс Хедрикс. В первый раз я увидел ваши фотографии в двенадцать лет, я был почти ребенок. Я никогда не переставал вас коллекционировать. Для меня вы на самом первом месте, перед Кэрол Ломбард². Кэрол Ломбард идет сразу после вас в списке моих симпатий. Или вер-

¹ В Южной Америке — наемные убийцы.

² *Кэрол Ломбард* (1908—1942) — американская актриса, секс-символ Голливуда 30-х годов. Брак Кэрол Ломбард и Кларка Гейбла — одна из самых красивых и печальных историй Голливуда. В 1942 году погибла в авиакатастрофе.

нее, она на третьем месте. Сначала вы, затем никого, и затем Кэрол Ломбард...

Стефани рассмеялась. Ей захотелось встать и поцеловать его, но не следовало забывать, что они на Востоке и что здесь не обмениваются поцелуями в щеку как на Манхеттене или на авеню Монтень¹. Она вытерла капельку персикового сока с уголка губ.

— Какой чудесный комплимент, Али...

— Это не комплимент, — произнес Али Рахман, и его лицо погрузнело. — Это правда. Я буду так счастлив принять вас у себя во дворце. После вашего отъезда я больше никогда не буду одинок. Воспоминание о вас составит мне компанию...

Он помолчал, пристально глядя на Стефани с пылкостью и самоотречением, какие могут подарить вам лишь очень юные существа — щенки и дети, затем слегка поклонился и вернулся за свой столик.

— Вау, — произнесла Стефани, глубоко вдыхая. — Надеюсь, он никогда не объявится в Нью-Йорке или Париже. Будет нестерпимо жаль, если он станет еще одним плейбоем королевских кровей, чья жизнь — это «феррари», ночные клубы, Сен-Тропе и Сен-Мориц. Я никогда в жизни не видела ничего прекраснее и чище...

Бобо был в восторге.

— Самое главное, дорогуша, завтра я наделаю таких твоих снимков с этим маленьким принцем, что все мои коллеги ошалеют от зависти. Мы возьмем с собой всю коллекцию и попросим его надеть костюм магараджи, или эмира, или имама, ну в общем, все его барахло, с жемчугами, бриллиантами и рубинами, а ты в своем прозрачном «лунном свете», с феерическими вуалями из росы... Запад и Восток, Сен-Лоран, Шанель и сказочные дворцы... Ах, черт! Да я тебе такое устрою, крошка...

¹ Улица в Париже, известная дорогими бутиками и ресторанами.

Они узнали, что нужно попросить разрешение у властей, так как при визитах к маленькому принцу требовалось, как смущенно выразился представитель министерства внутренних дел, помнить о «соображениях безопасности». Впрочем, разрешение было незамедлительно выдано с самыми любезными улыбками. «Мисс Хедрикс, вы можете ехать, куда хотите, смотреть, что пожелаете, это свободная страна... Мы лишь заботимся о вашем удобстве».

Чиновник, подписавший разрешение, носил португальскую фамилию, Стефани он показался типичным индийцем, хотя глаза у него были китайские. Смешение рас и их разнообразие достигали в Хаддане своеобразного совершенства. Казалось, что это лабораторная пробирка, в которой мир ищет свое будущее лицо.

Чиновник проводил Стефани до дверей, и было очевидно, что он с радостью проводил бы ее и еще дальше. Все они здесь были неисправимыми мачо.

«Серебряное облако»¹, длинный «роллс-ройс» стального цвета, прибыл за ними в «Метрополь» в полдень, и они двинулись в путь по горной дороге, по обеим сторонам которой тянулись скалы и пропасти, а за каждым поворотом поджидали густые заросли пальм, сгрудившихся вокруг колодцев среди серых и черных базальтовых плит. Дальше началось однообразие пустыни с ее палящим дневным жаром; Стефани задернула занавески, чтобы защитить глаза от солнечной агрессии.

В «роллс-ройсе» работал кондиционер, и контраст между жарой снаружи и прохладой внутри успокаивал нервы; настроение у всех было доброжелательное. Бобо храпел, Массимо крайне внимательно изучал журнал мужской моды, без конца возвращаясь к собственной фотографии, на которой он рекламировал брюки дорогой марки. Дорога заняла вовсе не три часа, как говорил Али Рахман, а четыре. Стефани однако не жалела о своем решении. Цвет гор менялся, переходя от охры к зеленому и от черного к серому, водопады и пропасти напоминали индийскую роспись по шелку, на которой отшельники идут к тайной пещере, где взорам их

¹ Начиная с 1949 г. в фирме «Роллс-ройс» автомобили класса люкс получают названия «Серебряный призрак», «Серебряный рассвет» и «Серебряное облако».

явится Будда. Встречались караваны верблюдов — казалось, что они, как и все караваны, нагружены золотом и пряностями, — и белые всадники в развевающихся одеждах, как будто только что выстиранных служанками Навсикаи¹...

Пустыня возникла внезапно, суровая и чистая, как ислам и райские клинки, о которых говорит пророк. Здесь были барханы мягкого женственного цвета и рыжеватые барханы, на которых, казалось, вот-вот появится лев; стада пальм склоняли длинные жирафы шею под тяжестью зеленых фиников, над невидимой добычей кружили ястребы. Наконец, когда «роллс-ройс» взобрался на последнюю окаменевшую волну того, что двести тысяч лет тому назад было потоком лавы, они увидели оазис Сиди-Барани и — среди сочной сверкающей зелени — дворец, тут же заставивший их вспомнить о Тадж-Махале, с его куполом и белыми башнями. Вокруг росли королевские манговые деревья — кроны их поднимались до самой крыши. Они пересекли сад, где на ветках восседало множество павлинов, горлиц и серых обезьянок — их хватило бы, чтобы успокоить персидских и индийских миниатюристов относительно вечности их излюбленного сюжета... Династия Рахманов была иранского происхождения, но это место напоминало одновременно и Индию, и Аравию, и Джайпур, и Исфахан. Погружение в зелень после суровой сухости скал и песков стало для Стефани одним из лучших воспоминаний о Хаддане. Как если бы поэмы Хафиза

¹ *Навсикая* — в греческой мифологии дочь царя феаков Алкиноя и Ареты. Афина является Навсикае во сне под видом ее подруги и побуждает девушку отправиться со служанками на берег моря, чтобы выстирать там белье. Девичий крик пробуждает Одиссея, выброшенного накануне бурей на остров феаков. Навсикая выслушивает его просьбу о помощи и объясняет, как достигнуть дворца Алкиноя и добиться от феаков помощи в возвращении домой.

и Омара Хайяма воплотились в жизнь прямо у нее на глазах.

Юный принц сбежал по ступенькам лестницы и приветствовал Стефани с ребяческим восторгом. Он взял гостью за руку, как будто боялся ее потерять: судя по всему, он много мечтал и знал, насколько хрупкими бывают мечты. На секунду Стефани показалось, что сейчас он начнет показывать ей свои игрушки. Что, впрочем, Али Рахман и сделал: он отвел ее в зверинец, где жили львы, подарок императора Эфиопии его отцу, и стояли клетки с экзотическими птицами: каждый взлет их был взрывом красок. С ними соседствовали песчаные лисы и летучие обезьяны — уши у них были больше черных мордочек, взгляд был удивительным, страстным и жадным, как у влюбленных женщин. Привезенные из Японии золотые карпы сладострастно взмахивали плавниками среди актиний, без которых, уверил ее принц, они не могут обходиться — умирают от горя, стоит их разлучить с этими подругами...

— Надеюсь, что власти позаботятся о моих животных, — сказал Али. — Так как очень скоро мне придется покинуть дворец. Правительственным декретом он отдан народу. Это совершенно правильно. Здесь устроят музей. Я теперь такой же гражданин, как и все. Трудящиеся будут приезжать сюда на отдых... Добро пожаловать. Я порекомендовал организовать на будущий год музыкальный фестиваль...

— Это позор, — пробурчал Бобо. — Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь разделался с «народом» раз и навсегда. Хватит уже. Народ... Народ — это тяжелая работа, пот, слезы... Просто отвратительно. Карл Маркс сказал, что есть «природная несовместимость между народом и красотой».

— Он никогда не говорил ничего подобного, — проворчала Стефани.

— А ты, красавица, страдаешь пуританством и интегризмом, что означает, что для тебя народ — это

тело Господне. Ты падаешь перед ним на колени, ты его почитаешь, ты возжигаешь ему свечи. Народ стал Иисусом Христом, он последний крик этой моды, моды на Иисуса и пасхального агнца, на тело Господне и почитание Святого Креста в форме серпа и молота. Я жду, что со дня на день увижу религиозную церемонию, во время которой профсоюзные вожди придут мыть ноги рабочему... Она уже у нас на носу, если так можно выразиться... Где вы планируете жить, принц? В Швейцарии? Как правило, «бывшие» всегда выбирают Швейцарию.

Али Рахман улыбнулся.

— Вовсе нет. Я, возможно, поеду в Англию и буду там изучать новые методы ирригации пустыни, но я, конечно же, вернусь сюда, чтобы служить своей стране как обыкновенное частное лицо. Я, знаете ли, всем сердцем разделяю новые идеи. Я за демократию...

Стефани взглянула на него с жалостью. Бедняжка. Он так отчаянно старается не отставать от жизни... Но если судить по серьезности, вернее, по печали в его красивом взоре, не все идет так уж гладко. Чувствуется, что под английским блейзером продолжает жить принц древних империй...

Он показал им дворец. Несмотря на атмосферу выставленного на продажу дома, и на «тронный зал», где трон, викторианское кресло из красного плюша, неумолимо напоминал об английских ягодицах и Артиллери-мэншенз¹, искусство Омейядов² проявлялось то здесь, то там в красоте мозаик, гармоничных пропорциях, коврах, а главное, в том необыкновенном архитектурном чутье, позволявшем повсюду отыскивать прохладу и тень, которое эти сыны пустыни донесли до Гранады. Во дворце было слишком много подушек, а стулья и кресла выглядели неуместным

¹ Дорогой жилой комплекс в центре Лондона.

² Арабская династия (661—750).

вторжением в образ жизни, веками не знавший им применения. Повсюду стояли очень красивые сундуки, хранившие, наверное, настоящие сокровища, по стенам висели восхитительные по изяществу и цвету мозаичные надписи, а в мебели, привезенной с Запада, чувствовался кричащий дурной вкус выскочки. Но от чего у Стефани перехватило дух и что наполнило ее одновременно и восторгом и страхом, так это оружейный зал.

Через него, казалось, прошли все воины на земле — и навсегда оставили в нем свой след. Здесь были великолепные доспехи — некоторые из них относились к эпохе Крестовых походов, — а стены были увешаны холодным оружием всех времен: саблями, кинжалами, копьями; вне всяких сомнений, это была самая полная частная коллекция орудий, которые со дней основания веры служили для того, чтобы क्रомать тела и резать глотки.

Стефани никогда не видела более зловещих предметов. Они исходили ненавистью, кровожадностью и безжалостностью. Ее охватило возмущение, даже негодование. Эти, казалось бы, неодушевленные вещи жили своей жизнью — настолько громко и пылко заявляли они о своих смертоносных намерениях. Никакое огнестрельное оружие не могло соперничать с их силой и выразительностью.

Здесь была представлена вся история человечества, начиная с первых полей сражений. Были тут сабли в виде полумесяца, которые исламские завоеватели называли «райскими клинками», кривые турецкие сабли, коварные флорентийские шпаги, похожие на гадюк, тяжелые мечи крестоносцев, с виду — благочестивые кресты, ожидающие момента, когда их наконец-то всадят в грудь врагов христовых...

Стефани не была склонна к болезненным порывам воображения, но это холодное оружие, казалось, наполняло огромный зал рыданиями, предсмертными

криками и последними мольбами. Не было на земле другого места, которое бы столь романтически повествовало о бойнях, отрубленных головах и конечностях.

Бррр.

— Мой юный принц, вам не следует сюда заходить, — проворчала она. — Это уродует всех нас...

— Но это всего лишь музейные экспонаты, — сказал Али.

— Ну и что, черт возьми, — возразила Стефани. — Глядя отсюда, даже Карден, Диор и Живанши кажутся благодетелями человечества...

Бобо был на вершине блаженства.

— Какое восхитительное место! — воскликнул он. — Я вижу, что ваш почтенный отец был настоящим знатоком.

Юный принц согласился позировать для снимков в обществе Стефани, которая сменила десять разных туалетов; в качестве фона Бобо любовно выбирал самое смертоносное оружие. Принц согласился надеть парадные одежды. Когда он облачился в длинную парчовую тунику, расшитую серебряными нитями и жемчужинами, надел на голову белый тюрбан, шлейф от которого падал ему на плечо, и заткнул за пояс большой изогнутый кинжал — джамбию¹, его лицо внезапно утратило свою обворожительную юношескую свежесть и показалось более суровым и даже жестоким. Стефани вспомнила, что величайшему завоевателю всех времен Александру Македонскому было всего лишь шестнадцать, когда за его спиной остались поверженные империи...

— Сколько вам лет, Али?

— Скоро будет пятнадцать...

¹ Арабский кинжал с широким загнутым обоюдоострым клинком. Широкое основание клинка полностью закрывает руку, поэтому джамбия не имеет гарды.

Он бросил на Стефани чуть мечтательный взгляд и, поколебавшись секунду, произнес:

— Если бы мы все еще жили при монархии, то у меня бы уже была жена.

Осмотр дворца занял у них два часа. В этом было что-то трогательное: принц-ребенок жил один в ста двадцати двух огромных комнатах. Ни семьи, ни друзей: никого, кроме армии слуг.

Между тем был один человек, который всюду следовал за принцем — более странных существ Стефани еще видеть не доводилось. Это был своеобразный восточный — укрупненный и улучшенный — вариант одного из тех борцов кетча, которым тем больше платят, чем они страшнее. Его голова, плечи и руки нарушали в своей совокупности все пропорции, присущие человеческим существам, и придавали ему вид архаичный и как бы незавершенный. Он наводил на мысль о Вавилонии, боях гладиаторов и больших бронзовых статуях Непала. Кожа у него на лице была натянута так туго, что словно бы прилипла к костям, после чего в чертах не осталось и следа выражения, и определить возраст стало невозможно. Череп, прикрытый желтой тюбетейкой благочестивых шахиров, или «гази»¹, был совершенно лишен волос, а белки глаз под медлительными черепашьими веками отсвечивали желтизной старой слоновой кости. Взгляд был неподвижным, каким-то жидким и застывшим одновременно, подобным тем прудам со стоячей водой, где развиваются жизни темные и скрытые. Он был одет в некое подобие распашного жилета из синего шелка, в турецкие шальвары того же цвета; талию опоясывал традиционный красный *бахд* шахиров.

— Кто этот невероятный удав?

Али повернулся к явлению из древних времен, которое стояло позади него, скрестив руки, и улыбнулся.

¹ Участник газавата, войны мусульман с неверными.

— Это любимый слуга моего отца. Он меня вырастил и никогда со мной не расстанется. Его зовут Мурад.

— Стефани, дорогая... — прошептал Бобо с умоляющим взглядом.

Стефани вздохнула и пошла надевать оранжевый костюм от Унгаро. Бобо сделал около двадцати снимков Стефани в компании с этой гигантской черепахой, которая во время съемки сохраняла полную невозмутимость.

— Он восхитителен, ну просто восхитителен! — лепетал Бобо, прильнув глазом к видоискателю. — Если вы когда-нибудь надумаете с ним расстаться, Ваше Высочество, я его у вас куплю...

Массимо дель Кампо насмешливо фыркнул и загасил сигарету о ширазскую бронзу.

— Прежде он носил титул «меченосца», — сказал принц. — Его обязанности состояли в том, чтобы обеспечивать личную охрану имама... он спал у его двери. В некоторых особо торжественных случаях он выполнял также роль палача... На эту работу был большой спрос.

— Как интересно, — проговорила Стефани с несколько натянутой улыбкой и полным отсутствием искренности. Она была возмущена и чувствовала себя полной лицемеркой. В голове не укладывалось, как можно доверить ребенка такой няне. Палач в качестве товарища игр... Она с ужасом подумала, какие игрушки он давал мальчику...

— Знаете, он очень милый, — сказал Али, который почувствовал ее неодобрение.

— Я не сомневаюсь, — вежливо откликнулась Стефани.

Она старалась не смотреть на старого великана, но из-за своих усилий еще острее ощущала его присутствие. Разок-другой она украдкой взглянула на него, так как лучше уж было его видеть, чем чувствовать у

себя за спиной. Самым отталкивающим в этом восточном Франкенштейне был рот: линия губ изгибалась полумесяцем, правая сторона была явно длиннее левой — и от этого создавалось впечатление, будто она была прорублена ударами тех джамбий, что все они здесь носили за поясом, на животе. Казалось, что так природа отметила его лицо самым символом ислама.

— Никто не был так предан моему отцу, как Мурад, — сказал принц. — Он навещал племянников в горах, когда толпа завладела дворцом и схватила имама... Если бы он был здесь... Он дрался бы до последнего. Мне потребовались многие недели, чтобы получить у правительства разрешение вернуть сюда Мурада. Знаете, это легендарный воин. В тринадцать лет он уже сражался на стороне Ибн Сауда¹...

Он, должно быть, осознал, что говорит о прошлом с излишним жаром, и несколько смущенно улыбнулся.

— Это человек из другого века... Он не способен понять, почему я встал на сторону нового режима и демократии. Я уверен, что в глубине души он мне этого не простил... Вначале он уговаривал меня укрыться в горах среди шахирских племен, которые очень преданы мне, и начать священную войну против нечестивого режима тех, кого он называет бывшими рабами... Теперь он молчит, так как знает, что я никогда не совершу такого безумства... Я провел четыре года в Англии. И я не жалею о прошлом, поверьте мне.

Стефани успокаивающе коснулась его руки.

— Я в этом и не сомневаюсь, что вы, — сказала она, ощущая, что испытывает материнские чувства и в то же время отчаянно лицемерит.

— Нужно смотреть на прошлое так, будто листаешь книжку с красивыми картинками, из тех, которые так нравятся детям, — назидательно изрек Бобо.

¹ *Ибн Сауд* (Абд аль-Азиз, 1880—1953) — основатель и первый король Саудовской Аравии.

Стефани украдкой бросила на «меченосца» встревоженный взгляд.

— Все это кончилось, и кончилось теперь уже навсегда, — сказал Али, как бы желая ее успокоить.

— И очень жаль, — вздохнул Бобо, укладывая свою аппаратуру. — На мой взгляд, нашему времени недостает силы, жесткости...

Массимо дель Кампо произнес несколько слов по-итальянски, но Стефани предпочла сделать вид, что не расслышала. Сей прекрасный каррарский мрамор явно начинало тяготить, что кому-то другому, а не ему, оказывают чрезмерное внимание.

— Он не понимает по-английски, — сказал Али, — и я сейчас расскажу историю, которая, возможно, вас позабавит...

— Знаете, пора возвращаться в гостиницу, — быстро произнесла Стефани. У нее не было ни малейшего желания выслушивать эту историю. Она не сомневалась, что это тоже будет что-то совершенно возмутительное. — Мы улетаем завтра утром, и мне нужно собрать вещи...

— Расскажите, принц, расскажите! — проворковал Бобо. — Обожаю красивые истории! Пока я складываю свою технику...

Массимо издал смешок, полный непристойных намеков.

— Мурад когда-то дал обет. Тогда он был совсем юным воином... В бесчисленных сражениях, в которых он принимал участие в Хиджазе, ему случалось одним ударом сабли обезглавить двух врагов... В избытке религиозного рвения он поклялся, что не притронется к женщине, пока ему не удастся обезглавить разом, то есть одним ударом сабли, *троих*...

Впервые Стефани почувствовала что-то вроде жалости к старому удаву. Может, он и не понимал английского, но все же эту историю не следовало рассказывать в его присутствии. Она не одобряла и того, как

Али смотрел на старого слугу, почти как на предмет, с гордостью собственника. Даже Бобо, похоже, был немного смущен и воздержался от комментариев.

Великан оставался невозмутим.

На лице из другого времени и другого мира не было и следа эмоций.

На его скрещенных руках вздувались мощные жилы.

— Каким далеким теперь кажется все это, — сказал Али Рахман. — Мой бедный Мурад никогда уже не исполнит своего обета... который ему, разумеется, вообще не следовало давать.

На втором этаже в покоях принца Стефани увидела собственные снимки — они были вырезаны из журналов мод и вставлены в рамки, обтянутые зеленым и пурпурным сафьяном, инкрустированные перламутром и слоновой костью. Там же были и старые пожелтевшие фотографии великих звезд эпохи немого кино: Клары Боу, Вильмы Банки, Аниты Пейдж... Увядавшие образы мира, казавшегося столь же далеким и легендарным, как и тот, другой, мир клинков Аллаха и трех отрубленных голов, сложенных у врат рая...

— Али, в этом доме нет ни одной женщины?

— Только служанки на кухне...

— Где же ваша мать?

— В Эр-Рияде. Погружена в интриги... Она еще верит, что прежние дни могут вернуться и я взойду на трон. Только не подумайте, что меня удерживают во дворце как заложника. Это вовсе не так. Я мог бы хоть завтра уехать в Англию, если бы пожелал, правительство без устали мне это предлагает. Но это моя страна, и я не покину ее...

Они вернулись в «роллс-ройс». Али сел за руль и повез их взглянуть на знаменитую соляную пустыню, что находилась в семидесяти километрах к северу от оазиса. Перед ними открылась бесконечная сверкающая белизна, которую, казалось, вырубали во льдах

Арктики и бросили посреди песков. Не одну тысячу лет приходили сюда караваны за ценным минералом, без которого не могут обходиться ни люди, ни животные. На краю соляного пространства была заброшенная деревня, наполовину ушедшая в соль. Дома походили на ледяные хижины, соединенные заснеженными улочками, куда, казалось, вот-вот выкатятся санки...

Когда они двинулись из дворца в обратный путь, солнце уже предавалось своим цветовым забавам с дюнами, а оазис при пособничестве теней становился все плотнее. Али Рахман уступил место своему шоферу и поцеловал руку Стефани.

— Благодарю вас за то, что вы приехали. Это было большим счастьем.

Стефани высунулась из окна машины и поцеловала юношу в губы. Когда машина тронулась, она обернулась и в последний раз увидела Али Рахмана, который так и замер, прижав руку к губам, как будто пытался удержать запечатленный на них поцелуй.

Борясь с бессонницей, Стефани приняла снотворное, которое навело на нее полудрему, но не помогло уснуть. Она встала, чтобы раздвинуть слишком светлые шторы, но ее рука не нащупала никакой ткани: одна только синяя ночь и звезды. Ароматы сада и смутное стремление ее тела, казалось, сожалевшего, что у ночи нет двух рук и что она не способна на нежность, более напоминающую человеческую, заставили ее вспомнить Майка. Она порвала с ним меньше месяца назад. Стефани почувствовала, как по щекам у нее потекли слезы, но общеизвестно, что слезы глупы и горю ими не помочь. Ей не хватало вовсе не Майка, а любви. Любовь — странная штука, она обладает ужасной притягательной силой, когда ее с вами нет. Ладно, с меня довольно и самой себя, подумала Стефани. Меня даже слишком много. Налицо излишек меня. Я куплю себе чихуахуа. Это самые маленькие в мире собачки. Абсолютно беззащитные. Вот они точно нуждаются в ком-нибудь.

В пять утра она была уже на ногах и укладывала чемоданы, ругая на чем свет стоит все накупленное ею барахло, которое, наверное, выглядело оригинальным до изобретения паровой машины.

В ресторане, где ее ждали Бобо и Массимо, слуги в белых одеяниях и тюрбанах скользили так неприметно, что казалось, будто они создают тишину.

Бобо приспичило облачиться в местный костюм, он напялил бурнус, в котором выглядел как самый никудышный израильский шпион. Настроение у него было паршивое. Когда он не работал, то неумолимо оказывался лицом к лицу с самим собой и выходил из этого столкновения израненным, что неизменно выражалось в едких замечаниях, мишенью для которых становился Массимо. У Бобо был гнусавый голос ребенка, которого мучают аденоиды. Его бронкский акцент особенно сильно проявлялся по утрам, когда Бобо еще не успевал взять себя в руки.

— Нет, дорогуша, не дам я тебе пятьсот долларов, чтобы ты прикупил пять фунтов гашиша, который немедленно обнаружат на таможне. И не проси. У них теперь есть собаки, специально натренированные на эту штуку. А фокус с пакетиками, приклеенными пластырем к телу, уже проделывали миллион раз. Это больше не проходит. Тебя посадят. И ты в первый раз в жизни появишься на первых полосах газет, но он же станет и последним. И не проси. Не дам ни гроша.

— А я уже заплатил, — сообщил Массимо, злобно улыбаясь.

— Ах вот как?

— Вот так.

— И какими же деньгами, мой драгоценный?

На губах Массимо нарисовалась счастливая улыбка.

— Я продал один из твоих фотоаппаратов, «Вампу».

Лицо Бобо задрожало, как жидкое суфле, губы сложились, как у ребенка, который вот-вот расплачется, но в этой демонстративной жалости к самому себе был хорошо знакомый Стефани элемент мазохистского наслаждения. Она постоянно пыталась понять, почему человек, который так хорошо умеет сам себя мучить, все время нуждается в помощи извне.

— Мерзавец! — простонал он. — Мой лучший аппарат... Ты — продажная тварь, и притом совершенно бездарная... Я тебя вышвырну. Будешь снова крутить баранку сраного грузовика...

— Тогда он, может, опять станет человеком, — заметила Стефани.

— Заткнись, дорогая, и занимайся собственной задницей. Не моя вина, что твой негр тебя бросил!

— Говнюк паршивый, — молвила Стефани со своей самой прекрасной улыбкой.

Она отхлебнула еще апельсинового сока.

К ним неслышными шагами подошел директор гостиницы, похожий на иранского шаха, в черном жилете и полосатых брюках, в руках у него были их паспорта и авиабилеты.

— Все в порядке, *сар*, — сказал он, и в этом его «сар» было пятьдесят лет английского присутствия в Персидском заливе. — Самолет вылетает в семь тридцать. Рекомендуется быть в аэропорту за сорок минут до вылета для прохождения таможенных формальностей. Я велел приготовить для вас еду в дорогу... Разумеется, на борту самолета подается обед, но сами знаете, что такое местные авиалинии...

— А их самолеты часто падают? — с надеждой заинтересовался Бобо.

— Экипаж югославский, *сар*, — принялся успокаивать его директор. — Новое правительство, слава Богу, еще не успело подготовить хадданских пилотов. Я позволил себе заглянуть в ваши паспорта, *сар*. Будет ли мне позволено спросить, не являетесь ли вы потомком великой турецкой династии, которая так много сделала для этого региона в прошлом?

Бобо принял важный вид. Абдул-Хамид, последний султан Османской империи, был, вероятно, самым жестоким сатрапом со времен Ивана Грозного; его портрет красовался на видном месте в квартире Бобо

на Пятой авеню среди других подлинных реликвий рода Берковичей.

— Он был моим пра-прадедом со стороны отца, хотя по материнской линии я англичанин, — сказал Бобо.

Массимо издал хриплый смешок, и Бобо бросил на него испепеляющий взгляд.

Директор «Метрополя» как-то странно, изучающе посмотрел на Бобо — Стефани будет вспоминать об этом позднее, среди сомнений и ужаса, когда ее бесвязные мысли будут метаться во все стороны в поисках какого-нибудь объяснения. Она также будет вспоминать, не до конца веря в реальность воспоминания, мирную и уютную атмосферу ресторана с его коврами, по которым скользили слуги в тюрбанах, похожие на фигуры живой шахматной партии...

— Своим визитом вы оказали нам большую честь, *сар...*

Директор поклонился, и Бобо ответил грациозным движением головы.

— И вы тоже, мадам. И вы, синьор дель Кампо. Это была большая честь и несравненное удовольствие. Нам нечасто доводится принимать знаменитостей. Осмелюсь надеяться, что вы сохраните наилучшие воспоминания об этой поездке...

Он удалился.

— Какой болван, — сказал Массимо.

— Да, раз он принял тебя за знаменитость, — съязвил Бобо.

Стефани встала и пошла допивать апельсиновый сок в холле, возле бассейна с золотыми рыбками.

Какой-то смуглолицый человечек приветливо улыбнулся ей из глубин кресла, обитого алым плюшем, от одного лишь взгляда на который становилось жарко.

— Извините, что не встал вам навстречу, — сказал он вежливо. — Я слишком глубоко в нем утонул.

Стефани рассмеялась — чем, похоже, привела собеседника в полный восторг. Он достал бумажник, вынул из него две фотографии и протянул ей.

— Моя жена и мои сыновья, — сказал он.

Стефани, как и полагалось, выразила восхищение внушительной темноволосой дамой, окруженной тремя тщательно начищенными мальчиками. За снимками последовала визитная карточка: «Ахмед Алави, шелк, серебро, золото, драгоценности, поставщик Их Величеств имамов с 1875 года. Подлинность гарантируется».

— Мы — династия ювелиров, — сказал с гордостью господин Алави. — Это благородное ремесло. Люди приходят и уходят, а камни остаются.

— Как это верно, — почтительно заметила Стефани.

Она питала к клише ту же снисходительную симпатию, что и к пожилым дамам, которым помогают перейти улицу.

— Видите ли, во всякой вещи важна подлинность, — продолжил человек, который явно отличался склонностью к философии. — Красивый бриллиант никогда вас не обманет... Он всегда держит свои обещания — и даже перевыполняет их, так как цены постоянно растут...

Стефани всегда носила одну лишь дешевую бижутерию, что продают в драгсторах¹, и темные, чуть грустные глаза господина Алави тактично избегали смотреть на ее украшения, посредственность которых, видимо, оскорбляла его лучшие чувства. Он продолжал говорить о сапфирах и изумрудах, рубинах и бриллиантах, а его пальцы перебирали янтарные четки, и шарики, сталкиваясь, издавали сухой стук, напоминавший Стефани звуки игры в маджонг на ули-

¹ В США — аптека, в которой также продают косметику, бижутерию, предметы гигиены.

цах Макао. Появился слуга с двумя крошечными чашками кофе на подносе и обязательной розой в бокале. К удивлению Стефани, господин Алави внезапно повысил голос — так, чтобы его слышал слуга, — и завел похвальный гимн во славу нового демократического режима и блестящих перспектив, которые политические перемены открывали перед страной.

— Мы покончили с феодализмом. Возвращайтесь через год: вы не узнаете нашей страны. Обязательное образование, ирригация и, разумеется, аграрная реформа — они дали землю тем, кто ее обрабатывает — и еще очень многое... И гигиена, прежде всего гигиена...

Слуга удалился, и господин Алави заговорщицки подмигнул Стефани.

— Все они шпионы, — сказал он. — Приходится быть очень осторожным. Я, как вы, вероятно, заметили, шахир, а захватившие власть хасаниты ненавидят нас... Они нас боятся, хотя их в два раза больше. Наша элита была истреблена, изгнана, ограблена... Знаете, они способны на геноцид... А что нам остается делать, кроме как надеяться? По-моему, это не может продолжаться долго, они не способны управлять... Большинство из них потомки бывших рабов и афганцы. Я лечу в Швейцарию на консультацию с врачом. Я страдаю хроническим нефритом. Камни...

Разумеется, а чем же еще? — подумала Стефани. Господин Алави сам сказал: камни были их семейным делом на протяжении уже многих поколений.

Они обнаружили, что летят одним рейсом.

— Меня отпустили, но моя семья остается здесь... В качестве заложников, чтобы я вернулся. Я готов к тому, что конфискуют мое состояние. Я не понимаю позиции Соединенных Штатов и их политики в Персидском заливе...

Стефани встала, и господин Алави сделал новую попытку всплыть из глубин кресла, но и она оказалась

безуспешной. У него на пальце сверкал великолепный рубин, часы на руке были инкрустированы бриллиантами, и Стефани не без иронии подумала о драгоценных камнях, которые он наверняка запрятал к себе в подметки. Впрочем, этот человек был ей скорее симпатичен, да и, к тому же, было приятно сознавать, что еще хоть что-то осталось от сказочных сокровищ Востока, даже если это что-то готовится взять курс на швейцарский сейф.

Перед гостиницей остановился правительственный «кадиллак», и представитель Бюро по туризму вручил Стефани огромный букет роз, которые ее тут же оцарапали.

— От сэра Давида Мандахара...

Другой столь же драчливый букет ждал ее в аэропорту, он был от господина Самбро; все это дикое цветущее великолепие — аравийские розы считаются чуть ли не самыми красивыми в мире — она положила на два пустых сиденья сзади.

На борту двухмоторной «Дакоты» было человек двадцать пассажиров, лишь четверо или пятеро из них были одеты по-европейски. Она особо отметила великолепного старика, буквально сошедшего со страниц Корана, с белой бородой и глазами, влажными от молитв и медитаций. Так и хотелось спросить у него, нет ли каких новостей об осаде Гранады и о Сиде.

Было несколько видных представителей шахирской партии, которых она уже видела на приеме у сэра Давида Мандахара, — все они были одеты в традиционные белоснежные одежды. Казалось, что вы в «Дорчестере» или в «Плаза Атене»¹ во время очередного пересмотра нефтяных контрактов. Какой-то великан

¹ «Дорчестер» — одна из самых фешенебельных гостиниц Лондона. «Плаза Атене» — один из самых роскошных отелей Парижа на авеню Монтень, в сердце квартала парижских модельеров.

в высоком оранжевом тюрбане, с лицом, ощетинившимся мужественностью, которая, похоже, вся сосредоточилась в волосяном покрове, подошел к Стефани и напомнил, что они уже встречались на приеме у сэра Давида Мандахара.

— В этом самолете одни «бывшие», — сообщил он, подмигнув. — За исключением нескольких мелких прислужников режима, вон там... До государственного переворота у нас не существовало политического сыска...

Он рассмеялся — стало ясно, что он с большим почтением относится к луку и чесноку.

— Мы возвращаемся с только что закончившейся парламентской сессии, — объяснил он. — Самолет специально сделает посадку в Раизе, древней столице Раджада... Вам предстоит лететь вместе с представителем «феодалных рабовладельческих кругов», мисс Хедрикс...

Он издал очень красивое «ха-ха-ха», и Стефани пожалела, что положила букеты роз так далеко.

— Этим молодым людям, вероятно, поручено убедить, что мы действительно высадимся в Раизе. Самолет полетит дальше в Бейрут, и нам могла бы прийти в голову мысль покинуть страну и отправиться плести заговоры за границу...

Новое «ха-ха-ха» — Стефани мужественно выдержала и его.

— Заметьте, среди них есть несколько стоящих людей... Мой добрый друг Давид Мандахар, например... Мы оба по происхождению афганцы. Без него все бы уже давно обернулось полным крахом.

Пассажиров попросили занять свои места и пристегнуть ремни. «Дакота» была достаточно комфортабельной машиной, несмотря на рев двигателей и вибрацию.

Им принесли всегдашние взлетные конфеты. Стюардесса была восхитительна. Одетая в изумрудное

индийское сари, она улыбалась той успокаивающей улыбкой, которую так любят демонстрировать стюардессы, как будто хотят вас заверить, что вы ничего не почувствуете и что все произойдет очень быстро. Она смотрела на Стефани с восхищением. Чувствовалось, что присутствие на борту самолета знаменитой *cover-girl* для нее — настоящее событие.

— Вы такая красивая, такая красивая! — сказала она Стефани с типично восточной смесью дружелюбия и робости.

— Послушайте, душечка, вы настолько красивее меня, что это даже больно, — заявила ей Стефани. — Я еще ни разу не видела девушки, так похожей на восточную принцессу из сказки.

Стюардесса рассмеялась.

— Европейцам мы все кажемся красавицами, потому что они к такому не привыкли... Но я и в самом деле принцесса. Или, вернее, была ею до... перемен. Теперь у нас титулы отменены. Мой отец...

Ее лицо замкнулось, и она боязливо огляделась по сторонам.

— Извините меня. Я должна заняться другими пассажирами...

— Ну разумеется, я понимаю...

Помимо Бобо с его, как он выражался, «семейством» на борту был только один европеец. Он сидел с другой стороны от прохода, слева от Стефани, и подходил на одного из тех офицеров, которых покойная британская колониальная армия Ее Величества будет готовить еще не одно столетие после своего исчезновения. Он попытался сделать несколько замечаний насчет погоды, что вызвало у Стефани улыбку — они находились в одной из тех частей света, где погода практически не дает поводов для разговора. Она никогда не меняется. Улыбка Стефани заставила англоиндийскую армию оробеть, что выразилось в сильном покашливании, рыжеватые усы оцетинились в оборо-

нительном рефлексе, и их обладатель укрылся за своей колючей проволокой в суровом молчании, которое является у англичан чем-то вроде последнего оплота достоинства. Однако он успел представиться, что позднее будет воспринято Стефани как профессиональная ошибка, совершенная, вероятно, из-за чрезмерной заботы о правдоподобию.

— Полковник Уоткинс, — пробормотал он. — Прежде служил в королевской гвардии.

— Стефани Хедрикс, из Нью-Йорка.

Спустя десять минут после взлета из кабины вышел командир экипажа. Это был седовласый югослав, сложенный как техасец. Веселье и смех оставили дружелюбные морщинки вокруг его глаз, и даже белый шрам на правой щеке, казалось, улыбался. Он сразу же подошел к Стефани и пригласил ее отужинать с ним тем же вечером в отеле «Хилтон» в Бейруте. Она согласилась, прежде всего потому, что хотела избежать еще одной трапезы со своими приятелями. Ужинать в обществе Бобо было для Стефани все равно что есть изумительно приготовленную камбалу на сеансе вивисекции. Что же до Массимо, то он дулся на нее с тех пор, как она отказалась спрятать среди своих нарядов несколько килограммов гашиша. Она проинформировала его о том, что итальянские тюрьмы — а они собирались провести несколько дней в Риме — слывут самыми скверными в Европе и совершенно не подходят для топ-модели ее класса и уровня, привыкшей к дорогим отелям. Массимо принял вид побитой собаки, который, как предполагалось, должен был ее растрогать, но Стефани несколькими словами расставила все по местам. Она терпеть не могла шлюх. И теперь, усевшись подальше от всех, в хвосте самолета, он дулся. Стефани от души жалела его мамма¹, жившую где-то в окрестностях Каррары.

¹ Маму (*итал.*).

— Настоящий паковый лед, — произнес командир экипажа, наклонившись к иллюминатору, излишне близко к Стефани.

Ему было далеко за пятьдесят, но он, по-видимому, и не думал сходить с дистанции.

Самолет пролетал над соляной пустыней.

— Этот район называют «частью небытия», но он не столь безлюдный, как кажется. Здесь полно контрабандистов... и не все они арабы, поверьте мне. Через час мы совершим посадку возле гор Раджада, чтобы высадить нескольких важных пассажиров и заправиться. Имам запретил продлевать саудовский нефтепровод до столицы. А дороги нет. Хаддан, вероятно, последняя страна в мире, где не строят дорог по стратегическим соображениям. У них нет армии. Хотя это вопрос времени. До скорой встречи, мисс Хедрикс.

Он вернулся в кабину.

В салоне стояла приятная прохлада. Стефани вдруг неудержимо захотелось спать. Из вежливости ей пришлось сделать над собой усилие и притвориться, будто она слушает, когда господин Алави — «шелк, серебро, золото, драгоценности, поставщик Их Величеств, подлинность гарантируется» — сел рядом и принялся болтать.

— Какое облегчение, что я смог выбраться из Хаддана, — признался он, причем каждая капелька пота на его лице сверкала от радости. — Это, знаете ли, совершенно полицейский режим. Все наши традиции попораны. В школах больше не преподают ислам... В правительстве даже поговаривают о том, чтобы национализировать частные банки...

Он трещал без умолку.

Стефани делала отчаянные попытки удержать глаза открытыми. Ей уже никогда не удастся забыть смуглое лицо господина Алави, его томные темные глаза, следы юношеских угрей или оспы на щеках, и еще много лет она будет проводить ночи в его обществе.

— Как это интересно, — пробормотала она, после чего лицо болтуна начало расплываться, рев двигателей перешел в колыбельную, и она безмятежно заснула.

Она очнулась от резкого толчка и спросонья попыталась вспомнить, куда же летит — в Майами, Лондон, Париж... Последние три года ее жизни были одной непрерывной чередой взлетов, посадок, аэропортов... Стефани никак не удавалось открыть глаза, веки, да и все тело, казалось, вязли во сне — замедляя мысли, сон удерживал ее, как плотная текучая стихия, и первым соприкосновением с реальностью стали сильная головная боль и тошнота.

Все вокруг смешалось, предметы двоились, троились, свет, проникавший сквозь иллюминатор, слепил и ранил, как удары кинжала. Ей удалось встать, прикрывая рукой веки, чтобы уберечь их от напора беспощадного света, и она наощупь двинулась в переднюю часть салона. Но дверь, которая вела к туалетам и кабине экипажа, оказалась заперта изнутри. Стефани, не размыкая век, вцепилась в ручку, пытаясь справиться с новым приступом сонливости и тошноты. Колени подгибались. Она с силой вдохнула воздух, упрямо пытаясь собрать волю в кулак, чтобы превозмочь слабость, которая накатывала, как прилив пустоты. Во рту был свинцовый привкус, горло пересохло, першило, горело... Воды... Она вновь попыталась преодолеть преграду, но тщетно.

Стефани прислонилась к двери, отбиваясь от вод небытия, которые, медленно пульсируя, тяжелыми, ритмичными волнами поднимались на штурм ее сознания...

Отравлена наркотиком... Меня напичкали наркотиками... Это были ее первые связные мысли, и она провела рукой по лбу, отказываясь уступить сну, пустоте, тошноте...

«Дакота» вдруг резко пошла вниз, Стефани отбросило на сиденье, и она вцепилась в ручки кресла, пока самолет, выравниваясь и снова пикируя, не возобновил более или менее горизонтальный полет с упорством, в котором чувствовалась ожесточенная воля летчика. Рокот двигателей нарастал в стремительном крещендо, казалось, лопасти винтов вот-вот оторвутся, машина вибрировала, издавая оглушительный металлический скрежет...

Ее начало рвать.

«Дакота» билась, как обезумевшая рыба на крючке. Затем она вновь выровнялась, но двигатели явно перешли в другой режим, и в течение нескольких мгновений самолет держался на грани потери скорости и падения, как смертельно раненное животное, которое из последних сил продолжает бежать...

Стефани открыла глаза, поднялась и снова принялась дергать за ручку, яростно колотя ногами по двери, чтобы высадить ее. Безуспешно.

Стюардесса... Куда же подевалась стюардесса?

Стефани повернулась в сторону салона, и в тот же миг из-под сидения выпрыгнул какой-то круглый предмет и покатился к ней по проходу. Что это такое, она поняла, лишь когда предмет ударился о ее ноги.

Это была голова Бобо.

Довольно долго Стефани не сводила с нее строгого взгляда, напуганная не столько видом головы, сколько мыслью, что она бредит и у нее галлюцинации.

Голова пристроилась у нее между ступнями, лицо Бобо было повернуто к ней.

Стефани прижала руку к глазам, спрашивая себя, кто был тот сукин сын, что напичкал ее наркотиками — вероятно, ЛСД, — как и в какой момент он это сделал. А потом она сказала себе с той жесткостью, которую умела проявлять в трудные моменты: «Ну же, Стеф, довольно. Возьми-ка себя в руки, девочка!» Она опустила глаза и холодно посмотрела себе под ноги.

Отрубленная голова Бобо по-прежнему была там. Она перекатывалась от одной ступни к другой, как будто пыталась сказать, что нет, нет, она не хочет, она не согласна!.. Потом почти нежно прижалась щекой к туфле Стефани и замерла, возведя очи горе. Бобо взирал на нее с выражением мягкого упрека; на приоткрытых губах застыло подобие улыбки. Бородка клинышком была покрыта уже засохшей кровью.

Сжав челюсти, Стефани враждебно разглядывала голову. Когда над вами вот так подшутили, лучшее, что можно сделать, это не выказывать ужаса и смятения, на которые рассчитывают авторы шуток.

Она повернулась к другим пассажирам, чтобы увидеть, как они реагируют на этот идиотский розыгрыш.

Первой, кого она увидела, была стюардесса. Она сидела сразу слева от Стефани, возле иллюминатора, согнувшись пополам. Ее опущенные руки как будто тянулись за лежавшей у нее в ногах ее же собственной головой, чтобы вернуть ее обратно на шею, на месте которой чернела густая магма.

Страх и растерянность всегда принимали у Стефани форму гнева и агрессии. Но тут на помощь пришел инстинкт самосохранения — он был у нее сильно развит. Никто не заставит ее потерять рассудок или умереть от ужаса. Она принудила себя смотреть спокойно, не поддаваясь психозу; она должна удостовериться, что все обстоит именно так, как кажется.

Бесспорно, так все и обстояло. Голова Бобо закатилась под кресла, но голова прелестной стюардессы лежала у ее же ног, а та будто бы и вправду собиралась ее подобрать и вновь водрузить на плечи.

Все непоправимое и непонятное неизбежно приводило Стефани в ярость. Она выругалась сквозь зубы, борясь с головокружением и дурнотой, отвернулась от стюардессы и, держась за спинки кресел, двинулась по проходу.

Сперва ей показалось, что все пассажиры исчезли. Самолет как будто был пуст. Но они просто уменьшились.

Первый пассажир, которого она узнала, был господин Алави.

Он держал голову на коленях, сжимая ее пальцами, один из которых был украшен прекрасным рубином. Брови приподнялись, выражая глубокое горе, а рот приоткрылся, точно в последней мольбе.

Белобородый пророк и мачо в тюрбане, раньше издававший звучные «ха! ха! ха!», сидели бок о бок, также держа свои отрубленные головы, пророк — на коленях, а его сосед — на атташе-кейсе.

Все пассажиры, за исключением ее самой, были обезглавлены. Все они держали свои головы на коленях — кроме двух-трех, которые положили их на подносы для завтрака.

Стефани дошла до середины салона. Стало ясно одно: это не бред, она не жертва галлюцинаций. Она не спятила. Это успокаивало.

И тут она поняла, что нескольких человек в самолете больше нет. Исчез ее сосед-англичанин, а также все пассажиры, одетые по-европейски.

Еще она заметила, что у всех мертвецов ремни безопасности пристегнуты поверх рук.

Голова Бобо продолжала кататься туда-сюда, под креслами и по проходу. Его правый глаз закрылся — возможно, в результате удара, — а к щеке прилип фантик от жевательной резинки «Риглиз».

Самолет снова резко повело в сторону, он нырнул, выровнялся, голова господина Алави соскочила с колен и принялась играть в шары с головой Бобо.

Только тут Стефани осознала, на что именно она смотрит.

Закричав, она бросилась к кабине пилотов. Она принялась колотить в нее изо всех сил и звать, и ей пока-

залось, что она слышит ответ, какой-то крик с другой стороны. Стефани удвоила усилия, но тщетно.

На несколько секунд она дала себе волю — рыдая, всхлипывая, крича, прижимаясь к двери всем телом, как будто пытаюсь спастись от них, оказаться от них как можно дальше... Ей вдруг показалось, что головы ухмыляются, насмеваются над ней, заговорщицки подмигивают одна другой, и что сейчас случится нечто ужасное... Она повернулась к ним лицом. Уж лучше видеть их, чем чувствовать за спиной.

Ей нечего бояться. Теперь это всего лишь пред-меты.

Позднее, гораздо позднее, в течение долгих часов, которые она проведет, отвечая на вопросы, настаивая, срываясь и снова беря себя в руки, чтобы повторить все спокойно и точно, без противоречий, чтобы доказать, что она не лишилась рассудка и действительно видела то, что видела, ей придется снова и снова повторять, что это была *мизансцена*. В положении тел, в том, как их головы положили на подносы для завтрака, например, — нет, это были не откидные столики в спинках кресел, это были обыкновенные подносы — в этой отвратительной *компоновке* угадывалось умышленное желание ужаснуть, насмеяться, свести с ума. Чье желание? Откуда мне знать! Вообще-то это ваши дела. Ваши *политические* дела. Да, политические — и не смотрите на меня так, будто я подкладываю динамит под ваши задницы... Все было подстроено с циничным умыслом, специально рассчитанным на то, чтобы зрителя охватило сильнейшее возмущение... Что? Был ли жив пилот? Ну разумеется, он был еще жив, раз самолет все еще летел. Он пытался... выжить. Да, я знаю, что рядом с ним находился второй пилот, но его уже не было... Я хочу сказать, что... Но я вам это уже сто раз объясняла. Не заметила ли я еще чего-нибудь? А вам что, мало? Дайте подумать... Так вот, там был важный

политик, глава оппозиции, тот, которого вы мне показывали на снимке... Покажите еще раз... Да, вот этот. Так вот, его головы у него на коленях не было. Она лежала на соседнем сиденье, как будто он отложил ее в сторону, чтобы не мешала. Конечно, мне дали наркотик — видимо, при взлете, с конфетами, — но в тот момент я была в ясном уме. А впрочем, если вы думаете, что в своем подсознании я только тем и занимаюсь, что отрубаю головы и кладу их на подносы, то скажу вам одно: я не обладаю *восточным* воображением...

Но все это происходило гораздо позже, когда начался кошмар. А пока речь шла о *реальности*. Стефани стояла, опершись на кресло, и, чтобы взять себя в руки, чтобы совладать со своими нервами и подавить нараставшую панику, заставляла себя вглядываться, запоминать, противостоять. Это была единственно возможная защита: отстраниться с помощью холодного и объективного взгляда. И тут она и вспомнила про свой полароид; при взлете она положила его на соседнее сиденье. Вот то, что ей сейчас требуется: холодный, безучастный, объективный взгляд. Стефани схватила фотоаппарат и сделала несколько снимков, сначала головы, затем все вместе, весь салон самолета, — тщательно, насколько позволяли рывки «Дакоты», наводя объектив.

И тогда она вспомнила о Массимо.

Когда они взлетали, он сел в хвосте. Стефани положила фотоаппарат и направилась в хвост, но самолет вдруг нырнул в воздушную яму, задрожал, размахивая крыльями, как будто два человека отбирали друг у друга штурвал. Ее швырнуло назад, она вскрикнула и упала, — а потерявшая управление «Дакота» пикировала, выравнивалась, кренилась на одно крыло, потом на другое, и наконец, задрав нос, медленно поползла вверх в каком-то истощении сил, предшествующем срыву и финальному падению. При каждом

толчке самолета, который качало словно на волнах разбушевавшегося моря, все новые головы соскакивали с колен своих бывших хозяев, катались туда-сюда, тыкались Стефани в лицо, сталкивались между собой, напоминая крабов в корзине... Наконец ей удалось подняться, и она застыла, прижавшись спиной к перегородке, над этим отвратительным бильярдным столом, изо всех сил борясь с искушением поискать убежища в истерике или в трусливом обмороке. Падения самолета она ждала почти с надеждой, но пилоту в очередной раз удалось выровнять машину, навязать ей пусть и неуверенную, но внятную траекторию полета, и «Дакота» потащилась дальше, наклоняясь то на одно, то на другое крыло, как нетвердый на ногах человек; самолет, казалось, повторял, увеличивая их в масштабе, движения агонизирующего пилота, что в полусознательном состоянии все еще цеплялся за штурвал...

Стефани воспользовалась затишьем, чтобы возобновить поиски Массимо. Итальянец лежал на спине, мертвый, но с головой на плечах. Она опустилась рядом с ним на колени, взяла его за руку и расплакалась, как будто потеряла лучшего друга.

В тот миг, когда ее рыдания начали стихать и когда от самой продолжительности этого ужаса его воздействие стало, с началом привыкания, притупляться, самолет внезапно взвился свечой; за кратким ревом двигателей последовала полная тишина, и «Дакота», казалось, застыла на месте. Затем она скользнула вбок, винты взвыли пронзительно и жалобно, Стефани упала и откатилась к перегородке, крича от ужаса, от страха смерти...

В течение секунд, что затем сменяли друг друга во временном измерении, не имевшем ничего общего с обычным человеческим временем, самолет падал, вращаясь, точно осенний лист, в медленном вальсе, и это сопровождалось воем винтов, у которых ужас

Стефани заимствовал то надрывный крик, то пронзительную жалобу...

Последнее, что она запомнила, — падение замедлилось, самолет выровнялся, и в тот самый миг, когда в ней пробудилось нечто вроде отчаянной надежды, последовал удар, взрыв, и больше уже не было ни страха, ни реальности, ни кошмара.

«Красное...» Такой была ее первая мысль.

Солнце пробивалось сквозь кровеносные сосуды век. Стефани открыла глаза.

Она лежала на бархане в двадцати метрах от самолета. «Дакота» раскололась надвое; хвост и нос машины вошли в песок, она напоминала раскрытый циркуль, стоящий на двух ножках.

В зияющем проломе в боку фюзеляжа висело обезглавленное тело стюардессы с бессильно опущенными руками.

Металлический остов самолета и барханы омывались жарким пульсирующим светом, как будто по пустыне пробегали прозрачные и вместе с тем отчетливые волны. Изумрудное сари стюардессы было единственной свежей нотой в окаменевшей сухости песков. Бедная восточная принцесса, наверное, была обезглавлена железными обломками в момент катастрофы.

И вот тут пробудилась память, потоком хлынули воспоминания, и Стефани застыла. Ее первые мысли сначала попытались спрятаться, убежать, но неумолимые потоки сознания все возвращались, неся с собой череду неопровержимых картин всего того, что она только что пережила, всего, что недавно видела...

На песке между ней и самолетом лежало два предмета.

Голова господина Алави была обращена к солнцу с выражением печального неодобрения. Голова свирепого шахира, что разговаривал с ней в самолете, покоилась на одной щеке, а на другой щеке продолжал воинственно топорщиться ус.

Стефани закрыла лицо руками и дала волю умышленным, долгим рыданиям, не стараясь их сдерживать, чтобы полностью выплакаться, освободиться...

Через некоторое время она огляделась. Ничего. Песчаные барханы и белое, дрожащее, слепящее небо.

«Часть небытия». Так они ее называли... Ее мозг пронзила мысль, что она, возможно, скоро умрет от жажды. Она вскарабкалась на бархан, чтобы посмотреть, нет ли чего-нибудь живого на горизонте. Там не было ничего. Огромное ничего без конца и края...

Стефани спускалась с бархана, почти по щиколотку утопая в песке, когда увидела, что тело стюардессы задергалось в конвульсиях, как будто пыталось высвободиться. Затем оно подалось вперед и рухнуло на песок, явив сквозь разорванное сари беспомощно обнаженную ногу.

В зияющей дыре показалось одуревшее лицо Массимо дель Кампо.

Впервые Стефани подумала, что она и в самом деле сошла с ума. Ведь до этого она видела Массимо мертвым: безжизненное тело, распростертое в салоне самолета. А теперь он был живой и смотрел на нее, разинув рот, с таким выражением коровьей тупости на лице, что она сразу почувствовала себя лучше. Наконец-то что-то знакомое, неизменное. Восстановление связи с привычными, нормальными вещами.

— Што... што... што... — запинаясь, выговорил Массимо, и дальше этого дело не пошло.

Видимо, именно такой помощи Стефани и не хватало, чтобы к ней вернулось хладнокровие и даже некоторое чувство превосходства.

— Все отлично, Массимо! — произнесла она успокаивающим тоном, каким обращаются к насмерть перепуганному карликовому пуделю.

— *Отлично!* — простонал он. — По-твоему, это... *отлично!*

— Да, в общем, все, разумеется, относительно... Ну, ты знаешь, теория относительности... Эйнштейн.

— *Эйнштейн!*

Он бросил на нее еще один перепуганный взгляд и стал выбираться из самолета, стараясь не разорвать свой восхитительный костюм из белого бангкокского шелка. Массимо был из тех латинян, что способны на героизм ради спасения своего костюма.

В конце концов он тяжело рухнул на песок и остался там сидеть, раскинув ноги. Обезглавленное тело стюардессы лежало совсем рядом в очень женственной восточной позе беспомощности и покорности. Массимо немного потарачился на нее, затем глаза его обратились к Стефани с призывом о помощи.

— Этого не может быть! — простонал он. — Этого не может быть!

И расплакался. Вид этих слез возымел на Стефани незамедлительное действие: она осознала, что очень хочет пить.

Аполлон Каррарский обеими руками схватил себя за голову и стал ее трясти, при этом крутя ею вправо и влево — как обычно делают в приступе горя — но в свете недавних событий Стефани показалось, будто он пытается ее отвинтить.

— Хватит, прекрати! — закричала она.

Массимо какое-то время еще всхлипывал, затем облизнул распухшие губы и жалобно произнес:

— Голова Бобо...

— Да, знаю, знаю.

— Отрубленная! — завопил Массимо. — На полу!

Она...

Внезапно он умолк.

Он увидел на песке другие головы.

Стефани никогда не воспринимала всерьез выражение «волосы встали дыбом». А между тем именно это сейчас и происходило: густая грива Массимо буквально взлетела в воздух.

Следующий его жест был исполнен смирения и даже не лишен трогательности. Он сунул руку за пазуху и извлек оттуда маленький крестик, который носил на цепочке. Массимо поднес его к губам. Отдав себя таким образом под защиту небес и полностью доверившись судьбе, Массимо замер, сидя на песке, поджав колени к подбородку и уткнувшись лицом в сложенные руки.

Часом позже, когда солнечный жар сделался нестерпимым, не ему, а Стефани пришлось лезть в самолет в поисках хоть какой-нибудь воды.

Она старалась не касаться тел. Из-за жары и мух казалось, что их стало вдвое больше...

Давящий и спертый воздух внутри перегретого металлического фюзеляжа лишал ее сил.

При ударе о землю дверь в кабину пилотов подавалась, и засов соскочил. И теперь Стефани удалось проникнуть внутрь.

Несколько секунд она разглядывала спину летчика.

Упавший на штурвал человек был одет в бурнус. Это был бедуин.

Лишь когда она подошла поближе и рассмотрела лицо, она узнала старого югослава, который пригласил ее на ужин. Это был он.

Получалось, что перед самой смертью он почему-то переделался бедуином.

Это не укладывалось в голове.

Впрочем, Стефани и не пыталась понять. У нее хватало других забот.

Было много крови.

Вероятно, пилот потерял сознание за штурвалом, а погиб уже при ударе о землю.

Кресло второго пилота пустовало. Между рычагами и приборной панелью торчало измазанное кровью ружье.

Мухи уже проникли в кабину.

Вода нашлась в кухонном резервуаре в передней части салона.

Обливаясь потом, Стефани вылезла из обломков. Массимо окончательно пал духом, и вид этого бедолаги, в последнем своем провальном фильме сыгравшего роль Геракла, напомнил ей, что она может рассчитывать только на себя. Он стонал, размахивал своим крестиком, возводил глаза к небу, как это делают зазывалы и потаскухи. Его лицо походило на снимок кинозвезды, который вырвали из журнала и использовали как туалетную бумагу. Лишь его костюм сохранял остатки мужества. Разорванный и перепачканный кровью, он, несмотря ни на что, оставался стильным: римский портной, одевавший Массимо дель Кампо, вышел из этой катастрофы почти без потерь.

Крылья «Дакоты» пусть не полностью, но все же защищали от солнца. Но рядом с самолетом было невозможно дышать. Тела разлагались с такой скоростью, что напоминали некую новую форму жизни: набухали и раскрывались, словно бутоны. Лазать в самолет за водой было просто омерзительно. Однако так хотелось пить, что позволить себе роскошь пойти напиться внутри «Дакоты» очень быстро стало наслаждением.

Незадолго до захода солнца Стефани обнаружила, что бак продырявлен: из крана больше не текло, и ей пришлось проделать штопором дырку ближе ко дну, чтобы вылить то, что осталось. Зато обнаружилось около двадцати банок с апельсиновым и томатным соком. А когда они нашли коробки с едой, приготовленной для них в дорогу, их радости не было границ.

Они, вероятно, стали единственными существами на земле, которые, в ожидании смерти, поглощали

сэндвичи с копченым лососем, икрой и гусиной печенкой; за сэндвичами последовала еще и фаршированная утка.

Первые тридцать шесть часов были не слишком веселыми, особенно когда Массимо дель Кампо завладел головой Бобо и стал бурно упрекать ее — этакая версия «Гамлета» в стиле итальянского вестерна.

До конца, до последнего проблеска сознания, когда от сухости воздуха тела мумифицировались и перестали пахнуть, Стефани удавалось сохранять чувство юмора. Ее охватил безумный смех при мысли, что «Взер», вероятно, будет так описывать ее агонию: «В волшебной пустыне из сказок „Тысячи и одна ночь“ под золотым, усеянным бриллиантами небом, одетая в желто-лиловый ансамбль от Риджи с широкими рукавами в опаловых блестках, дополненный элегантными украшениями от Нино Альфиери...» На ней были белые джинсы, но в статье они преподнесут все иначе, чтобы сделать ей рекламу, пусть и посмертно.

И вот, когда занялся рассвет третьего дня, она решила, что уже дала разумный шанс спасателям, а теперь нужно пойти на риск. Она, конечно же, хотела бы дождаться помощи, но не хотела пассивно дожидаться смерти. А за барханами, возможно, что-то было: дорога, колодец, лагерь кочевников... Она разбудила Массимо, пнув его в ребра, и заставила подняться.

Они двинулись в путь, когда на горизонте уже набухало солнце. Стефани было очень трудно идти, но еще тяжелее было заставлять двигаться Массимо: он один был как целое стадо коров, которых требовалось ежеминутно собирать. Всего за несколько часов жар, вызванный гневом небесным под названием «солнце», обожженная кожа, жажда и истощение превратили их в два пугала, которые шатались и бредили.

Лицо и руки Стефани покрылись отеками и следами от тысяч укусов невидимых клещей. Красные пятна быстро превращались в болезненные волдыри.

Однако она продолжала двигаться вперед, ругаясь и гоня перед собой коровье стадо по имени Массимо, не из жалости или солидарности и не для того, чтобы не дать ему упасть и умереть, а потому что боялась остаться одна: так все же было что-то живое, животное во всей этой слепящей пустоте.

Массимо, которого она упрямо толкала перед собой, грозил ей в бреду кулаком, вертелся на месте, как брошенная марионетка, которая одну за другой обрывает свои нити в медленном неуклюжем вальсе, прежде чем рухнуть на пол...

Но она упрямо продолжала этот ошалелый заплыв через пространство, и барханы поднимались и опускались, точно волны цвета охры, и время от времени в них показывалось лицо ее отца и дом на Фишер-айленде¹, где она проводила каникулы, когда была маленькой.

К ней вновь вернулось сознание, когда она увидела, что Массимо, совершенно невменяемый, стоит в театральной позе на вершине бархана и поет «*La donna è mobile*»²; допев, он рухнул на землю и начал скрести песок ногтями. Она упала рядом с ним, укрыв лицо платком от Пуччи, чтобы защитить то, что еще осталось от ее кожи. «Господи, я не могу лишиться своего рабочего инструмента, они же меня изуродуют... Как я буду зарабатывать на жизнь...»

И тут страдания прекратились.

¹ Искусственный остров у берега Майами, застроенный дорогими виллами.

² «*La donna è mobile*» («Сердце красавицы склонно к измене», *итал.*) — слова из оперы Дж. Верди «Риголетто».

Судно покачивалось на волнах, и океан мягко, по-дружески приподнимал его, как добрый великан, который несет на плече спящего ребенка. Ее отец твердой рукой держал штурвал. Этот человек занимался или пытался заниматься многими вещами — вплоть до того дня, когда он «пал» (он произносил это с грустной улыбкой, не уточняя, что он под этим подразумевает) и закончил свои дни во Флориде, владельцем французского ресторана на Марина-бич.

Судно насчитывало в длину всего лишь девять метров, а в Майами имелось еще тридцать два французских ресторана, но паруса наполнялись ветром — а когда вы стоите на палубе в капитанской фуражке, с трубкой в зубах, и у вас борода с проседью, как у настоящего морского волка, и на вас устремлены глаза обожающей дочери, то все не так плохо. Стефани с благодарностью вспоминала свою мать, потому что та их бросила. Они потеряли ее где-то по дороге, между ловлей лангустов и делами по импорту-экспорту, между Джибути и Мадагаскаром — она оставила их, чтобы последовать за капитаном из Иностранного Легиона.

Спасена, подумала она с благодарностью, ощущая, как под ней колыхнется палуба, и открыла глаза, чтобы улыбнуться отцу с тем восторгом, к которому он

привык и без которого, вероятно, и сейчас не может обходиться, хотя и умер пять лет назад.

Она увидела барханы и белую фигуру бедуина, что ехал рядом на своем махари¹, обнаружила, что лежит на спине верблюда под чем-то вроде паланкина из пальмовых ветвей, запеленутая, как младенец, в красно-синюю хлопчатобумажную ткань, которую обернули вокруг ее тела и пропустили под брюхом животного...

Перед ней была вереница верблюдов, которые покачивались в раскаленном мире, где солнце было похоже на вспышку, увековеченную в момент ее апогея.

Стефани тут же закрыла глаза, чтобы защититься от боли, но красный пожар над ней продолжал свирепствовать. Она поднесла руку к лицу и ощутила под пальцами шершавую поверхность; высохшая и затвердевшая кожа была жесткой, как чешуя. Она вскрикнула, не столько для того, чтобы привлечь внимание, сколько для того, чтобы удостовериться, что у нее еще остались голосовые связки и что огонь, который она ощущала у себя в горле, разрушил не все.

Один из бедуинов направил к ней своего махари, приподнял один из двух кожаных бурдюков, что свешивались по бокам животного, и дал ей напиток.

Она увидела Массимо, равномерно покачивавшегося перед ней, на спине другого верблюда. Массимо тоже был завернут в красно-синие хлопковые тряпки. Несомненно, это был какой-то караван синих и красных хлопковых тканей.

Она уснула.

Когда она проснулась, то обнаружила, что лежит на расстеленном на земле покрывале в каком-то оази-

¹ Небольшой быстроходный верблюд из Северной Африки. Арабы говорят, что хороший махари пробегает расстояние от Мекки до Медины (380 км) от заката до заката, то есть за сутки.

се; рядом с ней поставили кувшин с водой, положили финики и что-то вроде хлеба, походившего на высушенные коровьи лепешки и имевшего заплесневелый и одновременно пыльный вкус — ну просто восхитительный. Ничего вкуснее она никогда не ела. Солнце окрасилось красным и выглядело довольно безобидно, но при одном только слове «солнце» к горлу подступала тошнота. Всюду были верблюды: они ревели, рыгали и писали вокруг нее. Писали они с большой высоты и брызгали слюной во все стороны. Вообще-то не слюной, но она себя понимала.

Ночь опустилась внезапно, и знаменитые звезды пустыни, о которых ей прожужжали все уши, засверкали во всем своем вошедшем в поговорки блеске. Начало стремительно холодать. Бедуины дали ей одеяло, но оно было только одно, и посреди ночи Массимо попытался его у нее украсть.

Она дрожала, зубы стучали, лицо и руки горели, а по спине пробегали мурашки, смесь огня со льдом. Кожа лица затвердела, как маска. У Стефани было такое ощущение, будто черты ее лица вот-вот отпадут. Она слышала об одном великом пластическом хирурге в Бразилии... О, да к черту, все уладится, решила она. Я снова буду красивой, даже если для того, чтобы сделать пересадку, придется срезать всю кожу с задницы. Ей всегда говорили, что у нее очаровательные ягодицы.

Нежный, мягкий воздух касался ее горящего лица, как милосердная рука, и в конце концов она задремала под этой лаской...

Она проснулась от запаха нагретого сала: какой-то бедуин с рожей, рассеченной улыбкой, держал у нее перед носом кусок жареного мяса. Массимо, сидя на ковре среди песков, пожирал свою порцию с жадностью, вызывавшей смех караванщиков.

Погонщики верблюдов жестами показывали им, что пора трогаться в путь. Махари, которые, подог-

нув колени, лежали на песке, неохотно поднимались. Желтое небо уже возвещало о первых происках солнца. И тогда Массимо дель Кампо показал, что вновь стал самим собой.

— Это послужит мне отличной рекламой, — сказал он.

На следующее утро барханы начали сглаживаться и смягчаться, как море после шторма, и вскоре они прибыли на военный пост. Там не было названия, только цифра, толстая пятерка, нарисованная на щите, что стоял на обочине начинавшейся в этом месте дороги.

Караванчики оставили их там, сопроводив прощание взрывами смеха, который с натяжкой можно было принять за выражение симпатии. Их вожак, который до этого ни разу не заговорил с ней и всегда держался поодаль, сухо отдал приказ, и смех тут же смолк. Она знала его лишь по его одинокому силуэту. Он спешился, отошел в сторону, чтобы переговорить с бедуином, поджидавшим его возле «лендровера», и протянул ему что-то похожее на конверт. За это время его верблюд лег, и когда вожак вернулся, ему пришлось повоевать со своей животиной, которая отказывалась вставать. Капюшон бурнуса соскользнул у него с головы, и Стефани увидела его лицо. Это был европеец.

У него были светлые волосы, подстриженные ежиком, мелкие черты лица и очень сильная шея. Отвернувшись, он быстро поправил бурнус.

Первой реакцией Стефани было возмущение. Этот человек наверняка говорил по-английски, по-немецки или по-французски, в общем, это был соотечественник, ну, в самом широком смысле этого слова, и он ни разу не подошел к ней, не спросил, как она себя чувствует, не произнес ни слова сочувствия, не подбодрил ее. Он уже вновь забрался на своего верблюда. Вряд ли можно было показать яснее, что от них хотят отвязаться.

Контрабандисты, внезапно подумала Стефани. Тогда все становится понятно. Они, наверное, перевозят гашиш или оружие и не горят желанием лишний раз попадаться на глаза.

Спустя четыре часа они были в Тевзе. Военный джип отвез их напрямик в госпиталь. Там были монахини-индианки, чернокожие медсестры и довольно молодой английский доктор, которому она сразу же начала рассказывать свою историю.

— Да, да, понимаю, — закивал он. — Это все пройдет.

— Они отрубили всем пассажирам головы и положили им на колени и даже на подносы для завтрака...

— Успокойтесь, — сказал доктор, — мы займемся вами. У вас сильный шок...

— Стюардесса, иранская принцесса, сидела, наклонившись вперед, и пыталась подобрать свою голову, а голова лежала у нее в ногах — наверное, упала при толчке самолета, я хочу сказать, соскочила с колена — она как будто хотела приставить ее обратно к плечам...

— Полноте, мисс Хедрикс, такие вещи случаются. Вы пережили сильный шок, но теперь все будет хорошо.

Он взял ее под локоть, вокруг суетились сестры. Среди них была одна толстуха, совсем черная, с чудесным американским лицом, как у какой-нибудь мамма¹ из Луизианы, она гладила Стефани руки, и та, рыдая, бросилась ей на грудь, пытаясь объяснить...

— Повсюду головы, они бегали, как крабы, сталкивались, как в бильярде, понимаете... А пилот-югослав перед смертью переоделся бедуином...

¹ Мамочка (англ.).

— Тише, тише, девочка, сейчас все пройдет...

Она даже не почувствовала укола и заснула на груди у своей матери — та, похоже, вернулась после стольких лет отсутствия.

Стефани проспала тридцать шесть часов кряду, а когда проснулась, то ощутила волчий голод, и в мыслях у нее было лишь одно: есть, есть и есть. Ей снились литературные сны, полные гениальных описаний вкуснейших блюд, и она решила вернуться в Нью-Йорк и открыть дорогой ресторан.

Первым делом она попросила зеркало: все было не так страшно, как она опасалась.

Ее палата была наводнена розами, их с наилучшими пожеланиями скорейшего выздоровления прислали: Али Рахман, Его Превосходительство министр иностранных дел господин Самбро, Его Превосходительство министр внутренних дел и туризма сэра Давид Мандахар, Его Превосходительство посол Соединенных Штатов Америки господин Эдвард Хендерсон...

Поначалу ей запретили разговаривать. Потом жар у нее прошел, и на четвертый день, войдя утром в ее палату, доктор Салтер застал ее сидящей в постели перед горой бараньих котлет.

— Молодец, — сказал он. — С вами приключилась ужасная история, мисс Хедрикс. Какая страшная авиакатастрофа!

Она положила вилку.

— Какая *катастрофа*? Речь идет о чудовищном убийстве, совершенном самым жестоким, самым сред-

невековым способом. Мне никогда не забыть, как эти отрубленные головы катались по полу... Газеты опубликовали снимки?

Лицо молодого врача застыло.

— Не думайте больше об этом, мисс Хедрикс. Не думайте ни о чем. Вы еще очень слабы.

— Нет. Я не слабая. У меня, знаете ли, крепкие крестьянские корни — французские и ирландские. Самолет нашли?

— Да. Фотография появилась в газетах.

— Виновных арестовали?

Доктор Салтер слегка вздохнул.

— Если вы имеете в виду причину авиакатастрофы, то ведется следствие. Вероятно, технические неполадки.

Она внимательно посмотрела на него.

— Что это вы тут пытаетесь мне рассказать, доктор?

— Но...

— Речь идет не об авиакатастрофе. Это не было авиакатастрофой в обычном смысле слова. Самолет разбился, потому что пилот получил две пули в спину. Второй пилот исчез, так же как и все пассажиры-хасаниты и один англичанин. Все остальные пассажиры этого адского самолета, кроме Массимо и меня, *были обезглавлены*. Я хочу, чтобы вы наконец поняли: *им отрубили головы*. Топором, или саблей, или каким-то другим подходящим для этого дела инструментом, не знаю. Что об этом написали газеты? Какие есть гипотезы? Кто мог совершить столь чудовищное злодеяние и с какой целью? И почему нас с Массимо не тронули? Не делайте такого вида, доктор. Если вы пытаетесь убедить меня, что я спятила, и что я не видела того, что видела, значит, одно из двух: или же вы ничего не знаете, или же вы их сообщник...

Врач, до этого по-дружески сидевший в изножье кровати, встал. Теперь он был похож на светлого спаниэля, лысоватого, грустного и очкастого.

— Разумеется, я не в курсе того, что произошло, мисс Хедрикс, это правда. Мы поговорим об этом позднее, когда вам будет лучше. Это чудо, что вы выжили и в авиакатастрофе, и в пустыне...

Он наклонился и дотронулся пальцем до лица Стефани. Ее кожа настолько огрубела, что она даже не почувствовала прикосновения.

— Не так уж плохо, — сказал он, но это не было данью ее красоте: он думал о состоянии ее эпидермиса.

— Разумеется, никакое это не воздушное пиратство, — сказала Стефани. — Террористы могли убить пассажиров. Но зачем бы они стали рубить им головы? Это была продуманная мизансцена... Утонченная жестокость, изощренное устрашение, которое не могло быть немотивированным, которое преследовало какую-то цель... Все эти несчастные держали головы на коленях... Так что, доктор, я задаю вам вопрос: что это за цель? И почему нас с Массимо не тронули?

Внезапно Стефани поняла — и это вызвало у нее прилив возбуждения, почти экзальтации: наконец-то что-то обрело смысл.

— А я скажу вам почему: им нужны были свидетели!

Доктор глубоко вздохнул и поднял руку. Но Стефани не дала ему заговорить. Наконец-то перед ней забрезжил слабый свет, но это все же было начало...

— Они рассчитывают, что мы с Массимо обо всем расскажем, чтобы этот геноцид не могли замять те... те, кто его совершил, вот!

Она призадумалась.

— Нет, что-то тут не клеится, — сказала она мрачно.

Доктор Салтер еще раз бросил взгляд на температурный лист у нее над кроватью. Температуры у нее уже не было.

— Я считаю, что вам необходим продолжительный сон и полный покой, — сказал он.

Как и все женщины, которые вынуждены выживать в мужских джунглях, Стефани имела большой опыт общения с мужчинами. Она ясно видела, что доктор Салтер человек абсолютно честный. Значит, было лишь одно объяснение. *Он не знал*. Но если он ничего не знал, то только потому, что ни местные газеты, ни радио его ни о чем не проинформировали. Никто не был в курсе. А ведь кто-то же забрал тела... Значит...

— Доктор, что пишут газеты?

— Я не читаю по-арабски, но у нас тут есть местная газета на английском, и она опубликовала подробный рассказ о случившемся. Самолет разбился через два часа после взлета. Экипаж и все пассажиры погибли сразу, кроме вас и вашего итальянского друга. По словам последнего, вы ждали три дня, пока к вам не пришла помощь. На вас случайно наткнулся какой-то караван... Вам необыкновенно повезло. Вы многим обязаны господину дель Кампо. Он настоящий герой. Он целый день нес вас на руках и на плечах...

— *Что?*

Стефани была настолько возмущена, что ей даже не удалось задействовать все богатство своего словарного запаса. Она ошарашенно уставилась на врача.

— Я сейчас дам вам успокоительное, мисс Хедрикс. Могу со всей ответственностью заявить, что через несколько дней вы полностью оправитесь. А если вы хотите послать телеграмму родным или друзьям...

— У меня никого нет. Был любовник, но он меня бросил... У меня есть только я сама, — наверное, поэтому я очень собой дорожу. И перестаньте сюсюкать и обращаться со мной как с младенцем. Я уже

сказала вам, я не из слабаков. Я столь же нуждаюсь в том, чтобы со мной цацкались, как полк Иностранного Легиона. Не могли бы вы принести мне газету, о которой говорили?

— Я бы предпочел, чтобы вы пока не пытались читать, но если вы настаиваете...

Он удалился. Медсестра принесла ей местную газету на английском.

«В пустыне разбился самолет компании „Хаддан эйрлайнз“. Члены экипажа и девятнадцать пассажиров погибли, в том числе известный нью-йоркский фотограф господин Абдул-Хамид. Двое пассажиров выжили: мисс Стефани Хедрикс, знаменитая топ-модель, и господин Массимо дель Кампо, актер. Авария, вероятно, произошла из-за отказа двигателей».

Это было все. Но самым удивительным была фотография.

На ней были видны обгоревшие обломки «Дакоты».

И никаких следов тела стюардессы. Головы исчезли. Ничего, кроме песка.

Стефани отложила газету.

Она знала, что самолет не загорелся. Они два дня укрывались под его крыльями.

А между тем это был тот же самолет, в том же положении буквы Л, которое ей так хорошо запомнилось, с проломом в боку...

Она отбросила газету и провела рукой по лбу...

А что если... *Нет. Нет.* Ей это не пригрезилось. Это не было галлюцинациями.

— Приведите сюда Массимо. Сейчас же.

— Господин дель Кампо покинул госпиталь сегодня утром. Он вернулся в гостиницу.

— Плевать мне на это. Приведите его. Еще я хочу видеть консула Соединенных Штатов. Я пережила кошмарные, ужасные, невообразимые часы, и я не позволю, чтобы надо мной еще и посмеялись. Я требую,

чтобы сходили за Массимо, чтобы вызвали американского консула или лучше самого посла Хендерсона, а также представителей иностранных информационных...

Ее глаза сверкали, разметавшиеся рыжие пряди падали на лицо; сжав кулаки и размахивая руками, она ходила взад-вперед по небольшой больничной палате, врач и медсестра испуганно провожали ее взглядом.

— Ну конечно, мисс Хедрикс. Мы попросим господина дель Кампо прийти... Успокойтесь, пожалуйста... Я сейчас позвоню ему прямо отсюда...

Доктор взялся за телефон. Сначала «гордость Каррары» (говоря словами его личной рекламы) отказался покидать отель и вылезать в большой мир, но, по видимому, кому-то удалось его переубедить, и этот кто-то даже потрудился отвезти его на собственной машине в клинику. Сразу было видно, что этот самый кто-то — полицейский, а если нет, то я не рыжая, заключила Стефани.

— Представляю тебе моего друга господина Бакири, — сказал Массимо. — Он со мной очень любезен. Власти тоже. Все просто из кожи вон лезут... У них здесь чудесные портные. Взгляни-ка на этот костюм... Мне его сшили за сутки. Скроен почти как в Риме. Совсем они тут не такие недоразвитые, как говорят. И знаешь, совсем недорого. Я заказал себе полдюжины. Это тайландский шелк. Стоящая вещь.

— Массимо, скажи, пожалуйста, доктору Салтеру, что мы видели в самолете.

Итальянец принял важный вид. Стефани отметила про себя, что он не изменился: по-прежнему выглядит как идиот, когда изображает, что думает.

— А зачем? Я все рассказал журналистам.

Она тотчас пожалела о своем замечании по поводу идиотского вида Массимо. Она чувствовала, что выражение ее собственного лица едва ли лучше.

— Ах так? Ты им все рассказал? Они в курсе?

— Конечно. Я провел пресс-конференцию. Они набросились на меня, как только я вышел из больницы. Народу собралось уйма, некоторые журналисты специально приехали из Триполи, Нью-Дели, даже из Багдада... Я им рассказал, как мне удалось вытащить тебя из загоревшегося самолета, и как я два дня нес тебя на руках через барханы и...

Стефани произнесла несколько очень крепких словечек, затем сжала зубы.

— Давай, давай. Как ты себя ни рекламируй, все равно не станешь звездой. Что конкретно ты им рассказал?

— А что, по-твоему, я мог им рассказать? Я им рассказал все, как было. Этого что, мало? Я им сказал, что произошла поломка, самолет упал, и что все, кроме нас двоих, погибли. Меня выбросило из самолета, но я вернулся, чтобы вызволить тебя, как раз тогда «Дакота» и загорелась, но мне удалось тебя спасти. Еще несколько секунд, и ты бы там осталась навсегда. Я, разумеется, здорово рисковал, ведь баки могли взорваться в любой момент, но, к счастью, они не взорвались, и самолет просто сгорел.

— Сгорел?

— Да. Ты была без сознания. Ты, вероятно, ничего не помнишь.

Стефани пристально смотрела на него. На лице Массимо не было ни тени смущения. Она знала, что он способен на любую ложь, но она также знала, что есть одна вещь, на которую он абсолютно не способен — профессионально играть комедию.

Она почувствовала, как у нее на лбу выступили капельки пота, и серьезно засомневалась в своем рассудке и в своей памяти. Тревога переросла в тошноту, засосало под ложечкой. Но она поостереглась показывать свое замешательство и колебания, выражение ее лица, обрамленного волнами рыжих волос, стало еще суровее и решительнее. У нее в голове всплыло странное

воспоминание: она подумала о бойцовых мангустах, которые, даже если их припереть к стене, все равно продолжают сражаться. Она видела много мангустов в Индии. Всякий раз, выходя из гостиницы, она приходила в ярость, потому что показывали смертельный бой между мангустом и коброй.

В Индии есть два рода туристов: те, кто платит, чтобы увидеть бой между мангустом и коброй, и те, кто платит, чтобы помешать такому бою продолжаться или вообще состояться.

Но на сей раз Стефани не только не имела никакого намерения платить, чтобы помешать этой смертельной борьбе, но сама ощущала себя мангустом, которому угрожает кобра, тем более опасная, что та, похоже, находится одновременно повсюду, оставаясь при этом невидимой. Стефани не собиралась сдаваться: вот это уж, по крайней мере, точно. Она собиралась сражаться до конца.

— Дай мне сигарету, дорогой.

Массимо протянул ей пачку «Плейерс» и элегантно щелкнул своей золотой зажигалкой.

Стефани вдохнула дым. Доктор Салтер выглядел огорченным. Полицейский в штатском старался сохранять симпатичный вид и внушать доверие. Для этого в его распоряжении была золотая улыбка, в которой лишь несколько сомнительных зубов, похоже, ждали следующей взятки, которая позволит оплатить работу дантиста.

— Скажи-ка мне, Массимо, ты случайно ничего не забыл? Ладно, тебе заплатили. Это ясно. Я спрашиваю просто для очистки совести, в присутствии этих господ, членов нашей большой семьи, как принято говорить в мафии: рассказывал ли ты им, по крайней мере, в начале, о том, что действительно произошло? Об отрубленных головах, которые пассажиры держали у себя на коленях? О том, что голова Бобо каталась, как мяч? О том, что ни один из пассажиров не погиб в

«катастрофе», а что все они были убиты, вернее, обезглавлены до нее? О том, что летчику пустили две пули в спину, и что второй пилот исчез? Я заранее знаю твой ответ, и все же задаю тебе этот вопрос для очистки совести. Потому что меня им не купить.

Массимо грустно вздохнул и участливо покачал головой. Потом бросил многозначительный взгляд на врача. Как сценическая игра, это было слишком нарочито, и в кои-то веки Стефани была глубоко признательна Массимо за то, что он такой никудышный актер.

— Господи Иисусе, Стефани, здорово же тебе досталось, — сказал он.

— Ладно, всё. Давай, вали отсюда.

Вмешался господин Бакири. И сделал он это, совсем по-церковному взмахнув своей пухленькой рукой и заговорив слащавым, елейным голосом. В Стефани не было ничего от расистки, но она терпеть не могла рахат-лукума.

— Я уверен, что все уладится, мисс Хедрикс. В нашем тяжелом климате эффект от перенесенного шока длится дольше по причине реверберации, это немного как миражи. Все страны Персидского залива подвержены досадному воздействию, которое оказывают на нервы жара и влажность, — я прежде всего имею в виду политику... Я руковожу туристическим агентством. Если вам что-нибудь потребуется...

Его рука скользнула внутрь пиджака, и на столик в изголовье кровати Стефани скользнула визитная карточка. Это был персонаж, у которого всякий жест становился скользким.

Она повернулась к Массимо.

— Сколько тебе заплатили?

— Нет, но послушай... — сказал Массимо.

— Власти этой проклятой страны пытаются замять дело. Сколько тебе дали? Я, между прочим, имею право на половину.

Господин Бакири изобразил на лице обиду.

— Мисс Хедрикс, в нашей стране больше нет коррупции. Со всем этим покончено.

Именно тогда в ее мозгу вспыхнуло воспоминание, проблеск надежды, уверенности. *Ее полароид.*

— Думаю, от наших вещей ничего не осталось? У меня был фотоаппарат...

— Да нет же, осталось, — сказал господин Бакири, явно радуясь возможности услужить. — Самолет сгорел не полностью, и нам удалось спасти кое-какой багаж. Мы нашли ваш полароид и камеру господина Абдул-Хамида. Мы думали, что фотоаппарат принадлежит ему...

— Полароид был мой. Вы сможете мне его сюда доставить?

— Ну, разумеется, а как же! — воскликнул господин Бакири.

Запах роз, приторный, тяжелый и неотвязный, был невыносим. Она велела убрать их из палаты.

Полароид привезли во второй половине дня. Она его тут же открыла. Руки у нее дрожали.

Тогда, в пустыне, она положила снимки в замшевый кармашек внутри футляра. Все они были на месте.

Снимки были превосходные.

На них на всех был опаленный пожаром каркас «Дакоты» и ничего другого, если не считать величественного пейзажа вокруг.

Стефани схватилась за телефон и попросила соединить ее с консулом Соединенных Штатов.

Он якобы был в отъезде, а вице-консул якобы был болен.

В тот же день Стефани покинула клинику. Ее вещи поджидали ее в гостиничном номере, что было весьма любезно со стороны тех, кого она начинала называть «организаторами», особенно если вспомнить, что считалось, будто самолет сгорел. Хотя они, конечно, будут

и дальше утверждать, что огонь не затронул багажного отделения. Даже ее сумочка была здесь, и когда она ее раскрыла, то первое, что она увидела, была визитная карточка: «Ахмед Алави, шелк, серебро, золото, драгоценности, поставщик Их Величеств имамов Хаддана с 1875 года. Подлинность гарантируется».

Что ж, вот и отправная точка. Стефани вышла из гостиницы и направилась в сторону базара.

Сгрудившиеся вокруг зеленой мечети лавки образовывали отдельный мир, замкнувшийся в себе самом, извилистый, искривленный, запутанный лабиринт, у которого, похоже, не было иной цели, кроме как завлечь прохожего все дальше и дальше, не ведя его при этом никуда. Здесь царил неизбежный запах мяты и жареного сала, мирры и ладана; этот запах, родившийся в Вавилоне четыре тысячи лет тому назад, с тех пор питал своими многообещающими флюидами всю нищету Востока от Красного моря до дельты Ганга. Это было роскошное благовоние бедности.

Стефани обогнала вереницу ослов, нагруженных вонючими кожами, которые, по всей видимости, везли в красильный ряд, — и тут заметила, что за ней следят. Она принялась петлять в спутанном клубке улочек, но соглядатай неизменно держался позади нее. Это был европеец. Смутно напоминавший того военного-англичанина, в куртке цвета хаки с короткими рукавами... Она развернулась и пошла назад, но он тотчас исчез. Испарился. Может, она его никогда и не видела. Еще один приступ бреда...

Ибо, и в самом деле, не мог же светловолосый человек из каравана, подобравшего их в пустыне, находиться теперь здесь, на улочках Тевзы, в двадцати шагах позади нее...

А между тем это был он, она была в этом уверена. В Хаддане не могло быть двух светловолосых, стриженных ежиком голов, и двух таких шей.

У нее в ушах раздавались удары металла по металлу: сидя по-турецки перед своими лавками, ремесленники чеканили медь. Звон наполнял голову и вызывал панику.

Но не было никакой причины так волноваться. Никакой.

Если бы хадданские власти решили убрать ее как неудобного свидетеля, они бы не выбрали убийцу-европейца. И уж конечно не выбрали бы одного из тех людей, что спасли ее и Массимо...

Она выпила чашку кофе в одной из лавок и устроила себе суд совести. Стефани, девочка моя, почему ты всегда упряма как мул? Брось все, садись на первый же самолет, возвращайся в свой милый пентхауз на Манхеттене, к Живанши, Унгаро, Сен-Лорану, Ланвен... в *свой* мир.

Как говорила одна из ее приятельниц, еще более закаленная, чем она: «Какого черта тебе это надо». Но был еще и Толстой, написавший: «Мир — ответственность каждого». Да и вообще, черт подери. Дело было даже не в этом. Это не было вопросом морали, справедливости, человеческого достоинства, идеализма.

Это был ее долг как *женщины*. Воспоминание о восхитительной стюардессе в изумрудном сари, ее нежном теле, которое засунули в кресло, и ее руках, что тянулись к лежавшей у ног голове... Да, это был долг женской солидарности.

Кто-то заплатит за *это*.

Стефани без особого труда нашла в квартале ювелиров лавку господина Алави. Она была больше остальных и, по всей видимости, куда более процветающей. Внутри никого не оказалось. Она пересекла помещение и вышла в облицованный плитами двор; посередине

него безмятежно журчал фонтанчик, казалось, проговаривая одну за другой суры Корана.

Тяжелая дверь резного дерева, что вела в жилые комнаты, была открыта, Стефани переступила порог и погрузилась в сумрак. Несколько мгновений она наслаждалась прохладой, затем услышала позади себя шорох и обернулась: сквозь занавеску из рафии на нее смотрело очень бледное лицо с черными глазами. Стефани тут же узнала это лицо. Она видела его на одном из снимков, которые господин Алави, «шелк, серебро, золото, драгоценности», показывал ей в холле гостиницы. Это была его жена.

Она была в черном и без чадры. Волосы были убраны назад. Внезапно, при виде этой трагической фигуры и этих черных одежд, Стефани покинула Восток и оказалась в Греции.

— Простите, я ищу господина Алави.

— Да.

— Это ведь его магазин? Он дал мне свою визитку.

— Да.

— Вы говорите по-английски?

Молчание. Голова женщины дрожала, как будто была готова упасть. Стефани вдруг осознала: у нее, видимо, еще очень долго будут проблемы с головами.

Слева раздались шаркающие шаги, и она увидела тучного старика, выходящего из просторной темной комнаты, в которой угадывались очертания мозаик, ковров и растений.

На первый взгляд ему можно было дать лет сто двадцать, но, рассмотрев его поближе, она поняла, что не годы, а горе придавали ему столь дряхлый вид.

— Мой сын умер. Что вам от него нужно? Он умер...

Женщина не двигалась с места, а голова ее дрожала все сильнее и сильнее. Спиной она прислонилась к стене, облицованной белой фаянсовой плиткой.

— Знаю. Излишне говорить, как я вам сочувствую, это прозвучит слишком банально... Я познакомилась с вашим мужем перед вылетом. Я была вместе с ним в том самолете. Я знаю всё.

Снова молчание. Ничего, если не считать журчания фонтана во дворе. Такого безмятежного...

— Я знаю, что вы чувствуете. Я хочу вам помочь... Речь идет о преступлении, о зверском убийстве. Это дело пытаются замять. Я свидетель. Я все видела. Это не было обычной авиакатастрофой... Это была спланированная резня.

— Здравствуйте, — произнес старик.

Поначалу она сочла его слова бессмыслицей, а потом поняла, что он хотел сказать «до свидания».

— Пожалуйста, не бойтесь. Вы можете мне доверять. Нужно, чтобы виновные были наказаны...

— Почему вы не уходите? — высоким, почти пронзительным голосом простонала вдруг женщина на хорошем английском. — Уходите! Нам хватило несчастий. Мой муж умер. Он погиб в авиакатастрофе. На то была воля божья...

— Вот уж нет. Это была воля банды убийц, нанятых вашим правительством, которое хочет...

Старик воздел руки.

— Нельзя говорить о политике в доме, погруженном в траур. Уходите. Вы вестница несчастий.

— Они вам отдали... — Она сглотнула слюну, — тело?

Тяжелая грудь женщины учащенно приподнималась. Стефани поняла, что она вот-вот разразится истерическими рыданиями...

— Я похоронил сына прошлой ночью, — произнес старик. — Теперь он покоится в мире. Да будет его путь к Аллаху быстрым и легким...

Стефани раскрыла рот, а затем закрыла. Невозможно, черт побери, допытываться у убитых горем людей: «А его голову вам вернули?»

Ее глаза наполнились слезами. Она и сама не знала, были ли то слезы жалости или обиды.

— Ну, что же. Я понимаю... Вам и дальше жить в этой стране. Мне очень жаль. До свидания.

Стефани повернулась к ним спиной и, плача, бросилась прочь. Она пока не полностью взяла себя в руки, но никогда еще не чувствовала такой уверенности в себе и такой целеустремленности.

Быстрым и решительным шагом она двинулась обратно в гостиницу, как будто точно знала, что ей делать.

Из небольшого кафе в квартале золотых и серебряных дел мастеров с заезженной пластинки неслось арабское пение, вступая в заведомо проигранный бой с молотками ремесленников. За столиками несколько повелителей пустыни, вероятно, простые погонщики верблюдов, курили наргиле¹, сохраняя ту неподвижность, что несет на себе отпечаток спокойного безразличия к течению времени, обусловленного, вероятно, простым отсутствием часовой промышленности. Некоторые играли в шашки, другие жевали кат, ожидая конца дней. В воздухе витал запах мяты и эвкалипта.

Стефани села за столик, заказала кофе, вынула из сумочки блокнот и принялась писать письмо в «Нью-Йорк таймс».

¹ Курительный прибор, похожий на кальян.

Руссо прибыл в Багдад с целью купить десять тонн фиников. Это была десятая партия фиников, которую ЦРУ покупало в Багдаде, и в бюджетном отделе явно скрипели зубами. Но нужно было поддерживать деловую репутацию своего агента в Ираке и давать продавцам фиников возможность встречаться с ним, не оказавшись потом в тюрьме с ярлыком «пособник американского империализма».

После повешения «сионистских агентов» и начала массовых поставок оружия из СССР отношения между баасистским правительством и Вашингтоном полностью прекратились. У Руссо был безупречный итальянский паспорт, а его дорожная сумка, дотошнейшим образом осмотренная на таможне, содержала шестимесячную переписку с лучшими производителями сушеных фиников, инжира, изюма и кураги из Багдада, Дамаска и Алжира. Он целую неделю изучал арабский рынок сушеных фруктов.

То здесь, то там на улицах еще стояли танки, но семнадцатый за двадцать лет государственный переворот провалился. Эта последняя попытка явно была поспешной импровизацией. Начальник службы госбезопасности пригласил на обед своих друзей: министра внутренних дел и министра обороны; после десерта он убил первого и тяжело ранил второго. Затем, при поддержке сил безопасности, он попытался захватить

правительственный дворец и радиостанцию, но армия осталась верна баасистской партии, и через два часа все было кончено. Полковник Каззар попытался бежать в Иран, но был схвачен в нескольких километрах от границы. Недавно он был казнен вместе с остальными двадцатью семью заговорщиками. Эта цифра не была окончательной, так как, согласно официальному коммюнике, «следствие продолжается». В результате этого инцидента напряженность между Ираком и Ираном возросла еще больше.

Руссо ехал по Багдаду на белом «рено» в обществе человека, встретившего его у трапа самолета. У водителя было удлиненное энергичное лицо в стиле «ветер с моря, солнце и брызги», седеющие волосы, которые, наверное, вились бы, если бы им это позволили, но их порывы коротко подрезались. Внушительная прямая трубка прекрасно сочеталась с профилем первопроходца. Он держал руль как человек, который еще испытывает удовольствие от вождения.

— Еще бы чуть-чуть, и все бы получилось, — сказал англичанин. — Если бы самолет премьер-министра не задержался на несколько часов... В аэропорту ему была организована достойная встреча, но когда встречающие увидели, что он не прилетел, то запаниковали и дали деру. Выгори это дельце, здесь многое бы изменилось... да и в других местах.

В его голосе, как с интересом отметил Руссо, была тень сожаления.

Руссо получил приказ вылететь в Багдад, чтобы собрать последние сведения о торговле оружием во всем регионе Персидского залива — каковой здесь полагалось называть Арабским заливом. Страны Ближнего Востока за пять лет израсходовали более десяти миллиардов долларов на закупку оружия, а их заказы на последующие пять лет оценивались в пятнадцать миллиардов. Значительная часть этого оборота — двадцать процентов в 1973 году — проходила мимо великих

держав вследствие заказов «за спиной», то есть через частные фирмы и торговцев, предлагавших людям на местах до двенадцати процентов комиссионных. Нефть, взлетевшая в цене после энергетического кризиса, начинала играть здесь ту же роль, что и пиво в Чикаго двадцатых годов, в эпоху великой американской жажды, вызванной сухим законом: нефтяные королевства были поделены между несколькими вооруженными до зубов бандитами, пристально наблюдавшими друг за другом. К востоку от Адена «частная» торговля оружием конкурировала с «официальными» заказами, и Вашингтон был этим серьезно обеспокоен... В интересах сохранения мира, разумеется. Руссо улыбнулся. У него осталось очень мало иллюзий.

Он должен был встретиться с лучшим британским экспертом по Персидскому заливу, который изо дня в день вел подсчет заказов и поставок «частных лиц». Англия в течение семидесяти пяти лет делала погоду в этом регионе, и с этой старой дамой советовались хотя бы даже из суеверия. Англичане были лучшими актерами в мире, и не только в театре. Они продолжали играть роль, когда текст да и сама пьеса уже давно отжили свое. В последние тридцать лет ни одна другая разведка в мире не терпела столь сокрушительных неудач, но репутация английских агентурных сетей пережила все провалы...

Затем Руссо должен был заглянуть в Хаддан, чтобы заняться «американской стороной» этого дела: заказом оружия на сумму в двести миллионов долларов со сверхсрочной доставкой, а также прояснением политической ситуации, которая сложилась после истории с самолетом и была способна взорвать все равновесие в регионе. Большинство видных деятелей оппозиции погибли в катастрофе, которую «Радио Триполи» и «Джидда», в кои-то веки в полном согласии друг с другом, характеризовали как «преступную диверсию». Однако им, похоже, были пока не известны некото-

рые детали, которые расписывались во всех их сочных трупных красках в каблограммах, поступавших в Вашингтон от посла Соединенных Штатов в Тевзе. Тут было чем поджечь всю нефть... За время между вылетом Руссо из Вашингтона и его прибытием в Бейрут стоимость «горячих» — с немедленной поставкой — заказов оружия уже поднялась на двадцать процентов. Произошли новые стычки между Ираком и Кувейтским эмиратом, а за последние сутки — между Ираком и Ираном. Шах Ирана заявил, что он никому не позволит «нарушить равновесие сил в Персидском заливе»...

Руссо был потомком французских креолов с Антильских островов. Он родился в Новом Орлеане, и у него было одно из тех латинских лиц, которые принято называть «лицами конкистадоров». Несколько капель черной крови здорово помогали в его ремесле. Цепочка генетических случайностей, в результате которой он появился на свет, позволяла ему, по мере надобности, сходиться и за уроженца Южной Америки, и за метиса, и за еврея, и за араба. Его коллеги из ЦРУ говорили, что у него «рожа для всего сгодится», причем это отнюдь не было комплиментом, а его жена, прежде чем бросить его, поделилась с ним одним интересным соображением. Она сообщила, что в его лице столько благородства, что ей потребовалось два года, чтобы распознать его истинную сущность. Случалось, Руссо еще размышлял, с некоторым удивлением, над этой фразой и выводами из нее...

— Урожай фиников был в этом году особенно богатым, — заметил его водитель. — Но цены поднялись... Так уж сложилась ситуация, а, как и всегда, все определяет ситуация... Это прагматизм...

За полчаса его спутник дважды использовал выражения «все определяет ситуация» и «это прагматизм». Это Руссо тоже отметил. Человека можно опознать и по меньшему...

— В общем, очень скоро вы получите самые свежие цифры...

«Рено» остановился в квартале Бусаид перед виллой грязно-белого цвета в стиле «знавала я и лучшие времена». Наверное, прежде это место было оазисом, но лет пятьдесят тому назад сюда явился загнивать Запад в виде цементных вилл серого цвета, склонившихся набор телеграфных столбов и домов, что сначала смело вытягиваются над лачугами своими восемью этажами, а затем тотчас же начинают терять штукатурку, принимая нежилой вид.

Руссо поглядел вокруг с отвращением. Он терпеть не мог мест, где встречаются в уродстве Восток и Запад, чтобы предаться взаимным упрекам.

Его водитель с легкой долей иронии наблюдал за ним поверх своей трубки.

— Как я вас понимаю! — сказал он. — А ведь это еще время сиесты... Видели бы вы, на что это похоже, когда тут мотоциклы и грузовики... Жду вас здесь. Потом отвезу вас в отель.

Руссо взял свой портфель и вышел.

Англичанин тоже вышел, оперся о «рено» и принялся набивать свою трубку.

Руссо позвонил в дверь и стал ждать, одобрительно наблюдая за этим его мирным занятием. Он терпеть не мог стоять в уединенном месте спиной к человеку, которого не знал.

Небольшая «прагматичная» фобия, и у него не было никаких причин от нее излечиваться.

Они обменялись любезными улыбками.

Человек, открывший ему дверь, какое-то время его разглядывал, приняв по этому случаю настороженный и скрытный вид, какой бывает у врача, занимающегося подпольными абортами. На вид ему было лет шестьдесят, на нем был костюм из серой фланели, но его тело отличалось четко выраженным военным кроєм. Он был небольшого роста, худой; живые карие гла-

за изучали Руссо с полным пренебрежением ко всем правилам такта и учтивости, принятым между хорошо воспитанными незнакомыми людьми.

— Если хотите, можете меня обыскать, — сказал Руссо, любивший незамысловатый юмор американских солдафонов.

Человек слегка потер пальцем верхнюю губу и строго сказал:

— Зовите меня Уоткинс.

— P.C.D.K.W., Уоткинс, вероятно? — спросил Руссо с благочестивой мыслью обо всех своих коллегах, давших себя убить, потому что излишне доверяли кодам, условным знакам и паролям. Под этим соусом вас съедали вернее всего.

Человек тотчас же протянул ему руку, этот жест, похоже, выражал поздравления, как будто Руссо только что совершил героический подвиг.

— Входите.

Они прошли через небольшой вестибюль, украшенный вешалкой и стулом. Руссо отметил про себя удобное окно, выходящее в сад. Большой кабинет был почти пустым, лишь письменный стол, два стула, картотека и фотография в пластмассовой рамке, на которой был изображен «Зовите-меня-Уоткинс» моложе лет на двадцать, но при полном параде: с лошадьё, хлыстом, в форме и меховой шапке гвардейцев Ее Величества.

А он тоскует по прошлому...

Взгляд Руссо скользнул по портрету и по лицу хозяина. На лице уже не было небольших усов, которыми оно было украшено на снимке, но в остальном оно, похоже, не очень сильно изменилось.

Внезапно черты показались ему смутно знакомыми... Где-то он уже видел этого человека...

«Зовите-меня-Уоткинс» повернулся к окну и смотрел на улицу. Не меняя позы и едва разжимая губы, он начал говорить — при этом он стоял почти спиной

к Руссо и его внимание, казалось, было обращено к небу, к птицам, к редким пальмам на другой стороне улицы.

— Я так понял, что вас послали сюда собрать достоверную информацию о положении вещей. Лондон попросил меня ответить на все ваши вопросы... Хорошо. Я ценю высокое мнение, которое, похоже, сложилось у ЦРУ о моей осведомленности... Что вы хотите знать?

Голос был сухим, отрывистым, и его суровость отлично сочеталась с холодностью глаз, не моргавших даже при ярком свете.

— ...Или лучше начнем с самого начала. Что конкретно, вам кажется, вы знаете? А затем я постараюсь, как смогу, дополнить вашу информацию.

Руссо любовался золотыми часами с браслетом на запястье у «Зовите-меня-Уоткинса». Маленькое чудо швейцарского ювелирного искусства. Ничего общего с жалкими черными армейскими циферблатами. Не было никаких причин и для того, чтобы портрет «Зовите-меня-Уоткинса» в военной форме находился здесь, на пустом рабочем столе, перед носом у посетителей, в помещении, замечательным образом лишенном каких бы то ни было личных вещей. Да и металлическая картотека тоже была не очень убедительна. Руссо *знал*, что внутри там ничего нет.

— Дайте мне немного привести мысли в порядок... Красивый дом. И давно вы здесь обосновались?

«Зовите-меня-Уоткинс» счел нужным проявить терпение, впрочем, чуть приправленное раздражением.

— Примерно два года назад... Со мной здесь была жена, но события...

Он пожал плечами.

— Я представляю здесь «Фиат» и некоторые другие фирмы...

Он улыбнулся краешками губ.

— Итак! Давайте, господин Руссо, обратимся к фактам... Вначале, если вам угодно, несколько слов о поставках оружия. За последние месяцы ситуация в Персидском заливе коренным образом изменилась. Подытожим то, что вам, вероятно, известно не хуже моего. Иран недавно приобрел восемьсот английских танков «Чифтен» по полмиллиона долларов за штуку. Шейх Кувейта сделал заказ в полмиллиарда долларов на ультрасовременное вооружение, куда входят и ракеты... Саудовская Аравия идет сразу после Ирана, с военными заказами на сумму в три миллиарда долларов... Я могу дать вам точные цифры по всем эмиратам. Нам известно также, что Соединенные Штаты после некоторых колебаний решили вооружить Хаддан... Должен сказать, любопытное решение. Новый режим все больше и больше ориентируется на левых. Двести миллионов долларов на военные заказы... Ведь это так?

Он резко повернулся к Руссо и бросил на него пронзительный взгляд.

Сидевший до этого Руссо встал.

— Извините, где тут ванная?

«Зовите-меня-Уоткинс» пристально посмотрел на него, затем лицо его покраснело.

— Надо же, друг мой...

Руссо рассмеялся.

— Я, знаете ли, всего лишь человек, чего бы вам там обо мне не наговорили. С вашего позволения, полковник, я бы хотел сходить в туалет. Где здесь туалет?

Англичанин прочистил горло.

— Там...

Он неопределенно махнул рукой в сторону прихожей.

— Справа? Слева?

— Справа.

— Спасибо.

Руссо вышел из кабинета, пересек пустую комнату, кухню без холодильника, которой, по всей очевидности, уже давно никто не пользовался... Была еще спальня, где из мебели имелась лишь большая голая кровать с матрасом — ни покрывала, ни простыни. Там он задержался на несколько секунд, затем вернулся назад тем же путем. «Зовите-меня-Уоткинс» стоял у стола.

— Вам лучше?

— Спасибо и... извините меня. Прежде чем перейти к оружию, позвольте рассказать вам в нескольких словах, что нам известно о катастрофе «Дакоты». Мы в Вашингтоне полагаем, что эта операция — кстати, весьма умело проведенная — имела своей целью дискредитировать правительство Хаддана и вызвать мятеж племен Раджада, интервенцию Саудовской Аравии и общий конфликт в регионе... А теперь я вам скажу, совершенно конфиденциально, что выяснил *лично я*. Это очень интересная история, но довольно длинная... Возьмите сигару...

Он достал изысканный кожаный футляр. Руссо питал слабость к красивой коже.

Он уже столько раз проделывал это движение, что даже не ощущал больше и той легкой дрожи, которую испытывал в начале своего пути защитника справедливости, долга и правых дел. Эффект притуплялся. Это случается со всеми настоящими профессионалами, будь то в гольфе, в теннисе или...

Он метнул нож прямо из футляра; этому приему он научился не от инструкторов из ЦРУ, это был личный вклад отца в его воспитание. А отец был одним из самых уважаемых людей новоорлеанского дна.

«Зовите-меня-Уоткинс» медленно осел на пол и остался сидеть под окном, расставив ноги и привалившись к стене. Нож, должно быть, прошел в нескольких сантиметрах от сердца: как раз, чтобы у человека хватило сил говорить... Может, на один-два сантиметра

ближе, чем требовалось: что нужно было отнести на счет долгих часов в самолете и двух бессонных ночей...

На лице «Зовите-меня-Уоткинса» было такое удивленное выражение, что Руссо захотелось что-нибудь для него сделать. Он обошел стол и склонился над раненым:

— Если бы вы жили в этом доме со своей женой, то наверняка знали бы, где находится сортир.

«Зовите-меня-Уоткинс» придерживал рукоятку ножа, чтобы уменьшить кровотечение. Он тоже был профессионалом.

— Вы заблуждаетесь, — пробормотал он. — Но я не стану впустую тратить свое дыхание, отвечая на...

Руссо задумчиво склонился над ним, выжидая, когда тот будет готов. Он старался вспомнить, где же он его видел, но воспоминания ускользали... Он потянулся к рукоятке.

— Вы же знаете, стоит мне дотронуться... Итак, сейчас вы скажете, кто стоит за этой историей с самолетом. Какая организация? Кто платит? Кто в организации отвечает за Хаддан?

К сожалению, «Зовите-меня-Уоткинс» оправдал первое суждение, которое вынес о нем Руссо. Он был отъявленным мерзавцем. Казалось, что под воздействием боли он стареет прямо на глазах, но в его взгляде горел насмешливый огонек...

— Если вы коснетесь ножа, я умру, — спокойно произнес он. — Значит, ноль. А если вы его не коснетесь, то я ничего не скажу... Выбирайте...

В открытое окно Руссо увидел человека с трубкой. Теперь у того появилась компания: два иракца, вид свежий и наизготовку. Грубейшая ошибка: им бы следовало находиться внутри дома. Раненый, распростертый на полу, быстро уходил: лицо его посерело. Руссо счел, что ему пора сделать то же самое — уйти, только в другом направлении... Он взял со стола фотографию,

вынул из рамки и сунул в карман для последующей идентификации.

Он быстро выбрался в сад через окно в вестибюле и побежал между абрикосовыми и персиковыми деревьями прочь от виллы. Он пересек сад соседнего дома, перелез через стену и оказался на улице. Спустя двадцать минут он уже сидел перед директором фирмы по импорту и экспорту.

Экспортером сушеных фруктов был сириец с тяжелым и задумчивым лицом. За спиной у него было четыре года «университетской учебы» в Соединенных Штатах, и в Центре его считали лучшим экспертом по финикам на всем Ближнем Востоке. Все заказы шли через него. Его приводили в пример как образец долголетия: десять лет экспорта-импорта в самой недоверчивой стране в мире...

— Вы пошли на огромный риск, Руссо. Я послал в Бейрут две каблогаммы с сообщением, что три дня назад Роско вышел из своего отеля в Дамаске и с тех пор его никто не видел... Сильно сомневаюсь, что его тело когда-нибудь найдут. Наверное, перед тем как умереть, он заговорил, поскольку встречавшие вас лица знали как цель вашего визита, так и условный код... Все это было в моей последней коммерческой каблогамме...

— О, спасибо, я ее получил, — успокоил его Руссо.

— После чего вы приезжаете как ни в чем не бывало и лезете прямиком в осиное гнездо...

— Такой шанс нельзя было упустить, — произнес Руссо.

Сириец пристально взглянул на него.

— Шанс?

— На этом нужно было сыграть.

На какое-то время сириец задумался.

— У нас разные представления об этом ремесле, — заключил он. — В любом случае, последние сведения, полученные мною о Питере Роско, были не слишком

лицеприятными... Англичане использовали его время от времени, вплоть до бегства в Москву Кима Филби¹, их собственного представителя в Бейруте и его шефа... С тех пор они его больше не трогали. Похоже, у него не было никаких принципов и ни капли патриотизма...

Руссо произнес «тсс-тсс», покачав головой.

— ...Очень компетентный, но ставший мало-помалу совершенно аморальным... Тот человеческий тип, которого в нашей профессии нужно остерегаться как чумы.

Руссо пришлось принять еще более серьезный и неодобрительный вид, чтобы не рассмеяться.

Сириец вздохнул.

— Знаете, французы не единственные, у кого есть «пропавшие солдаты», у них это после Индокитая и Алжира... Англия после Суэца, Родезии и ухода из Сингапура также внесла свой весьма недурной вклад в Катанге² и других местах... Вначале «деморализованные», они затем стали циничными и способными на всё... Думаю, что Роско прогнил насквозь... Как и его шеф Филби. Я вас дважды предупреждал...

— Да, спасибо, — сказал Руссо. — Но представьте себе, меня в данный момент интересуют не джентльмены, а мерзавцы...

Он достал из кармана фотографию «Зовите-меня-Уоткинса».

— Это вам что-нибудь говорит?

Резидент нахмурил густые брови.

— Ничего. Во всяком случае, это не Роско. Нужно будет спросить у англичан.

Руссо рассмеялся.

¹ *Ким Филби* (1912—1988) — англичанин, работавший на советскую разведку.

² 11 июля 1960 г. провинция Конго Катанга, на территории которой сосредоточены основные залежи меди, урана, кобальта, золота и алмазов, объявила о своей независимости. В стране началась гражданская война, продолжавшаяся до 1962 года.

— Вы верите в привидения...

Он убрал фотографию в дипломат. Он был уверен, что где-то уже видел эту физиономию... И потом...

— Господи! — воскликнул он. — Да ведь он точь-в-точь англичанин с «Дакоты»... Американочка очень точно его описала... Глаза, усы, британская колониальная армия, всё... И успокойтесь в отношении Роско. Он объявился. Он встретил меня у трапа самолета и был моим шофером... Пять лет назад вы отправили нам его фотографию.

Сирийца это, похоже, не убедило.

— Вы излишне доверяете своему воображению.

— Возможно. Я, вероятно, доверчив по природе...

Но речь идет именно об этих двух парнях.

— Зачем было Роско разыгрывать эту комедию?

— Может, английский юмор. Или мания величия: ведь полковник Лоуренс Аравийский тоже пошел служить рядовым¹... Среди этих людей попадаются весьма сложные натуры... Во всяком случае, я теперь знаю, что их волнует. Они хотели знать, согласился ли Вашингтон поставлять оружие Хаддану. Конкуренция...

Торговец сушеными фруктами, похоже, заинтересовался.

— Торговцы оружием? За двадцать дней цены на срочные поставки подскочили на сорок процентов... Но я не вижу тут связи с историей с самолетом...

— Мятеж в Раджаде и вооруженный конфликт йеменского типа года на три — такое развитие событий ведь очень многих бы порадовало, верно?

Сириец размышлял степенно, весомо. У него было одно из тех тяжелых и массивных лиц, которые

¹ Полковник Лоуренс Аравийский в 1922 г. поступил рядовым в британские ВВС под фамилией Росс. Когда его спросили, почему он не продолжил службу в звании офицера, он ответил: «Я не имею ничего против того, чтобы повиноваться глупым приказам, но я возражаю против того, чтобы отдавать их другим».

чрезвычайно полезны в бизнесе, потому что выглядят простыми и честными.

— Возможно. Но «частные» торговцы оружием не располагают такими средствами. Операция с самолетом предполагает наличие целой организации, и...

Он вдруг прервал свою речь.

— Берш, — произнес он. — Вы слышали о нем?

— Да, — сказал немного раздраженный Руссо — за кого его тут принимают? — Но есть еще одна вещь. Они знали, что я еду через Багдад, поскольку вы устроили мне встречу с ними... Они явно знали также, что я направляюсь в Хаддан. Откуда? От кого? Вот вопрос, который ведет прямо на самый верх, если можно так сказать... Интересно, не так ли?

— Да, — сказал агент, вздыхая. — Увлекательно. Знаете, скука — одна из самых недооцененных вещей в мире...

Он встал и порылся в своей картотеке. Затем положил перед Руссо несколько листов бумаги.

— Вот наши контракты. Пять тонн фиников, две тонны инжира... Распишитесь... Здесь... и здесь. Вы пойдете на склад проверять товар... Постарайтесь задать несколько умных вопросов представителю министерства торговли... Ваш самолет вылетает в девять часов, время у нас есть. Если хотите, прочту вам небольшую лекцию о выращивании фиников... Я сижу здесь на пороховой бочке. Правительству Хаддана в любом случае не удалось бы долго замалчивать эту грязную историю... К примеру, этот караван, что спас оставшихся в живых. Бедуины все видели... Тела, головы... Это, вероятно, были контрабандисты, которые сразу ничего не сказали, но теперь, когда они далеко...

— Думаю, что это дело рук людей из этого каравана, — сказал Руссо.

— И есть два свидетеля, как вы знаете. Итальянский актер, молчание которого им удалось купить, и эта очень известная молодая американка, которая, по-

хоже, решила устроить личный крестовый поход... Эти двое точно заговорят...

Он принял задумчивый вид.

— Если только не...

Он умолк.

— Да, — сказал Руссо. — Если только.

Сэр,

меня зовут Стефани Хедрикс. Я манекенщица и была среди пассажиров самолета, который якобы «разбился» на прошлой неделе в пустыне Хаддана. Я хочу заявить, что официальная версия, распространенная правительством Хаддана — версия об «аварии», — ложь. Самолет упал, потому что летчику выпустили две пули в спину и он умер за штурвалом. Все пассажиры самолета, за исключением меня самой и итальянского актера Массимо дель Кампо, были обезглавлены. Да, ОБЕЗГЛАВЛЕННЫ. Я видела это собственными глазами. Не сам процесс, потому что меня накачали наркотиками и я была без сознания, когда это происходило, но я видела головы и среди них голову моего друга, знаменитого нью-йоркского фотографа Абдул-Хамида, настоящее имя которого Бобо Беркович. Головы валялись повсюду, на полу и на креслах, но по большей части пассажиры держали их у себя на коленях. Некоторые пассажиры, а также второй пилот, попросту исчезли. Всего я насчитала четырнадцать голов. Я сфотографировала их своим полароидом, но снимки были похищены полицией и заменены на другие. Мне бы хотелось привлечь Ваше внимание к тому факту, что все обезглавленные были шахирами из Раджада, что ясно указывает на намерение правительства Хаддана организовать

геноцид, направленный против этнического меньшинства этой страны. Прошу вас донести эти факты до сведения мировой общественности и Комиссии по правам человека при ООН. Я полностью в вашем распоряжении для дачи свидетельских показаний и дополнительной информации.

Примите, сэр, заверения в моем глубоком почтении.

Стефани Хедрикс.

Она перечитала письмо и отказалась от этой затеи.

Это было безнадежно.

Письмо выглядело так, будто его написала психически больная, находящаяся на лечении. Ни один человек в здравом уме не отнесется к нему серьезно.

От досады и гнева, а главное от обиды, она расплакалась, прикрыв лицо носовым платком, чтобы никто не видел.

— Не могу ли я вам помочь? Позвольте...

Это был типично американский голос, но когда она оглянулась, то увидела золотой жгут, обвивавший лоб, а под ним — лицо такой экзотической красоты, что у нее перехватило дух.

Мужчина был одет в белый бурнус, его смуглая кожа и тонкие, но суровые черты навевали мысли о вековой пустыне и всех легендарных войнах ислама.

Стефани, которая еще хлюпала в носовой платок, пришлось сделать усилие, чтобы не поднять руку и не поправить волосы, как бы повинуюсь безусловному рефлексу, открытому академиком Павловым.

Ни один человек еще не производил на нее такого впечатления. В незнакомце была смесь невозмутимости, бдительности и гордости, которую белые

одежды и куфия¹ с золотым угалем², казалось, облачали в тысячелетия. Она попыталась улыбнуться, но у нее получилась лишь ребяческая, смущенная гримаска.

— Вам чего-то недостает, — сказала она ему. — Орла на плече, или как же это называется, ну, вы знаете, птицы, которых используют в пустыне, чтобы охотиться на газелей? А, вот, сокола.

У него были хищные мелкозубые, миндалевидные глаза, в которых порой проскакивала искорка мрачной веселости... Явно какой-то шейх — на это указывали золотые обручи — один из тех сукиных детей, что держат в гареме по две сотни жен. В сущности, это могла быть голова итальянского кондотьера шестнадцатого века или конкистадора из войска Писарро или Кортеса. Стефани перебрала в уме всех святых нью-йоркской фильмотеки: Тайрон Пауэр, Риккардо Кортес, Эррол Флинн...

— «Когда прекрасные глаза плачут, то солнце гаснет...» Это хадданская поговорка, но она многое теряет при переводе. Это не те мысли и чувства, которые легко поддаются переложению на другой язык.

— Вы говорите по-английски без акцента, — заметила Стефани.

— Я провел три года в Соединенных Штатах. Извините, что потревожил вас, вы, похоже, чем-то озабочены. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Стефани протянула ему письмо. Он дважды внимательно прочел его. Не выказав никакого удивления, учтиво вернул его обратно.

— Давайте выпьем еще по чашке кофе.

— По-вашему, я сумасшедшая?

¹ Арабский головной платок, пестрый в Сирии, Иордании, Палестине и белый в Саудовской Аравии.

² Жгут из четырех шнуров, перехваченных в нескольких местах, удерживает на голове куфию.

— Ну, разумеется, нет.

Она порывисто спросила его:

— Значит, вы верите?

Он слегка поклонился:

— Коран говорит, что красота никогда не лжет.
Сура об Истине.

Руссо начинал чувствовать себя излишне привольно в своей роли, а в таких случаях ощущение легкости и власти над ситуацией выражались у него во вспышках юмора — этаком подмигивании, адресованном самому себе. Следует остерегаться излишней виртуозности, которая часто ведет к промахам. Но поскольку ни он, ни она не читали Корана, то цитировать его можно было без особого риска.

Она наклонилась к нему и взяла его за руку.

— Вы правда мне верите?

Руссо видел сотни фотографий Стефани, но ожидал, что она окажется просто красивой. Он не ожидал, что она так на него подействует. Ее лицо, одновременно взволнованное, отчаявшееся и решительное, потрясенное и трепещущее, казалось совсем маленьким в обрамлении великолепной рыжей шевелюры. Локоны падали ей на плечи, и всякий раз, когда она встряхивала головой, Руссо ловил себя на том, что ожидает услышать позвякивание золотых монет.

— Я, конечно же, верю вам, но никто другой вам не поверит. Согласен, вам не следует отправлять это письмо. Люди попросту решат, что вы повредились рассудком в результате аварии.

— Именно так я себе и сказала.

— У вас нет никаких доказательств?

— Откуда? Я сфотографировала все эти ужасы. Но пока я лежала в больнице, правительственные агенты похитили фотографии и подменили их снимками обгоревшего самолета. Самолет не загорелся при аварии. Значит, его подожгли позднее. Я уже жалею, что не сунула в сумку парочку голов...

— Ну что же, в следующий раз вы поступите умнее!

— В следующий...

Руссо почувствовал, что зашел слишком далеко. Эта сомнительная шутка уж слишком сильно попахивала Нью-Йорком после двух порций мартини и была не к лицу властелину пустыни.

— Вы смеетесь надо мной?

— Вовсе нет. В этих краях такие происшествия — обычное дело, можно даже не углубляться в историю. Так, например, в 1950 году имам Йемена приказал публично обезглавить пятьдесят семь человек и некоторых из них казнил сам. Имаму доставило большое удовольствие смотреть, как слетали головы молодых офицеров, воодушевленных новыми идеями. Головы были выставлены в единственной аптеке города, там, где сегодня размещается министерство здравоохранения. В то время я был совсем юным студентом, только-только приехавшим в Соединенные Штаты, и мне было ужасно досадно. Почему они прибегли к таким средневековым методам? Я считал, что ваш электрический стул куда цивилизованнее, как, впрочем, и напалм. В них меньше личного...

Он старательно изгнал из своего голоса всякий намек на юмор, но Стефани странно посмотрела на него.

— Что касается меня, то во мне есть арабская и негритянская кровь, — продолжил Руссо. — Я начисто лишен каких бы то ни было расовых и религиозных предрассудков. Я глубоко привязан и к исламу, и к демократии...

Руссо ощутил хорошо знакомое покалывание самоиронии, разрушительной и переходящей в настоящую злость. В своей профессиональной жизни он уже сыграл столько ролей, что, случалось, задавался вопросом, а есть ли у него какая-нибудь личная жизнь. Ему довелось побывать евреем, кубинцем, пуэрториканцем,

итальянцем, чернокожим с островов Карибского моря, бразильцем, арабским террористом. И все это благодаря юной антильской рабыне с нежным выговором, которая обворожила французского искателя приключений более века тому назад. Обычно он пресекал эту самокритику, потому что она плохо сказывалась на его нервах. Его нервы должны были содержаться в превосходном рабочем состоянии, хорошо смазанные и всегда готовые послужить, как и тот плоский предмет, что он носил подмышкой. Он решил остановить свои излияния и улыбнулся.

— Но я, наверное, наскучил вам своими демократическими историями.

— Как раз наоборот...

— Вы слишком красивы. Красота не может быть демократичной, потому что она уникальна. В Коране говорится: «В жаркой пустыне узнаешь ты Милосердного по чистой воде и прохладной тени, что оставит он на твоём пути». Сура о мучимом жаждой Путнике.

Руссо остался вполне доволен своим литературным экспромтом. Ему уже случалось раньше переделывать Библию. Самое время было взяться и за Коран.

Стефани сделала над собой усилие, чтобы принять серьезный и даже почтительный вид. Ее литературные вкусы были ближе нью-йоркской школе Филипа Рота и Нормана Мейлера, чем Библии или ее эквивалентам. Но здесь они находились в Средневековье, и следовало уважительно относиться к верованиям других и воздерживаться от иронии, даже если та напрашивалась сама собой.

А еще этот человек казался плотью от плоти здешней земли. Внешне это был современник царицы Савской, чья легендарная империя некогда лежала чуть дальше на востоке, в горах и песках Йемена. Хотя он и говорил на безупречном английском, но из-за этого лица из стародавних времен его американский акцент

коробил Стефани и воспринимался ею как противоестественность, как кощунство. Его черты — в том числе и высокий лоб, увенчанный белизной и золотом, обладали тем царственным достоинством, которое являет природа, возобновив связь с изначальными корнями. Это живое присутствие прошлого не могло не взволновать. Впервые после ужаса в пустыне у Стефани снова пробудился интерес к этой стране и ее обитателям. Она быстро устроила себе небольшой суд совести, так, на всякий случай, но вышла из испытания с честью: нет, тут — слава Богу! — ничего общего с сексом. Похожее волнение она ощутила перед статуей Тутанхамона на выставке египетского искусства. Люди порой бывают так смешны. Порой кажется, что они не думают ни о чем, кроме постели.

Руссо опустил глаза на письмо в «Нью-Йорк таймс». Главное сейчас — помешать малышке покинуть страну и вызвать своей историей брожение умов в Нью-Йорке. Письма и каблогаммы не представляли непосредственной угрозы: на почте за этим следили. Но она попросила в гостинице забронировать ей место на ближайший рейс, и они отчаянно искали довод, чтобы вынудить ее отложить отъезд.

Он поднял глаза и посмотрел на нее. Красивое личико, усыпанное веснушками, которые, казалось, пролились дождем с ее бронзовой шевелюры. Чуть вздернутый нос, которого хотелось нежно коснуться пальцами. Взгляд был открытый, прямой, волевой и решительный, и в нем присутствовало выражение уж незнамо какой доброй воли, нежности, желания поступать правильно. Она не была по-настоящему красивой, от совершенства ее спасала легкая неправильность черт — высокие выступающие скулы и мягкость щедрых губ с трудом сочетались с очень прямым лбом и волевым подбородком. Руссо остерегался красоты: она все выставляет наружу, в ней уже не откроешь ничего нового.

— Вы и в самом деле думаете, что в этом замешано правительство? — спросил он.

— Я в этом не сомневаюсь. Они делают всё, чтобы замять это дело.

— А если это была провокация? Если за эти преступления ответственны противники нового режима, агенты-провокаторы? Из вашего письма следует, что все жертвы как бы случайно принадлежали к этническому меньшинству, шахирам... Их казнь можно преподнести как доказательство того, что хасаниты, которых у нас порой называют «вновь прибывшими», вот таким вот отвратительным образом избавляются от бывших хозяев страны...

Стефани смотрела на него с удивлением.

— У вас и вправду политический склад ума, — сказала она.

В ее голосе не было ни следа подозрительности, но Руссо спросил себя, не слишком ли он торопит события.

— Как я вам уже говорил, я получил образование в Соединенных Штатах, а если там чему и учат, так это политике.

Было шесть часов, и улочка окрашивалась в тот розовый цвет, который заходящее солнце дарует в моменты нежности. Это был час, когда женщины шли к колодцу и десятками скапливались вокруг крана, из которого непрерывно текла вода, на углу между мечетью и медресе. У каждого бедуина было ружье, которое являлось неотъемлемой частью мужского костюма. Караваны верблюдов шли к большим воротам на другой стороне площади, а спешащие деловые люди мчались на такси-мотоциклах, обнимая руками водителя. Прошествовала процессия из двадцати ребятишек с плакатами, и хотя Стефани не могла их прочесть, она достаточно поехала, чтобы догадаться: надписи прославляют демократию и аграрную реформу.

Руссо как раз излагал ей историю Хаддана, выражая твердую надежду на то, что строгие библейские нравы выживут при переменах; вдруг он заметил на лице Стефани выражение страха. Ее глаза расширились, губы слегка приоткрылись, она крайне внимательно за чем-то наблюдала... Он хотел было обернуться в ту сторону, но она коснулась его руки.

— Не смотрите...

— В чем дело?

— Снова тот человек... Он повсюду ходит за мной... Вы, наверное, думаете...

В ее голосе появились звенящие нотки, и Руссо машинально пожал ей руку. Повелитель пустыни вряд ли бы позволил себе такой жест, но он как-никак три года прожил в Соединенных Штатах...

— Да нет же, я вам верю...

— Теперь вы можете взглянуть... Вон там...

На мужчине была куртка цвета хаки с короткими рукавами, широкие местные шаровары и сандалии. Светлые, подстриженные коротким ежиком волосы и шея такой же толщины, что и голова, — было не разобрат, где кончается одно и начинается другое. Лицо было плоским, как если бы его черты едва уцелели после встречи с дорожным катком. Он облокотился о стену и демонстративно ни на что не смотрел...

— Так, вы сейчас расстанетесь со мной и медленно двинетесь в сторону гостиницы. Вы ведь живете в «Метрополе»?

— Да.

— Ждите меня в холле.

— Что вы собираетесь делать?

— Наведу справки.

Они оба встали, и Руссо поднес руку к губам и к сердцу, как и подобало в этих краях. Случалось, он ловил себя с поличным на комедиантстве и упрекал за то удовольствие, которое испытывал, когда ему доводилось играть роль, особенно хорошо подходив-

шую к его внешности. Сомнения не было: ему это нравилось.

Стефани протянула ему руку и поймала себя на том, что задумчиво смотрит на великолепную голову всадника пустыни. Ей почти захотелось увезти ее с собой в Соединенные Штаты.

Она рассмеялась. *Это* возвращалось...

— Извините меня. Я впервые смеюсь с тех самых пор... Мне гораздо лучше...

Она медленно двинулась в сторону «Метрополя». Никакой влюбленности, все дело в местном колорите. Она умела восхищаться красотой всюду, где ее находила, и не было никаких причин не восхищаться ею в мужчине. Да и вообще, кожа у нее на лице и на щеках продолжала шелушиться и не все ссадины зажили. В таком виде она вряд ли может кому-то понравиться, да ей и не хотелось нравиться. Конечно, после всего пережитого ее нервы были в ужасном состоянии, а именно в такие моменты женщины часто бросаются в объятия незнакомца. Она, слава Богу, еще до такого не дошла.

Руссо наблюдал за человеком.

Тот почти тотчас же пошел следом за Стефани.

Руссо выждал какое-то время, бросил на стол несколько *рахдов* и поднялся.

Власти заверили его в своем содействии, так что можно было не стесняться...

Он выбрал момент, когда человек проходил мимо одной из лавок.

Ее дверь была широко раскрыта.

О таких подвигах позднее рассказывают внукам, сидя в углу у камина с трубкой во рту. Руссо нацелился и ударил незнакомца в печень, одновременно толкнув его внутрь лавки. Это был удар, прозванный агентами «baby food»¹, никто не знал в точности почему.

¹ Детское питание (англ.).

Соглядатай, наполовину потеряв сознание, повалился в помещение и остался лежать ничком, стараясь не шевелиться. Руссо поставил ступню ему на затылок, и теперь достаточно было легкого движения ногой, чтобы шейные позвонки хрустнули.

Лавка была погружена в приятную прохладу. На полках смешивались гладкость и узорчатость, скромность и великолепие разноцветных тканей: хлопка, шелка, бархата, парчи и кашемира. Превратившись в статуи, продавец и покупатель так и остались стоять около куска парчи, который торговец держал в руках, и который, похоже, был предметом бурных дискуссий. Лишившись дара речи, они уставились на Руссо, с еще раскрытыми на последних слогах ртами.

Первым ожил хозяин заведения. Это был очень тучный молодой человек, одетый в подобие бежевой джелабы¹, с афганской феской хасанитов на кудрявой голове. Он ринулся к двери с ловкостью толстяков, хоть и неуклюжих, но с детства привыкших убежать.

Это был не самый подходящий момент разбираться с каким-нибудь низшим звеном полиции. Руссо чуть сильнее надавил ногой на затылок, что вызвало в светловолосой голове под его туфлей легкое преломление сознания. Затем он только-только успел поймать торговца за руку.

— Сохраняйте спокойствие, сударь. Продолжайте свою дискуссию. Дела есть дела.

— Nicht verstehen², — произнес славный толстяк по-немецки, по одному ему известным причинам.

— Тогда я вам сейчас объясню. Смотрите...

Покупатель, который до этого стоял без движения, прижимая к сердцу великолепный кусок алой парчи, выбрал этот момент, чтобы покинуть место действия. Испустив горестный крик, он метнулся к двери. Руссо

¹ Арабская мужская одежда, прямая рубаха до полу.

² Не понимаю (*нем.*).

перехватил его на лету. Стукнул он его не очень сильно — из уважения к мирному населению — но тот, по-видимому, был чувствительной натурой; он потерял сознание, больше от страха, чем от удара. Руссо обернулся к торговцу.

— Вы понимаете, что я имею в виду?

Лавочник внезапно сделал открытие:

— Я говорю по-английски, — произнес он.

— Да уж, непростой вы человек, — сказал ему Руссо. — Зайдите за прилавок и сидите там спокойно.

Торговец послушался. По ходу дальнейшей операции Руссо временами видел его наполненные ужасом глаза над куском персикового шелка.

Он запер дверь и вернулся как раз вовремя, чтобы помешать плоскоголовому что-либо предпринять. К тому уже вернулось сознание, и его правая рука ползла вдоль бедра к карману. Руссо безо всякого зазрения совести пнул его ногой в морду.

И тут же похвалил сам себя за правильные действия. Ибо у него больше не оставалось никаких сомнений относительно того, почему этот человек шел за Стефани.

Содержимое его карманов было весьма поучительно. Помимо метательного ножа — рукоятка была утяжелена для баланса — в кармане также имелась неизбежная «беретта». За последние пятнадцать лет эта компания в двадцать раз увеличила объем продаж и годовой оборот, а ее продукция стала столь же распространенной, как зубная щетка.

Руссо закурил, затянулся и тут же потушил сигарету. Он больше не отойдет от малышки ни на шаг. И он проследит за тем, чтобы она оказалась на борту первого же вылетающего из страны самолета. Специального самолета, если потребуется.

Человек, которому он сейчас мог, надавив чуть посильнее, сломать шею, получил приказ убрать Стефани.

«Политический сыск Хаддана убирает свидетеля, который отказывался молчать...» Он уже видел, как через несколько дней в газетах появляется такой заголовок. Между тем имелась одна неувязочка. Совсем маленькая.

Убийца был европейцем. Оба джентльмена, с которыми он имел дело в Багдаде, были англосаксами. Все это начинало сильно пахнуть Западом...

Он заметил, что плоскоголовый приходит в себя. Он уже достаточно соображает, чтобы после первых инстинктивных движений, с которыми не смог совладать, тут же создать видимость полной неподвижности.

Руссо взял с полки кусок дорогого бархата и крепко связал им руки своей жертвы. Остаток бархата лег роскошными волнами вокруг тела. Лучшими эстетическими эффектами мы часто обязаны случаю.

Он снова поставил каблук на затылок соглядателя и надавил.

— На кого работаешь?

Лицо плоскоголового одной щекой было прижато к полу. Руссо видел его маленький, голубой левый глаз, — спору нет, со своей шеей удава, плоской физиономией и подковообразной челюстью тип выглядел весьма устрашающе. Капли пота на его змеином лице казались каплями яда, которые почему-то сочились не из зубов, а из пор.

— Я хочу знать название организации, адрес штабквартиры, имя здешнего представителя... И план действий. Место, день, час... Всё.

Убийца молчал. Руссо надавил каблуком так сильно, что услышал, как щелкнули позвонки; от боли из горла вырвались свистящие звуки.

— Организация — «Талликот тул компани». Штабквартира в Кейптауне...

Руссо это озадачило.

— Вот тут ты и в самом деле меня порадовал... Два года тому назад они уже чуть было не заполучили мою шкуру!

Так, значит, в очередной раз то же самое. Оружие. После знаменитого сэра Бэзила Захарова в тридцатых годах, «Талликот тул компани» была крупнейшим в мире частным предприятием по торговле оружием. Его духовной наследницей. Ее последние подвиги — поставки оружия в Ирландию — неделями не сходили с первых полос всех газет. Согласно официальным данным, зачитанным с трибуны ООН, «Талликот тул компани» контролировала семь десятых частного рынка. Добрая треть произведенного в Чехословакии оружия проходила через ее руки. Кроме того, «Талликот» была одним из немногих предприятий мирового масштаба, диктовать которым условия не удавалось даже американской ИТТ¹. Юридический адрес — Кейптаун... Скажешь тоже. Юридический адрес — весь мир.

Предприятие было совершенно легальным. Торговые операции осуществлялись от лица примерно двадцати организаций. «Талликот» располагала одним из лучших в мире торговых флотов. Продукция хранилась на судах. Никаких складов на суше. «Талли», как ее называли в профессиональных кругах, могла поставить товар заказчику в любой момент, он у нее всегда был в наличии. Танки, самолеты, ракеты... всё вплоть до малайских криссов².

Руссо понадобилось сделать над собой усилие, чтобы не переломить плоскоголовому позвоночник. Он редко вспоминал о нескольких каплях черной крови, доставшихся ему от бабушки, считая их своего рода красивой семейной реликвией. Но в этом деле что-то многовато было южноафриканцев...

¹ Одна из крупнейших промышленных корпораций в мире, выпускающая в том числе и оружие.

² Особый малайский кинжал.

Плоскоголовый пошевелился.

— Чувствуешь себя лучше? Какая незадача...

Он надавил каблуком ему на шею.

— Имя здешнего главного?

Он его знал. Мало было такого, чего он не знал о «Талликот тул компани». Но ему нужно было подтверждение. Порядок есть порядок.

— Имя?

Тип молчал. У него еще, похоже, остались угрызения совести.

Руссо заставил его расстаться с ними.

Он пошел на просчитанный риск и до предела надавил каблуком...

— Берш! — завопил плоскоголовый.

— Хорошо, — сказал Руссо. — Где он сейчас?

— Не знаю. В пустыне. Он отдает приказы по радиции...

— На какой частоте?

Руссо недооценил торговца. Он понял это, когда ему на голову обрушился стул. Сам Руссо особо не пострадал, но, стараясь удержать равновесие, случайно оперся всем весом на правую ногу...

На Руссо вдруг навалилась страшная усталость — и моральная, и физическая: всякий раз, когда приходилось кого-то убивать, он чувствовал одно и то же. Переход в пустоту. Он задавался вопросом, почему же никто до сих пор ради разнообразия не убил его...

Суконщик снова отскочил за прилавок.

— Пожалуйста, не убивайте меня. Не нужно меня убивать. Я мирный человек...

Руссо вырвал лист из лежавшей на кассе регистрационной книги и нацарапал записку.

— Иди отнеси это послание сэру Давиду Мандахару в министерство внутренних дел. У тебя не будет неприятностей.

Он вышел. Правительственный «кадиллак» с водителем ждал его у дверей «Фелисите», он приподнял

свои одеяния и устроился на кожаном сиденье, мрачно глядя в затылок шофера... Эти штуки еще более хрупкие, чем меня учили в школе, подумал он.

Ему было в чем себя упрекнуть.

Одно неосторожное движение ногой — и навсегда иссяк источник информации, более сладкий для уха, чем все фонтаны Аллаха...

Берш...

Он обернулся, чтобы посмотреть, на месте ли почетный эскорт. Он был на месте: на борту «БМВ», несущегося на всех парусах. Власти были с ним крайне предупредительны...

«Кадиллак» какое-то время ехал вдоль величественной стены, затем свернул и устремился вверх по дороге, которая вела к крепости. Над входом развевался новый флаг — красный с синими звездами: революция и надежда. Во внутреннем дворе — на бывшем рынке рабов — вдоль стен росли дикие розы и скучал на солнышке броневедомobile. Компанию ему составляли два мотоцикла и сидевший по-турецки военный в поношенной и неухоженной форме — одном из печальных слепков с формы бывшей британской колониальной армии.

Руссо миновал белый туннель и вошел в кабинет, владелец которого элегантно рукой указал ему на кресло.

Начальнику полиции Хаддана на вид было лет пятьдесят, но его взгляд, казалось, наблюдал еще за сотворением мира и всеми последовавшими за этим досадными событиями. Лицо у него было аристократичное, тонкое, оно отличалось тем выразительным отсутствием выражения, которое наводит на мысль о тайнах, недоступных глубинах, секретных знаниях, об исключительном и изощренном уме, от которого никто не может ускользнуть или отбиться. Нос, сам по себе немаленький, смотрелся на столь тонком лице особенно внушительно. Крючковатый, острый, он,

казалось, обладал своим собственным характером: это был нос, который нельзя было квалифицировать иначе, как безгранично пронизательный. Ноздри же были откровенно вывернуты наружу, но это, похоже, была первая и последняя откровенность их обладателя, господина Дараина. Практически голый череп. Это лицо некогда, наверное, видели позади трона персидских шахов...

У него за спиной на стене висела репродукция автопортрета Рембрандта. Картина была частью нового имиджа — и нового мышления — Хаддана. Эти прокламации современной веры, веры в культуру, присутствовали во всех официальных учреждениях. Никаких лубочных картинок: лишь вершины гуманизма, искусства, поэзии и музыки. Даже марки, напечатанные в Голландии, воспроизводили шедевры амстердамского Риксмузеума...

— Берш, — сказал Руссо.

Пустыня окружала его своим небытием и на всем пространстве от Индийского океана до садов Сирии выжигала всякий намек на нечистоту. Ветер наполнил его ноздри, жаждавшие самого нежного из всех запахов, запаха абсолютной наготы. Это был голый ветер, столь же чистый и умиротворяющий, как молитва или источник; он не нес с собой ни малейшего следа материи, ничего, кроме жаркого и торжественного обещания вечности.

Он направил своего верблюда к вершине бархана. Ему приходилось держать обе ноги в стремянах, так как с годами тело его высохло и утратило былую гибкость, и он не мог больше ездить верхом на манер бедуинов, подобрал под себя ноги.

Это был верблюд вашиба, самая сильная и рослая порода во всей Аравии, та, что была выведена в Хиджазе и привела к победе воинов Ибн-Сауда. Бурдюки, свисавшие по бокам животного, меняли форму в зависимости от времени суток и жара солнца; они раздувались, прерывисто, тяжело дышали, вздыхали, как чудовищные легкие, медленно покачивались в такт беспокойной утробной жизни, и к поту на коленях у вашиба примешивались капельки водного конденсата.

Достигнув вершины бархана, верблюд остановился и, высоко подняв голову, окинул медленным взором

все вокруг, время от времени слизывая с удил остатки соли. Вашиба всегда сами останавливаются на высотах. Всадник застыл в седле, поднеся руку к глазам. Ничего. Бесконечное однообразие песка медового цвета, переходящего против света в окру, барханы без конца и без края, с неспешной грацией струящиеся в волнах жара. Море бога. Оно насыщало душу всадника покоем.

Два его спутника спешили и тоже вглядывались в горизонт.

По-прежнему ни следа сокола.

Сегодня, когда уже рассвело, они подстрелили газель. Добычу заметил сокол и указал на нее охотникам: он опутывал ее воздушными арабесками до тех пор, пока они не подоспели и не убили метавшееся во все стороны животное, которое билось в невидимых и нематериальных сетях, пытаясь уйти от роковых знаков, очертивших круг над его жизнью. Трое мужчин поджарили газель на ветках колючего кустарника, из-за чего мясо приобрело запах тмина; утолив жажду молоком верблюдицы, они заняли отсутствующее в этих краях время обсуждением других соколов, сравнивая, у которого острее глаз и который настойчивее преследует добычу; затем они снова двинулись в путь в вечных поисках небытия, побуждавшего их идти за собой: это была любимая игра небытия, в которую оно всегда играет с теми, кто мечтает о бесконечном. Но с каждым шагом верблюда бесконечность пряталась и вместе с тем выдавала свое присутствие: пустыня не переставала осыпаться верующего обещаниями, сдержать которые не могла. Для этого нужно было идти дальше, туда, куда не доберешься на верблюде, пусть даже и вашиба... Манящая беспредельность непрестанно звала и повелевала, но ближе к ибна было уже не подойти. Слово ибна не имеет точного значения и используется шидитскими гази как намек на существование тайной

истины, выразить которую, не предав при этом ее природы, не дано.

После того, как он заметил газель и привел охотников к добыче, сокол вернулся на свое привычное место на левом плече хозяина. Полуприкрыв серые глаза, он вобрал голову в перья и в дальнейшем оставался безучастен как к земле, так и к небу. Жара отдала им свой приказ, потребовав — с властью часового, защищающего королевство от непрощенных гостей, — чтобы они остановились, они повиновались и остановились. Они поставили черный шатер шахиров, и когда они заснули, сокол улетел, а выпавшись, они вновь сели в седло. Человек, с рассвета преследовавший свое наслаждение, теперь нетерпеливо вглядывался в небо, он горел желанием увидеть, как в сияющей пустоте появится черная стрела, он улыбался великолепию солнца. Он почитал этого властелина, своим царственным блеском и победоносным шествием сохранявшего связь со всеми клинками ислама и всеми саблями исламских завоевателей.

Всадник был из тех людей, что всегда стремятся жить вне себя, в предмете своих желаний. Его терзал всепожирающий духовный и физический голод, которому одно лишь действие и утоление не давали стать отчаянием. Все грезы должны были обрести плоть, а плоть — получить немедленное удовлетворение. Он считал, что его грезы приходят из иного мира, и видел в них веления судьбы. А еще он считал, что западная цивилизация отвращает человека от истинной его природы: тем самым она несет в себе зародыш собственного исчезновения. А когда она исчезнет, мир будет принадлежать тем, кто сумеет сохранить невредимыми свои связи с истиной: инстинкт власти и инстинкт смерти. Прошлой ночью грезы о власти и смерти наполнили его неотвязным, всепожирающим желанием и не дали забыться сном, и, едва проснувшись, он устремился к единственной возможности утолить это желание.

Он мог бы отправиться в Шибан и там, в квартале, отведенном для наслаждений, получить желаемое обычным путем. Но ему были глубоко противны профессиональные ласки, которые достаются легко, без сопротивления, без завоевания. Насилие во все времена было верным спутником меча.

А кроме того, он был уже слишком стар, чтобы идти против своей природы. У него больше не было времени на «что-то приблизительное». Ему требовалось господство и беспощадное подчинение, в духе былых времен, в духе завоевателей... Необузданность безжалостно навязываемого грубого объятия. Это как различие между прохладным источником оазиса и глотком воды из-под крана.

Верблюд фыркал, увязал в песке, оскальзывался, пробовал почву, ища надежную точку опоры, чтобы спуститься.

Но всадник удерживал его и насыщал свой взгляд невидимыми царствами, что простирались там, за горизонтом.

К востоку это были Хадрамаут¹ и Оманский залив. На северо-западе лежала Мекка и ближе, в каких-то пятистах километрах, начинался древний Йемен Счастливой Аравии. На юге возвышались горы Хаддана.

Всадник ненавидел новый Хаддан — собак без хозяина. Он ненавидел его всей душой. Его безродные правители предали *худа* — путь, указанный Кораном.

У них не было ни породы, ни чести. Отвратительная помесь нубийских рабов, индийских неприкасаемых и иранских нищих... Размножаясь как крысы, они меньше чем за столетие стали хозяевами страны.

Перед ним простирались три тысячи километров песка. Под этими барханами спали вечным сном рим-

¹ Историческая область Йемена.

ские легионы Аэлия Галла¹ и христиане Первого крестового похода Рено Шатильонского². Несколькими годами ранее он обнаружил их останки, увидевшие свет после восьми веков хамсина³. Иссохшие тела походили на порыжевший и почерневший пергамент, но доспехи и мечи были такими же чистыми и блестящими, как в 1206 году. Некоторые приняли смерть от собственного кинжала, чтобы избежать беспощадного солнца и пытки жаждой.

Всадник улыбнулся. Это был мир без жалости, звучный его душе. Мир-воин. Само солнце метало в него миллионы своих мечей.

Он заметил сокола.

Тот приближался, отвесно падая сквозь пекло неба, как крылатый черный камень, затем снова взмыл вверх, с плавной легкостью, презрев законы всемирного тяготения, и описал один круг, затем другой, всякий раз все уже, всякий раз все ниже, точно кружил над добычей, привлекая к ней взор охотника.

Всадник тронул верблюда, который сначала отступил назад и напрягся, чтобы высвободить копыта из песка, потом шагнул вперед, мерно покачиваясь и скользя; человек и верблюд спустились к подножию бархана, где их уже ждали спутники. Они устремились в ту сторону, куда указывала им своими нисходящими спиралями хищная птица. Двое спутников следовали за хозяином сокола — никто никогда

¹ Имеется в виду военный поход римского полководца Аэлия Галла в Южную Аравию в 25—26 гг. н. э.

² *Рено Шатильонский* (1143—1187) — барон, крестоносец; напал в начале 1187 г. на мусульманский караван, шедший из Каира в Дамаск, чем спровоцировал объявление Саладином священной войны. Попал в плен в Тивериадском сражении, в котором Саладин нанес сокрушительное поражение крестоносцам; отказался принять ислам и был казнен в числе 200 других захваченных в плен рыцарей.

³ Горячий пустынный ветер в Египте и на Аравийском полуострове.

не скакал впереди него, ни в мирное время, ни на войне.

Они сразу же заметили рощицу колючих кустарников и тех смиренных, но стойких кустиков, что не боятся ни засухи, ни ветра, бедных родственников благоуханной босвелии, в изобилии растущих на склонах Хаддана — их смола с незапамятных времен является предметом торговли.

Барханы стали более низкими и пологими, показался колодец и полоска песка, из-за присутствия воды сменившего желтую окраску на серую. Почва стала твердой и каменистой, темноватой, вновь вступая в вулканическое сообщничество с глубинными источниками. За колодцем начинались густые заросли абала и оазис с величественными и высокомерными пальмами. Подняв глаза к солнцу и прикрыв их ладонью, всадник увидел над головой алое зарево и черную стрелу. Впервые с начала охоты он улыбнулся. Добыча, видимо, была там, за пыльными деревьями.

Он услышал звуки дудки.

Мальчишка-пастух сидел на корточках на песке, в окружении серых, белых и коричневых коз, что паслись под пальмами.

Они подъехали со стороны солнца и внезапно вынырнули из ослепляющего света, так что мальчик не видел их приближения. Когда он их заметил, они уже остановили своих верблюдов. Он продолжал играть.

Всадник молчал, а двое его спутников держались чуть позади — им предстояло дожидаться, пока он не получит свое славное удовольствие. Он оттягивал момент, давая желанию вырасти и возмутить его кровь.

Тогда подросток поднял глаза и по выражению их лиц решил, что они хотят пить. Он, улыбаясь, показал им на колодец. Но они не пошевелились и продолжали смотреть на него с высоты своих верблюдов горящими

алчущими глазами — и он понял. Он положил дудку на землю и умоляющим, нежным взглядом попросил смилостивиться над ним.

Тогда он увидел, как чужестранец, который был у них главным, худощавый человек с коротким, изогнутым, как клюв совы, носом и с выкрашенной хной бородой поднял левую руку. Небо ответило, с солнца упал сокол и замер на плече хозяина, тут же потеряв всякий интерес к двуногой добыче, которую до этого выслеживал с таким рвением.

Лицо чужестранца исказилось, голубые глаза побледнели, а рот, казалось, проглотил губы и стал одной тонкой полоской.

Черты подростка были мягкими и вместе с тем мужественными, в его глазах играли зеленые отблески, а тело казалось усыпанным каплями утренней росы. Над ним еще не совершили обряда обрезания, о чем свидетельствовали его волосы, уложенные в виде петушиного гребня.

Он поочередно взглянул на трех всадников, затем опустил длинные ресницы и расплакался.

Чужестранец спешился. Оба его спутника последовали его примеру. Их предводитель наклонился к ребенку. Он взял его за подбородок и заставил поднять голову.

Глаза еще невинные. Дрожащие губы еще чисты. Руки, живот и бедра на ощупь нежные, как бархат.

Пока его спутники ставили ребенка на колени, всадник с благодарностью думал о том, что пески всегда к нему благоволили и никогда не скупилась на милости.

Сокол спал на плече мужчины, уткнувшись клювом в серебристые перья.

Ребенок попытался было сопротивляться, но один из всадников зажал его голову между колен, а второй заключил обе ручки в свой кулак.

Губы мужчины скривились в улыбке, глаза сверкали в преддверии варварского опьянения. Он будто бы вонзал меч в плоть нежной жертвы, будто бы кровь воина вкушала, наконец, полную победу.

Двое других ждали своей очереди.

...Его звали Берш. Хуго, Эразм, Людвиг, Амадей, Клементий, Алоизий Берш.

Стефани ждала его во внутреннем дворике гостиницы, и когда он появился, она улыбнулась от радости, спрашивая себя, кому же адресована эта радость: самому этому мужчине или ее собственным детским мечтам. В его лице была почти латинская утонченность, а матовый, смуглый цвет кожи образовывал со взглядом и тот контраст, и ту связь, что есть у пепла с пожаром. Благородная осанка, про которую трудно было сказать, что ее создает — развевающиеся одеяния или сама природа этого человека. Он пересек внутренний дворик и поднес правую руку к сердцу в традиционном приветствии, а его серьезный взгляд — наверное, ему немного не хватает чувства юмора — устремился на нее с такой прямоотой и уверенностью, что ей пришлось сделать усилие, чтобы не опустить глаза. Этот человек был в точности таким, какими она когда-то воображала мавров, Отелло, Яго и Гаруна аль-Рашида... Казалось, он был создан из литературных реминисценций и внезапно возник из легендарного прошлого, так что его физическое присутствие внушало чуть ли не больше изумления и восторга, чем сами легенды.

— Я даже не знаю вашего имени, — сказала она.

— Эль Руссаим, — сымпровизировал Руссо, почувствовав укол неподдельной ненависти к самому себе. Никогда еще он не чувствовал себя большим лицемером, может, потому, что никогда еще не проявлял сво-

их талантов лицедея с большей неохотой. Повернуть обратно на этом пути было нельзя: шансов, что она простит его, было мало. Но ему не приходилось выбирать. Он недостаточно хорошо ее знал, чтобы рисковать. В новых сведениях о мисс Стефани Хедрикс, которые накануне поступили к нему из Нью-Йорка и теперь покоились в картотеке посольства, говорилось, что у нее непредсказуемый и взбалмошный характер, хотя она несомненная идеалистка — солидную часть своих заработков отдает детским приютам в негритянских кварталах — и что в кругах высокой моды за ней утвердилась репутация женщины умной и упрямой, как ослица. Ее предками были ирландцы и французы — точнее, эльзасцы. Ему рекомендовали проявлять большую осторожность.

Но он также вынужден был признать, что давно пристрастился к тому, что называл «бегствами» от себя самого, что давно перестал бороться с искушением пожить во время задания в личностях, как можно более далеких от его собственной: о ней он уже знал достаточно и не ждал от нее ничего неожиданного.

Да и потом, что тут такого, всего лишь очередное дело. Эта всемирно известная красавица стала важной фигурой на политической шахматной доске Персидского залива. Руссо однажды довелось увидеть электронные внутренности компьютера IBM, но, на его взгляд, переплетение проводов — ничто в сравнении с запутанным клубком интриг и махинаций, расчетов и заговоров на Ближнем Востоке. Сначала он потребовал у властей как можно скорее отправить молодую женщину в Нью-Йорк, но это оказалось невозможно. Нужно было выиграть еще несколько дней, чтобы дать хадданскому правительству время прояснить это дело и предоставить автономии Раджаду, несмотря на сильное противостояние внутри кабинета министров. Появление мисс Стефани Хедрикс на американских телеэкранах было неизбежно, но нужно было как-то

оттянуть этот момент. Он потребовал мер безопасности, которые были немедленно предприняты, но ему пришлось согласиться с тем, что прямо сейчас отпустить ее в Штаты невозможно.

Она протянула ему руку.

— Спасибо, что пришли так скоро. Вам удалось выяснить, почему этот человек шел за мной следом?

Он улыбнулся.

— Уверен, что с вами такое случается не впервые...

Она взглянула на него с удивлением и покачала головой.

— Знаете, иногда ваши слова как-то не соответствуют тому, кто вы есть.

— В Коране говорится: «Глаз не находит истины, ее встречает сердце».

— Вы, похоже, знаете Коран наизусть.

Какое-то время Руссо шел молча. ЦРУ платило ему недостаточно за работу, которой он сейчас занимался.

Они пересекли разделительную полосу палящего солнца, что протянулась между «Метрополем» и мединой, и вошли в старый город через Ворота Птиц, где уже не один век щебетала в тысячах клеток вся воздушная фауна исламского мира от Кашмира до Шираза.

Извилистые улочки походили на нити паутины, сотканной безумным пауком. Руссо сомневался, чтобы у человека, часом ранее покинувшего лавку суконщика под куском алого бархата, столь быстро появился приемник. Пока отзвук его последнего вдоха достигнет ушей его работодателей, пройдет несколько часов, даже если использовать рацию. Но экскурсия по старому городу среди толпы, которая текла во всех направлениях и несла с собой тысячи джамбий, не вызвала у Руссо особого энтузиазма. За ними незаметно следовали двое полицейских, переодетых бедуинами, как

и полагалось, но им он тоже не очень-то доверял. Ему было не по себе, хотя почему именно, он не мог понять.

Постулат, из которого он исходил — постулат посольства — был таков: власти Хаддана не виноваты. Но был во всем этом один неизвестный, в высшей степени тревожный, двусмысленный элемент. Руссо спрашивал себя, не является ли он жертвой визуального заблуждения. Лица местных начальников, с которыми он общался с момента приезда, как и лица прохожих, были такими экзотическими, такими здешними, такими живописными — одним словом, такими нестандартными — что ему недоставало психологических ориентиров, чтобы выработать собственное мнение.

Он никогда прежде не имел дела с подобными физиономиями. Здесь человек высоких нравственных правил мог обладать блуждающим взглядом проходивца, а последняя из каналов — лицом, исполненным библейского достоинства. Голова начальника полиции, к примеру, была шедевром двусмысленности и скрытности. Хотелось охарактеризовать ее как «голову грифа», но такое суждение зиждилось на неблагоприятном а priori¹, так как с тем же успехом можно было сказать, что это голова персидского аристократа, среди далеких предков которого, возможно, был египетский писец с примесью афганской и арабской крови.

Но самым тревожным и двусмысленным элементом во всем этом была... правда. Руссо ее не знал. В очередной раз он был вынужден принять за отправную точку тезис хадданского правительства, согласно которому оппозиционеры стремились любыми средствами спровоцировать мятеж в Раджаде.

Но была и другая гипотеза.

В правительстве имелись две противоборствующие фракции. Та, что стремилась предоставить Раджаду

¹ Здесь — заранее составленном мнении (*лат.*).

автономию, и та, что была полна решимости «спасти единство страны».

Ту же ситуацию Руссо наблюдал в Ираке тремя годами раньше, до того как Багдад предоставил автономию курдам полковника Барзани.

Был радикальный способ избежать автономии и раз и навсегда покончить с «шахирским вопросом»: сначала спровоцировать мятеж, а затем истребить бунтовщиков: их вожаков, элиту и часть населения... Геноцид.

Если эта последняя гипотеза была верна, то защита со стороны хадданской полиции успокаивала примерно так же, как винтовка, нацеленная в спину.

Он был напряжен и взвинчен, даже растерян; такая ответственность не лежала на нем даже в самые трудные моменты его карьеры. А тут еще приходилось играть комедию, сохранять самый что ни на есть благородный вид и вести Стефани по городу, о котором он ничего не знал.

Никогда еще он не чувствовал себя таким уязвимым: очень уж она была хороша. Ее почти по-детски нежное и живое личико под копной рыжих волос трогало его до глубины души. Никогда еще он не испытывал столь сильного желания оберегать, защищать... Он попытался вернуть себе самообладание. Идиот несчастный, такое впечатление она производит на всех. За это ей и платят такие деньги. Это ее ремесло.

Он плыл по улице в своих развевающихся одеяниях, мрачно глядя прямо перед собой.

Стефани до этого часами бродила по медине, но никогда прежде старый город не казался ей таким прекрасным. За каждым поворотом внезапно возникал зеленый изумруд мечети. Фасады домов были изукрашены мозаикой из охровых и белых камней: зодчество, восходившее ко временам царицы Савской. Медресе, окруженная четырьмястами колоннами, казалась дворцом. В квартале каменщиков раздавались

крики *шадди*, голоса которых должны были заставлять носильщиков шагать в ногу. Даже нищие были великолепны. Держась прямо и сохраняя отсутствующий вид, они никогда не благодарили, когда им подавали милостыню, и их взоры продолжали шествовать дорогами рая. Казалось, что ты возлагаешь свое скромное приношение перед статуей святого. Они явно были аристократами своего мира.

Она старалась не смотреть на своего спутника, чтобы он не вообразил себе бог знает чего. Он был соблазнитель, да, но она вовсе не собиралась напрашиваться на романтическое приключение из разряда «путешествие-на-двоих-по-программе-все-включено». Однако она была вынуждена признать, что никогда прежде не встречала человека, который составлял бы столь единое целое с местом, культурой, который выглядел бы так естественно в еще живой древности...

Он молчал, сумрачно глядя прямо перед собой.

— У вас сердитый вид. Почему?

Руссо чувствовал, что необходимо принять некоторые меры предосторожности. У него возникло желание — совершенно неуместное в данных обстоятельствах — пригласить мисс Хедрикс полюбоваться его коллекцией японских эстампов или каких-нибудь хадданских произведений искусства. В принципе, он бы не погнушался пойти на такую уловку, но сейчас — в самом центре осинового гнезда, при том, что эта девушка рискует своей жизнью, — это желание отдавало гнусностью. Ему даже почудилось, что он стал меньше. Он испытывал сложные угрызения совести и при этом понимал, что сейчас для них совершенно не время. Он-то думал, что у него не осталось иллюзий в отношении самого себя.

Нужно было с этим кончать.

— Я всегда сержусь, когда думаю о своих женах.

Лицо Стефани под рыжей копной волос как будто уменьшилось.

— Женах? А сколько их у вас?

— Точно не знаю. В последний раз, когда я их пересчитывал, их было двадцать семь, но я слышал, что в мое отсутствие друзья подарили мне новых.

Он в ярости прервал свою речь.

— Вы что, не видите, что я шучу? Да за кого вы нас принимаете? У меня нет жены. Вернее, я никогда не был женат. Время от времени я с кем-нибудь трахаюсь, как и все.

Она остановилась и смерила его взглядом.

— Вот это да! Вы разговариваете как американский капрал. Где, черт побери, вы научились так выражаться?

Руссо повысил голос.

— Мы не такие уж варвары. Мы в состоянии запомнить несколько иностранных выражений. Могу вас заверить, что в Америке я не терял времени даром...

— Я не это имела в виду... Просто я никогда не встретила человека, менее похожего на американца, так что американский солдатский жаргон в ваших устах...

— От предрассудков нужно избавляться, — посоветовал Руссо.

Он остановился перед ювелирной лавкой, где была выставлена сверкающая бижутерия, привезенная из Германии. Но Стефани заметила восхитительное произведение местных ремесленников, скромно помещенное позади иностранного барахла. Это была черная роза, вырезанная из куска лавы. Интерес Стефани к розе не укрылся от глаз торговца. Он внезапно возник из недр лавки, на лице у него расцвела широкая улыбка, и он принялся по-арабски восхвалять свой товар. Он держал черный цветок за стебель прямо перед глазами Стефани.

— Что он говорит?

Руссо не знал ни слова по-арабски. Для орла пустыни ситуация была не очень удобная. Теперь торговец обращался к нему, явно перейдя на поэтический лите-

ратурный арабский, и Руссо, покрываясь от ужаса потом, начал лгать с энергией отчаяния:

— Это роза *хасад*, у нас это амулет на счастье... Этот парень говорит, что у нее длинная история. Традиция черной розы восходит к Фатиме — вам же известно, это была любимая жена Магомета...

Он поспешно достал деньги из кармана и стал совать банкноты торговцу, но тот продолжал свои эгегические речи.

— Он утверждает, что эта роза украшала гарем Марбака, величайшего из всех завоевателей...

Вторая порция банкнот наконец-то заставила ювелира умолкнуть, и Руссо вручил розу Стефани.

— Печально, — прокомментировал Руссо. — Наш народ теряет свою культуру. Арабский этого человека невероятно груб. Я с трудом его понимаю...

Затем ему пришлось пройти через новое испытание, когда на площади Раиса Стефани решила попробовать молока верблюдицы — этот напиток черпался прямо из источника. Руссо невнятно произнес несколько гортанных слов, которые привели торговца в некоторое замешательство, а остальное сделали несколько выразительных жестов.

— Вы живете в Тевзе? — спросила Стефани.

Руссо смотрел на нее, попивая сладковатую, совершенно отвратительную жидкость. Власти поселили его в медине, в доме, найти дорогу к которому без помощи водителя он был не в состоянии. Если бы он ориентировался в этих бредовых улицах, то подхватил бы этот мяч на лету — если она действительно кинула ему мяч: он бы пригласил Стефани к себе домой и получил бы еще одну нашивку за верность профессии, красоту которой он никогда не оценивал выше. Вдобавок ко всему, он чувствовал, что плохо играет свою роль, а это было крайне обидно для человека, считавшего, что он понаторел в искусстве жить в чужой шкуре за счет американских налогоплательщиков.

Он поставил кувшин обратно под вымя верблюдицы.

— Нет. Я поставил шатер в пустыне. Я приехал в Тевзу с двумястами верблюдами, которых рассчитываю продать армии...

Стефани обладала практическим складом ума.

— А сколько стоит верблюд?

Руссо закрыл глаза.

— Смотря какой. Это зависит от породы, возраста и... разумеется, роста...

Он остановил такси, и они поехали вдоль нескончаемой стены старого города. Руссо начал длинный восторженный рассказ о Соединенных Штатах, не давая Стефани возможности сменить тему. Он включил в него всякого рода убедительные подробности о Нью-Йорке и Новом Орлеане.

— Вы и вправду хорошо знаете мою страну, — сказала она.

Всю дорогу Руссо был неистощим в рассказах на эту тему, при этом он удивлялся, как он не додумался до этого раньше. Теперь ему дышалось свободнее. Стефани ни разу не заговорила о деле. Она выглядела беспечной, довольной тем, что она здесь, с ним, вдали от кошмара...

У него было чувство, что он с блеском провел трудную операцию.

Они взобрались на холм, и оттуда он показал ей город, опоясанный широкой охровой стеной и оцетинившийся минаретами.

— Эта стена видела воинов Мохали, властителя, противостоявшего Магомету...

— Да, я читала об этом в гостиничной брошюре, — сказала Стефани. — Мне пора возвращаться. Я попытаюсь связаться с зарубежными агентствами печати. Я знаю, что у «Ассошиэйтед пресс», «Рейтера» и «Франс-пресс» здесь есть свои корреспонденты. Они приходили брать у меня интервью на следующий

день после нашего приезда. С тех пор ничего... Власти угрожают им, я в этом уверена. Но я сумею на них выйти.

— Я не уверен, что это будет правильным ходом, — сказал Руссо. — Просто забудьте про эту историю. Я уверен, что правительство делает все, что может, чтобы найти виновных... Власти должны понимать, что отмалчиваться уже невозможно... Нужно дать им время.

Стефани почувствовала, как у нее остановилось сердце. Ей пришлось сделать усилие, чтобы не отпрянуть от своего спутника. И тут она и вспомнила одну деталь, оставленную без внимания в момент их первой встречи. Он не выказал ни малейшего удивления, когда она дала ему прочесть свое письмо в «Нью-Йорк таймс». Он уже был в курсе. Может даже, он один из убийц...

Она покрутила головой, делая вид, что любит пейзажем. Шофер вышел из такси и отошел метров на пятьдесят. Он сел на землю, повернувшись к ним спиной.

Вокруг не было ни души. Никого.

Место было совершенно пустынным. Одни только камни.

Они ее сейчас убьют.

Она бросила быстрый взгляд на своего спутника. У него было очень суровое лицо. Дикие, кошачьи черты, безжалостные глаза... Почему она раньше этого не замечала? Это убийца. Как могла она поверить, что хасанит, так прекрасно говорящий по-английски, случайно оказался с ней рядом на террасе кафе?

Она попыталась взять себя в руки и справиться с нахлынувшей паникой, но ее голову уже наполняли бессвязным шумом обрывки лихорадочных мыслей.

Этот человек ее сейчас убьет.

Руссо продолжал приводить довод за доводом. Малышка, похоже, слушает. Может, ему удастся ее убедить.

Она выдавила из себя:

— Вы так думаете?

Она услышала свой голос из далекого-далекого прошлого: это был ее детский голос...

До такси сто метров... Водитель отошел подальше и сидит к ним спиной... Если ей немного повезет... Главное, не вызвать у него подозрений...

— Может, вы и правы, не знаю... Мне нужно спокойно надо всем этим подумать...

Руссо решил, что все-таки добился результата.

— Лично я думаю, что вам следовало бы остаться в Хаддане еще на несколько дней и помочь полиции раскрыть это преступление. Что даст мне возможность, я надеюсь, увидиться с вами снова... Должен также сказать, что я достаточно прожил в Соединенных Штатах, чтобы знать, насколько они могут быть циничными и жестокими там у себя... Там могут подумать, что вы стремитесь сделать себе рекламу и...

Она развернулась и побежала к такси.

Руссо остался стоять с разинутым ртом.

— Мисс Хедрикс!

Она прыгала с камня на камень, как газель, и когда он вышел из оцепенения и помчался следом, было уже слишком поздно. Она сидела за рулем.

— Эй! Что я сделал?

Такси рванулось с места, и все, что он смог сделать, пока ошалевший шофер, размахивая руками, с криками неся за машиной в облаке пыли, это остановиться, сорвать травинку и, смеясь, зажать ее между зубами: он был из тех, кто умеет находить повод для смеха в самых отчаянных ситуациях.

Она вернулась в «Метрополь» в слезах, с чувством униженности и отчаяния, которое, в конечном счете, вылилось в яростную решимость бежать из этой проклятой страны. Теперь она была твердо уверена, что ее обворожительный «орел пустыни» этот дурацкий арабский Рудольф Валентино¹, просто-напросто вульгарный полицейский, которому поручили соблазнить ее и заткнуть ей рот поцелуями, или, может, он убийца, который вывез ее из города, в пустынное место, чтобы уничтожить, — да и прочие «сыновья шейха» и «эмиры» ничем не лучше. Этот очевидный факт казался ей почти таким же жутким, как и история с самолетом, и все потому, что затея чуть было не удалась, она уже начала в него влюбляться... Идиотка, полная идиотка, вот кто она такая...

У Стефани было лишь одно желание: поскорее вернуться в Нью-Йорк и *забыть*. Она отправилась прямиком в гостиничное бюро обслуживания, чтобы забронировать себе место на ближайший рейс. В неделю летало только три самолета.

Портье проверил свой список. Ему очень жаль, но все билеты раскуплены еще две недели назад... Он по-

¹ *Рудольф Валентино* (1895—1926) — американский актер, выступавший в амплуа страстного любовника. Снимался в частности в фильмах «Шейх» (1921) и «Сын шейха» (1926).

стукивал по списку карандашом и не поднимал глаз. Ложь была такой грубой, что она рассмеялась. Они хотели помешать ей уехать из страны.

Она позвонила в посольство и потребовала, чтобы ее немедленно приняли. Ей предложили зайти вечером, а точнее в семь часов.

В четыре часа, когда она лежала на постели, глядя в потолок, в полной растерянности, усугублявшейся от жары и уже переходившей в панику, зазвонил телефон. Некое «официальное лицо» ожидает ее в холле, это важно. Может ли она спуститься? Она надела на голое тело джинсы и купальный халат, затем босиком спустилась на первый этаж. Ее рыжие волосы были взлохмачены, на лице застыло выражение полной враждебности; должно быть, она выглядела пьяной или накачавшейся наркотиками, потому что два-три туриста, с которыми она столкнулась на лестнице, посмотрели на нее с тревогой.

«Официальное лицо» вынырнуло из глубокого кресла, которое как будто выдохнуло его. Мужчина был одет в черную чесучу и элегантно придерживал локтем трость с набалдашником из слоновой кости, имевшую поразительное сходство с его стройным изысканным силуэтом и оголенным черепом, слегка тронутым по бокам седеющими волосами. Взгляд был задумчивым, а тонкие губы над почти отсутствующим подбородком слегка раздвинулись в застывшей улыбке. Над этой улыбкой был водружен, как будто для того, чтобы проникнуть в ее тайну, нос костлявой, навесной разновидности, с ноздрями, широко распахнутыми для уловления всех запахов, откуда бы ни дул ветер — этот нос с его сводами и арками наводил на мысль о некоей мостодорожной конструкции. Стефани почувствовала, как ее враждебность выросла еще на один градус.

— Здравствуйте, мисс Хедрикс, — сказал незнакомец с отменным британским акцентом. — Мы встреча-

лись на приеме у сэра Давида Мандахара, но не думаю, чтобы вы запомнили меня... Позвольте...

Он поклонился с чрезмерной вежливостью, которая, наверное, очень полезна для гибкости позвоночника, и протянул ей кусочек картона. Так Стефани узнала, что она имеет дело с начальником полиции Хаддана собственной персоной.

— О чем речь?

— Об одном весьма щекотливом деле. Мисс Хедрикс...

У господина Дараина была раздражающая манера останавливаться посреди фразы, чтобы послать быструю улыбку, частота которой, похоже, выбиралась заранее, как частота морских маяков.

— Мы не хотели докучать вам, пока вы не отошли от такого сильного потрясения...

Новая улыбка-пауза. С такой головой, подумала Стефани, его место не здесь. Ему бы следовало воссесть на какой-нибудь гниющей падали посреди пустыни.

— Вам бы не составило труда, сэр, сказать, что вам нужно? Я уже поняла, что вы чрезвычайно тактичный человек, так что давайте ближе к делу.

Господин Дараин склонил голову набок с видом снисходительного упрека и погладил набалдашником трости свой отсутствующий подбородок. Стефани отметила про себя, что его шея, украшенная внушительным адамовым яблоком, отличается тонкостью и длиной, которые, наверное, упростят дело для следующего претендента на его пост. Из его левого рукава слегка выступал ослепительный носовой платок, его там держали наготове для всяческих полезных целей, на английский манер. Вероятно, владелец платка получил основательное образование в Оксфорде.

— Учитывая... деликатную сущность этого дела, — сказал он, — я счел необходимым лично передать вам это сообщение...

Он достал носовой платок из рукава и вытер лоб. Этот сукин сын старался приберегать эффект до самого конца — наверное, единственное, чему он научился по ходу своей полицейской карьеры.

— Как вы уже заметили, мы сумели найти ваши вещи...

Новая пауза, но на сей раз исполненная строгости. Наверное, он держал улыбку в другом рукаве.

— Хорошо, ну и что из этого?

— Мы обнаружили в ваших вещах десять килограммов гашиша.

Стефани пожала плечами.

— Охотно верю. Вы их обнаружили, потому что сами же туда и положили. Полицейские всегда так делают. Старый трюк.

— О нет, мисс Хедрикс, мы тут ни при чем. Да и вы тоже...

Теперь она уже ничего не понимала.

— Нам отлично известно, кто положил гашиш в ваш багаж. Господин Массимо дель Кампо нам все рассказал. В его собственном багаже было пятнадцать килограммов гашиша, и он признался, что в аэропорту подсунул два пакета и в ваш.

Стефани молчала. Тут нечего было сказать. Массимо пришел к ней и попросил, чтобы она спрятала наркотики в своих вещах, она это прекрасно помнила. Что же, это объясняло многое. Теперь она знала, почему Массимо с таким рвением поддерживал официальную версию «аварии».

— Новый закон предусматривает длительное тюремное заключение за хранение гашиша, — сказал господин Дараин. — Но, полагаю, можно будет закрыть глаза на это нарушение закона, если господин дель Кампо подтвердит свои свидетельские показания в вашу пользу. После того, что вы пережили... В данный момент это дело с доброжелательностью изучается компетентными органами...

Стефани процедила сквозь зубы:

— Это называется шантажом и запугиванием. Вы сейчас пытаетесь заключить со мной сделку. Я забываю то, что видела — а вы отпускаете меня из страны, не приговаривая к тюремному сроку. Можете вы мне сказать, что помешает мне заговорить, как только я вернусь в Соединенные Штаты?

Она прервала свою речь.

— Или, может, вы намереваетесь оставить меня здесь... *насовсем*?

Тут господин Дараин кланяется, выражает надежду на то, что эти «неприятности» скоро закончатся, добавляет, что он находится в полном распоряжении Стефани, и удаляется слегка враскачку, элегантно зажав трость подмышкой. Со спины он был похож на прямоходящего слизняка с гипертрофированными бедрами.

Она спустилась в бар и застала там Массимо в компании зеленоватого Бакири. Массимо как раз показывал своему новому другу кадры из фильма «Сильнее Геракла», где он играл гладиатора.

— Я получил Оскара за эту роль. Итальянского Оскара в Бордигере¹.

— У нас никогда не показывают хороших фильмов, — пожаловался господин Бакири.

Стефани взяла со стола бокал с гранатовым соком и вылила его содержимое на новый костюм Массимо. Ошарашенный итальянец уставился на нее.

— Жалкий подонок, — заявила она ему. — Спасибо за то, что засунул гашиш в мой чемодан.

— Не сердись... Я сделал глупость. В моем багаже больше не было места... Я больше никогда так не буду.

— Вот это уж точно. Ты больше никогда так не будешь, и по вполне понятной причине. Если ты вообра-

¹ Город в Италии в провинции Маурицио (Лигурия).

зил, что они выпустят нас отсюда живыми, чтобы мы могли рассказывать кому попало нашу занятную историю, то ты еще больший идиот, чем тебя считают...

Господин Бакири смотрел на свои ногти, притворяясь, будто ничего не слышит.

Массимо стал белее своего костюма.

— Не умирай прямо сейчас, дорогой, — сказала ему она. — Подожди. У тебя, вероятно, еще есть денька два, чтобы пожить. Постарайся воспользоваться этим.

Она пошла к себе в номер. Перед самой дверью ее сердце забилося так быстро, что она развернулась, прижалась к двери спиной и безумным взглядом обвела коридор.

Ничего, никого. Коридор был пуст. А между тем чувство опасности оставалось, оно росло и превращалось в крик, визг самолетных винтов наполнял ей голову, а пол качался и уходил из-под ног... У нее над головой с сумасшедшей скоростью вращались лопасти вентиляторов, директор гостиницы неподвижно стоял перед их столиком, протягивая Бобо билет на рейс смерти... Мир опрокидывался на одно крыло, потом на другое, выпрямлялся, как будто летчик агонизировал за штурвалом...

Она так и стояла, прижавшись к двери, и изо всех сил старалась держать глаза открытыми, пытаясь отогнать страшного зверя тревоги.

Ничего страшного. Ничего страшного, Стеф. Рецидив болезни... Отныне такое будет случаться время от времени. Приступы бреда. Мало-помалу это пройдет. Ты все же перенесла тяжелейший шок. Ты сходишь к врачу в Нью-Йорке.

Она открыла дверь.

На нее стеклянными глазами смотрели три лица.

На кровати. Там, на кровати...

Это неправда. *Это неправда.* Ты бредишь...

Она посмотрела на них в упор.

На лице Бобо, между черными кудрями и такой же черной бородой, застыло страдание. Губы скривились в грустной гримасе. Казалось, он говорил: «Вот видишь, Стеф, что они со мной сделали...»

Лицо старого шейха было серым, и казалось, что тьма из его глаз перелилась через край, образовав темные пятна во впадинах между веком и скулой. Голова покоилась на как будто специально разложенной борде, походившей на помятую паутину.

Вокруг по-прежнему пронзительно выли винты самолета.

Пол продолжал качаться, уходить из-под ног... Ну нет, Стеф, опомнись. Это не самолет. Это лопасти вентиляторов под потолком. Все в ресторане было таким спокойным, таким мирным. Стоя рядом, директор гостиницы пристально смотрел на нее и неумолимым жестом протягивал ей паспорт... *Нет! Не бери его!*

Она открыла глаза. Она не потеряла сознания, так как по-прежнему стояла на ногах.

Внезапно, в какой-то мимолетной вспышке, ей на помощь пришел образ отважного мангуста, прыгающего, чтобы уклониться от укуса кобры, и она улыбнулась. Черт возьми. Взгляни на них с профессиональной точки зрения, Стеф. Как на модную новинку. Считай, что это такие новые шляпки...

Тяжелее всего было видеть лицо стюардессы, может, потому, что ее черты сохранили всю свою красоту. Широко раскрытые глаза не потеряли своего жемчужного блеска; окаймленные длинными ресницами, они пристально глядели на Стефани, и эта пристальность, заменявшая свет жизни, походила на немой призыв.

Губная помада и тушь еще держались, почти полностью скрывая синеватые пятна, как будто бедная девушка каким-то чудом женского кокетства заново навела красоту *уже после*. Но густые черные волосы была тусклыми, лишенными блеска...

Стефани взяла сигарету, закурила и уселась, скрестив ноги, в кресло напротив кровати.

— Спасибо, что пришли, — произнесла она, возможно, чуть дрожащим, высоковатым голосом, который понемногу становился все тверже. — Спасибо. Теперь они могут проваливать ко всем чертям со своими историями про бред и галлюцинации...

Она выдохнула дым.

— Да... Но что мне делать? Кто вас сюда послал? Семьи? Кто-то, желающий вам добра? Вы ведь, думается мне, очутились здесь не просто так? От меня хотят... чтобы я прокричала правду, опираясь на доказательства, не так ли?

Она больше совсем не боялась. Было нечто успокаивающее в том, что они и *в самом деле* находились здесь. Значит, она не лишилась рассудка.

— Что, по-вашему, мне следует сделать?

Головы, казалось, чуть уменьшились, чуть съжились по сравнению с тем, какими она видела их в пустыне. Под них аккуратно подстелили сложенный газетный лист, как будто тот, кто их сюда принес, боялся запачкать постель.

Вот это интересно. Кто бы стал проявлять такую заботу о гостиничном белье? Кто-то, кто за него отвечает. Не прислуга, нет, ей на это наплевать.

Директор гостиницы.

— Это он, не так ли? Он подстелил ее машинально, из привычки заботиться о порядке и чистоте...

Ответа не было, но она, слава богу, его и не ждала. Она еще не спятила.

Она заметила на лицах едва различимые капельки воды, как будто кожа все еще потела.

Стефани встала, пошла к кровати и коснулась пальцем лба Бобо. Он был ледяным.

Она вернулась, села в кресло, вдохнула дым и с наслаждением выдохнула его.

— Ясно, вас хранили в морозилке на кухне. Вы совершенно ледяные, мои бедные лапушки... Следовательно, это кто-то, кто очень заботится о гостиничном имуществе и имеет доступ к морозилке... И у кого в руках побывал паспорт Бобо с указанным в нем славным исламским именем Абдул-Хамид... У тебя был занятный псевдоним, Бобо, но он стоил тебе жизни. Мы согласны?

Стефани сделала паузу, как будто хотела дать им время поразмыслить.

— Значит, директор гостиницы. А кто другой?

У нее было такое впечатление, будто она разговаривает с тремя друзьями, у которых возникли неурядицы и они пришли попросить у нее помощи.

— Только он, в любом случае, всего лишь прислужник. Если он это сделал, так потому, что получил приказ. От кого? И зачем? Чего от меня ждут?

С этого момента ее мысли начали блуждать в лабиринте столь же запутанном, как и улочки медины.

— Ладно, это пока неважно. Сейчас можно сделать только одно...

Она пошла к телефону, не спуская глаз с трех предметов.

— Сейчас, мои дорогие, вы проведете пресс-конференцию.

Она попросила соединить ее поочередно с агентствами «Рейтер», «Франс-пресс» и «Ассошиэйтед пресс», но после пятиминутного ожидания — понадобившегося, чтобы проконсультироваться с кем следует, — телефонистка сообщила, что городская линия повреждена. Им очень жаль. Такое случается время от времени...

Она рассмеялась. Смех закончился всхлипываниями и рыданиями, но лишь оглушительный визг винтов вынудил ее заткнуть уши. Самолет качало в бурном море, и она была готова к тому, что в любой момент головы попадают с кровати и покатаются к ней.

Затем самолет вернулся на прежний курс, и она с благодарностью подумала о старом летчике, державшем штурвал. Она была рада, что приняла его приглашение поужинать вечером в Бейруте.

Но прежде... *Ее полароид*. Она подскочила. Она оставила его на соседнем пустом сиденье... Нет, нет. Он был в сумке. Коричневая кожаная сумка от «Гуччи». Она не имела права терять голову. Только не теперь. Только не теперь, когда у нее есть доказательства, неопровержимые доказательства, которые лежат тут, на кровати...

Она быстро повернулась к кровати, охваченная внезапным сомнением... Но нет, они лежали на месте. Все в порядке.

Она нашла полароид на дне сумки, вставила кассету и сделала двенадцать снимков.

Фотографии получились превосходные. Восхитительно проступали цвета. Теперь речь шла о том, чтобы поместить их в безопасное место.

Она сунула снимки в конверты и надела адреса: «Нью-Йорк таймс», Комиссия по правам человека при ООН, Верховный суд США с просьбой передать судье Дугласу. Она поймала себя на том, что вывела на последнем конверте «Совести мира», но потом разразилась смехом и разорвала конверт на мелкие кусочки, понимая, что подобного адреса не существует.

Стефани скинула халат на пол, наугад вытащила из одного из чемоданов с коллекцией платье и быстро оделась.

Потом взяла конверты и вышла в коридор.

Коридор выглядел таким же пустым и безмолвным, как и прежде. Эта пустота была в высшей степени подозрительной и наводила на мысль о том, что кто-то подсматривает и прячется за дверьми.

Но у нее не было выбора. И речи не могло быть о том, чтобы доверить эти письма почте.

Она наугад выбрала дверь и постучала. До нее донеслось любезное «войдите», и она очутилась лицом к лицу с четой пожилых американцев. Они пытались застегнуть свои чемоданы, переполненные местным колоритом. Глиняные курильницы, руки Фатимы, разрезной нож для книг в виде джамбии, миниатюрные наргиле, весь второсортный фольклор столь же второсортного Востока, живущего на страницах комиксов, жалкие подделки под экзотику, собранные на помойках сказок «Тысячи и одной ночи»...

— Прошу прощения... Не могли бы вы забрать в Штаты несколько писем? Мне сказали, что почта здесь работает очень плохо...

Они, похоже, были рады оказать ей услугу. Американцы любят помогать друг другу за границей, конечно, в пределах разумного. В некотором роде это подчеркивает смелость, которую они проявляют, оказываясь на другом краю света, в далекой и опасной стране.

— Ну разумеется, моя дорогая...

Пожилая дама взяла четыре письма, которые протягивала ей Стефани, и аккуратно положила их в сумку.

— Вам больше ничего не нужно отослать? Может, какую-нибудь посылочку? У нас хватает места...

Стефани взглянула на чемоданы и какое-то время колебалась... Но нет, есть риск, что пакет откроют на таможне, даже если на нем указано «подарки». Туристам далеко не все разрешается вывозить из стран Востока.

Она вдруг почувствовала, что у нее жар. На висках выступили капельки холодного пота, а по спине побежали ледяные мурашки. Ей говорили, чтобы она остерегалась укусов мух *дхавар*, которые были настоящим бичом этих мест и вызывали трехдневную лихорадку. Вероятно, именно лихорадкой объяснялся странный и угрожающий вид всего, что ее окружало.

Или же...

Улыбчивые американские лица вдруг утратили всю свою доброжелательность. Теперь она видела, что улыбки деланные, застывшие, угрожающие, притворно участливые...

Они стояли неподвижно и, прервав свои сборы, вопрошающе и пристально смотрели на нее. Почему они так смотрят? Почему собирают багаж в такой спешке и именно сейчас? А это странное предложение доставить любые предметы, которые она захочет им доверить?

Какие «предметы»?

Настоящие они туристы или, может... Стефани отступила к двери.

— Что с вами, дорогая? Что-то не так?

Дама направлялась к ней. У нее были седые волосы, но суровое лицо. Да, суровое.

А если ее и в самом деле обеспокоила внезапная бледность Стефани, ее расширившиеся от тревоги

глаза, то почему же никуда не делась эта застывшая улыбка, точно прилипшая к лицу?

Стефани чувствовала, что у нее стучат зубы. Лихорадка, всего лишь лихорадка, которая все искажает и придает самым банальным вещам пугающий вид... Убийцы, шпионы и вражеские агенты не набивают свои чемоданы медными супницами, гонгами, наргиле и прочим базарным хламом.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Вы вдруг так побледнели...

Стефани призвала на помощь природу в самой ее прозаической форме:

— У меня несварение желудка.

— А, «*туриста*», — произнес американец с пониманием, отражавшим весь его опыт путешествий от Мексики до Аравии. — У нас тут есть превосходное французское средство... Возьмите, дорогая... Нам оно больше не потребуется.

Стефани взяла упаковку.

— Принимайте по шесть штук в день.

— Это все мухи, — сказала дама. — В этой стране никакой гигиены.

— Желаю вам приятного путешествия, — сказала Стефани.

Она вышла и сделала несколько шагов. Но позади нее коридор был таким пустым, что его странное безмолвие заставило ее вздрогнуть. *Это была умышленная тишина.* Ковры на полу были такими толстыми, что ее не покидало ощущение, будто кто-то неслышно крадется следом... Нет, никого.

— Дурочка, — сказала она себе, сжав зубы.

У нее оставалось еще пять конвертов. Она колебалась, стоя посреди коридора, и тут дверь сто двенадцатого номера отворилась. В дверях возникло некое подобие добродушного медведя. У него были такие толстые ноги, что брюки грозились лопнуть, а подтяжки болтались ниже колен. Короткие и редкие бе-

лобрысые волосы, тот тип лица, который заставляет вспомнить о франкфуртских сосисках, — он стоял на пороге своей кондиционированной берлоги, удивленно улыбаясь.

Стефани уже видела его раньше в ресторане.

— Извините, я ошиблась номером...

Медведь ответил приветливым и галантным смехом.

— Жаль, что это так.

Дверь сто четырнадцатого номера отворилась, в проеме появилось нечто похожее на привидение. Человек был с ног до головы одет в белое, волосы сбрызнуты лаком, а его угловатое лицо, покрытое тщательно поддерживаемой бледностью, со слегка горбатым носом между бакенбардами «танго», отливало на подбородке синевой и напоминало лица всех актеров, обреченных из-за своей внешности играть вторые роли в сцене Распятия. У него был томный и до странности нематериальный вид, он выглядел совершенно истощенным, как будто сохранение хоть какого-то подобия телесности требовало от него невероятных усилий.

Бочонок светлого пива по-прежнему стоял на пороге своего номера, и контраст между тем увальнем и этим прозрачным, что существовал лишь благодаря усилиям кондиционера и своих одеяний, производил впечатление непоследовательное и противоречивое, как будто фантазмы Стефани в своих попытках обмануть ее и сойти за реальность допустили техническую ошибку. Но мужчина в белом держал в руке дорожную сумку «Хаддан эйрлайнз», и у него наверняка было достаточно сил, чтобы отвезти письмо. Да, он улетает сегодня во второй половине дня... Да, конечно, он может это сделать... Его голос никак не соответствовал его призрачному облику: суровый, резкий — создавалось впечатление, будто голос потерял своего законного владельца и случайно очутился в голосовых связках

постороннего человека. Стефани также отметила, что глаза мужчины не имели ничего общего с его удручающе усталым внешним видом. Они не смотрели: они целились...

Но она отказалась уступить страхам, порожденным нервным напряжением и жарой. Глупо было воображать, что все номера в «Метрополе» заняты убийцами и заговорщиками. Этот тип казался ей опасным просто потому, что она чувствовала себя в опасности.

— Отправлю из Рима. Я там буду завтра рано утром. Больше вам ничего не нужно?

— Нет, спасибо.

Он кивнул головой и направился к лестнице. Она бросила взгляд на бирку, привязанную к его сумке: Х. Мендоса. Похоже на артиста мюзик-холла. Может, иллюзионист или жонглер.

К счастью, из номера 116 вышел, посвистывая, самый что ни на есть обычный и симпатичный турист. Он источал успокаивающую банальность, и Стефани вручила ему три последних конверта с той мгновенной доверчивостью, которую внушает знакомая деталь в неизвестном пейзаже. Он схватил письма, быстро проговорив:

— Извините, я всегда боюсь опоздать на самолет. Это нервное. Будьте спокойны, я не забуду.

Коридор снова опустел.

Она вернулась к своему номеру и какое-то время не решалась открыть дверь. Она не боялась, что снова увидит головы: она боялась, что больше их не увидит... Тогда ей останется лишь отправиться на лечение в какую-нибудь швейцарскую клинику.

Но они были там, такие же мирные, как и прежде. Стефани вздохнула с облегчением. Они — это все, что у нее было достоверного, и это была причина дорожить ими. Она взяла свою сумку «Гуччи», вытряхнула все ее содержимое и аккуратно положила внутрь головы,

одну на другую. Застегнула молнию, повесила сумку на плечо и спустилась в холл.

Двое служащих тотчас устремились к ней, протягивая руки. Но Стефани отстранила их, толкнула дверь-вертушку и вышла на улицу.

Такси — красный «форд» — тотчас тронулось с места и остановилось рядом с ней. Других такси перед отелем не было, и достаточно было одного взгляда на лицо водителя — молодой полицейский, какие есть во всех странах, притворная улыбка, колющий взгляд и усы — чтобы понять, что ему поручено следить за ее перемещениями. Она прошла мимо, не остановившись.

До дороги, спускавшейся к городу, было сто метров; она не прошла и пятидесяти, как такси догнало ее и поехало рядом. Водитель заговорил с ней по-английски, используя немногие известные ему слова с экспрессивной ловкостью, настойчивостью и с сомнением опытного лингвиста:

— Come... No walk, very hot... I take you...¹

Она продолжала идти со строгим лицом, глядя прямо перед собой. Сумка была тяжелой. «Форд» продолжал очень медленно ехать рядом, водитель, лучась улыбкой, протянул к ней руку.

— I take... Very heavy...²

Стефани бросила на него убийственный взгляд, отпрянула и пробежала несколько метров. Она при-

¹ Идите сюда... Не надо пешком, очень жарко... Я отвезти вас... (*искаж. англ.*).

² Я везти... Очень тяжелая... (*искаж. англ.*).

жимала сумку к себе, но о том, чтобы бежать с такой тяжестью, не могло быть и речи. Она остановилась. В голове как будто сталкивались камни; она вся покрылась потом...

«Форд» замер рядом с ней.

Водитель, по-прежнему скалясь, протягивал руку.

Стефани чувствовала, как солнце, будто растопленный воск, течет по ее плечам.

— I take... Cheap...¹

Она наклонилась к нему и выплеснула ему на голову несколько простых и ясных выражений:

— Fuck off you bastard, leave me alone...²

Улыбка на лице водителя погасла. Похоже, понимал он по-английски лучше, чем говорил.

Она пошла дальше. Такси остановилось — водитель больше ее не преследовал, хотя двигателя не заглушил. В любом случае, такси не могло въехать в узкие улочки медины. Оставалось еще преодолеть четыреста метров до высоких, пятнадцатиметровых, ворот, одних из двенадцати, что открывали доступ в старый город. Сумка была слишком тяжелая: у Стефани было ощущение, будто она возвращается с рынка с десятью килограммами дынь. Тревога, усталость, жара и жар видоизменяли пейзаж и придавали ему видимость троплея³: ей казалось, будто она идет к раскрашенному полотну, которое того и гляди разорвется, чтобы сцапать ее и поглотить. Жар. Она остановилась. У нее больше не было сил идти, она стала искать, где бы сесть и немного отдышаться, какой-нибудь камень, колодец, но ничего не нашла. Как это всегда с ней бывало, сильное раздражение и смятение переросли в гнев. Ну и ладно, merde⁴,

¹ Я везти... недорого... (искаж. англ.).

² Да пошел ты ублюдок, отвяжись... (англ.).

³ Зрительная иллюзия, обманка.

⁴ Здесь: к черту (франц.)

сказала она себе по-французски, поставила сумку на землю и уселась сверху.

Почти тотчас же она услышала шум двигателя, затем «форд» снова остановился перед ней. Стефани достала из сумочки сигарету и закурила, водитель ждал с улыбкой на губах. Он пустился в долгие разглагольствования при помощи тех пятнадцати-двадцати английских слов, которыми владел. Стефани пристально смотрела на него. Теперь она была уверена, что полиция не в курсе. Они не знают, что у нее есть *доказательства*, что кто-то — вероятно, родственники жертв — доставили их к ней в номер, и что эти доказательства здесь, в сумке, на которой она сидит. Если бы у них было малейшее подозрение, они бы немедленно ее забрали. И поскольку они не могут отрицать очевидное... *Мисс Стефани Хедрикс, известная топ-модель, погибла сегодня в автомобильной аварии в Хаддане, ее такси...*

Она встала, отшвырнула сигарету, подняла сумку и направилась к Воротам Покоя: именно так назывался этот вход в старый город в те времена, когда он вел к оазису, где теперь возвышался «Метрополь».

Она остановилась у первой открытой лавки, где торговали прохладительными напитками, и спросила дорогу к агентствам «Франс-пресс» и «Ассошиэйтед пресс». Это прозвучало так, как если бы она говорила о «Сарди»¹ или «Серебряной Башне»². Торговец кивнул головой «да, да» и подал ей стакан кока-колы, полагая, вероятно, что ни о чем другом и речи быть не могло. Сапожник и бакалейщик из соседних лавок тоже никогда не слышали об информерагентствах, но говорившего по-английски цирюльника, к которому она

¹ Ресторан в Нью-Йорке, популярный среди звезд шоу-бизнеса.

² Парижский ресторан с видом на собор Парижской Богоматери и Сену.

затем обратилась за советом, осенила сколь простая, столь и прекрасная мысль: он предложил проводить ее в полицейский участок, так как полиция Хаддана, сказал он с гордостью, все знает и всегда все находит. Она его поблагодарила, и поскольку он уже выходил на улицу, чтобы проводить ее, заверила, что передумала и возвращается в гостиницу.

Очутившись на улице, Стефани сразу поняла, что за ней следят. Она дважды заметила одетого в коричневую гандуру¹ человека, который шел за ней следом. Она сделала два-три крюка по улочкам: человек не отставал. Но теперь она уже привыкла к такому. Водитель такси проворонил ее, и они пустили по ее следу другого полицейского.

Она также отказалась от мысли отправиться в одно из агентств печати. Во-первых, потому что местный корреспондент наверняка является гражданином Хаддана и, следовательно, на него могут оказать давление. Ну а главное, потому что у нее появился план лучше — отправиться напрямиком в посольство Соединенных Штатов, добиться встречи с послом и... вытряхнуть перед ним свою сумку. Предпочтительно на его рабочий стол. Надо думать, Его Превосходительство господин Хендерсон делает все, чтобы угодить правительству Хаддана. Однако даже эпоха Уотергейта² не является эпохой вседозволенности.

Теперь нужно было найти такси — *настоящее*. А прежде всего — выбраться из лабиринта улочек старого города.

Она быстро поняла, что заблудилась. Старый город, казалось, все теснее и теснее обвивался вокруг нее, как будто желая завладеть ею. Сумка выскальзывала из

¹ Шелковая или шерстяная рубаша, которую арабы носят под бурнусом.

² Политический скандал в США, закончившийся отставкой президента Ричарда Никсона (1974).

рук. Ей хотелось плакать, растерянная, она пыталась бежать, увязала в толпе, что текла во всех направлениях сразу и, казалось, отбрасывала ее назад. Женщины в чадрах поворачивали к ней свои невидимые лица и пристально смотрели через вшитые в чадру треугольнички красного, зеленого или синего газа.

И тут она увидела американскую пару.

К ней навстречу по наклонной улочке медленно поднимались мужчина и женщина.

Это была американская чета, которую Стефани видела в гостинице и которой доверила одно из своих писем с фотографиями.

Они находились здесь, перед ней. Они никуда не улетели.

Она остановилась.

В этот миг они ее тоже увидели.

Они были уже совсем близко.

Стефани чуть отступила. Она никогда прежде не видела таких лживых, таких уродливых, таких чудовищных лиц. Да, чудовищных в своем лицемерном добродушии.

— Ах, это вы, дорогая...

Голос был успокаивающим, как голос медсестры, которая обещает, что вы ничего не почувствуете...

— Неужели вы не знаете, что с нами случилось? Наш рейс отменили. По техническим причинам. Два ближайших дня самолеты летать не будут. Разумеется, мы не смогли отправить по почте ваше письмо...

Стефани протянула руку.

— Ну, еще бы, — сказала она. — Отдайте его мне...

Теперь настал черед мужчины заговаривать ей зубы:

— Так вот, представьте себе — в это трудно поверить! — полиция конфисковала письма. Во-первых, похоже, что пассажирам запрещается брать их с собой... Это международные правила... Они должны отсылаться по почте...

— Они вас, конечно же, обыскали? — спросила Стефани, стараясь вложить максимум сарказма в свои слова.

— Да, именно это они и сделали, — произнес мужчина с негодованием. — Вечно эти меры предосторожности, очевидно, из-за воздушных пиратов... Но письма! Это недопустимо. Что вы хотите, такая это страна...

— Заметьте, они были очень любезны, — добавила славная женщина. — Они извинились за задержку рейса и объявили нам, что расходы по нашему пребыванию в течение этих двух дней полностью оплатит их Бюро по туризму. Мы воспользовались этим, чтобы получше ознакомиться со старым городом и сделать еще несколько снимков. Не хотите ли к нам присоединиться, дорогая?

Стефани казалось, что женщина с застывшей на губах улыбкой пристально смотрит на ее сумку.

— Извините, меня ждут, — сказала она.

— Ну что же, увидимся в гостинице! — сказала женщина.

Стефани даже стало интересно, как у этой женщины получается говорить, не снимая своей улыбки.

— Доставьте нам удовольствие, отобедайте с нами, — попросил мужчина.

Стефани сделала несколько шагов и обернулась: они провожали ее взглядом, но уже не улыбались. Она свернула в первую улочку налево, спустилась на несколько ступенек, пересекла площадь... Был лишь один способ выбраться из этого лабиринта — попросить кого-нибудь помочь ей с такси.

Стефани увидела арку; на противоположной стороне внутреннего дворика на краю колодца сидел ребенок. Сумку она держала обеими руками. Она не заметила трех ступенек, что вели во дворик, потеряла равновесие и выпустила сумку из рук.

Две головы — старого шейха и Бобо — выскочили наружу и покатались по песку к мальчику. Тот — ему, наверное, было лет семь-восемь — не стал терять ни секунды. Усмотрев в этих круглых предметах лишь футбольные мячи, о которых он, вероятно, давно мечтал, он вскочил и точными ударами отправил обе головы, одну за другой, в направлении Стефани.

— О, боже мой, боже мой, боже мой! — вскрикнула Стефани, отдавая запоздалую дань пристойности, достоинству и уважению к человеку.

Она схватила голову Бобо, сунула ее обратно в сумку, но когда она повернулась за другой головой, оказалось, что мальчуган, которому, наверное, было известно все о подвигах Пеле и Круифа или их местных коллег, уже отвесил второй удар по тяжеловатому, но вожделенному футбольному мячу, который в доброте своей послал ему Аллах.

Голова старика покатила по песку и упала в водосточный желоб между стеной и колодцем.

Стефани рванулась следом, но желоб был около метра в глубину, и, хотя ей и удалось дотянуться до головы и ухватить ее за бороду, голова застряла между стенками и не поддавалась.

Стефани предприняла еще одну попытку, затем признала себя побежденной. Сколько времени уйдет, чтобы вызволить отрубленную голову? Ждать она не могла.

Она поднялась.

Мальчуган ждал, довольный, готовый возобновить эту чудесную игру.

— Такси? — спросила она у него. — Такси, такси?

— Такси! — торжествующе крикнул мальчуган, и, вероятно, чтобы показать, что он прекрасно понял, добавил:

— Кока-кола!

Он взял ее за руку, и Стефани, бросив быстрый виноватый взгляд в сторону канавы, пошла за ним.

Спустя пять минут она уже садилась в одно из трех такси, что ждали в тени смоковниц и пальм на маленькой площади около единственного в городе кинотеатра, который занимал одно крыло «культурного центра» — бывшего хамама¹, построенного еще турками. Стефани успела бросить взгляд на афиши при входе и, увидев славные успокаивающие лица Джеймса Стюарта и Гэри Купера, почувствовала себя чуть лучше.

Она не знала адреса посольства, но ей удалось объясниться с шофером, который был родом из Адена и немного говорил по-английски. По причине, которая была выше ее понимания, шофер сделал сверхчеловеческое усилие, чтобы рассказать ей об экспедиции на дирижабле на Северный полюс. В конце концов, она поняла, что речь идет о фильме, который показывали на прошлой неделе и что, по всей видимости, она сделала величайшую ошибку, что пропустила его. Позднее она будет рассказывать своим друзьям в Нью-Йорке, что слова «Северный полюс» вызвали у нее в тот момент необыкновенную ностальгию, не столько из-за жары, сколько из-за того, что Северный полюс был самым что ни на есть далеким от Хаддана местом на свете...

Офис посольства был закрыт, но, поднажав на охранника, она узнала адрес резиденции посла. Добравшись туда, Стефани велела таксисту подождать и позвонила в дверь; сумку она крепко держала в руках. Дворецкий-хадданец открыл дверь дважды: в первый раз чуть-чуть, чтобы посмотреть, кто там, а во второй раз, когда узнал Стефани, — широко, жестом «вошедшего в поговорку гостеприимства». Нет, Его Превосходительства нет. Его Превосходительство во Дворце правительства. Да, разумеется, есть его секретарша.

¹ Восточная баня.

— А она американка? — спросила Стефани, ибо она так намучилась, что ей хотелось одного — встретить родственную душу, которой она могла бы передать факел.

Дворецкий, похоже, удивился. Да, разумеется, мисс Тетли американка... Он указал взглядом на лестницу.

По ступенькам с задумчивым видом спускалась приветливая старая дева в чересчур облегающих брюках и лиловой блузке. Она остановилась, узнала Стефани, улыбнулась, как это полагается, когда ты находишься за границей за счет американских налогоплательщиков и пошла навстречу, протягивая обе руки.

— О, мисс Хедрикс, рада вас видеть... Посла сейчас нет, но если я могу вам чем-то быть полезной...

— Мне бы хотелось сказать вам пару слов.

Секретарша указала рукой на салон справа.

— Ну конечно, входите, пожалуйста...

Салон был решительно американским, с мебелью, которую Стефани запомнила с тех пор, как на двадцать процентов повысила ее продажи, попозировав с нею рядом для «Джимбелз»¹.

— Присаживайтесь... Хотите что-нибудь выпить? В такую жару...

— Превосходная мысль, — сказала Стефани. — Что-нибудь освежающее.

Мисс Тетли направилась к бару и вернулась с джин-тоником. Стефани, уже удобно устроившаяся в белом пластиковом кресле, с сумкой на коленях, с наслаждением осушила бокал.

— Еще?

— Охотно.

Она залпом опустошила второй бокал, затем задумчиво посмотрела на мисс Тетли.

¹ Крупная американская сеть универсальных магазинов.

— А сами вы ничего не пьете?

Секретарша засмеялась. У нее было одно из тех неопределенных лиц, которые всегда выглядят так, будто опоздали на встречу с самими собой.

— В этом климате я никогда не пью до семи часов вечера.

— Знаете, сейчас вам бы это не помешало, — посоветовала Стефани. — Учитывая, что вас ждет...

Лицо секретарши застыло на полпути между удивлением и улыбкой.

— Вам известно, что я была в том самолете, — продолжила Стефани.

— Конечно. Это, наверное, было ужасно...

— Да, еще бы. Вам также известно, что никто мне не поверил, когда я сказала, что это не было обычной аварией, и что пассажиры самолета были обезглавлены...

Секретарша поправила очки. Улыбка на ее лице почти полностью угасла, оставив на обозрение только два зуба. Из вежливости она никак не прокомментировала слова Стефани.

— А среди обезглавленных пассажиров был американский гражданин, мой дорогой шеф, тот, кто и уговорил меня приехать в эту проклятую страну, фотограф Абдул-Хамид, урожденный Болеслав Беркович, для друзей Бобо... Обезглавленный, да.

Улыбка секретарши стала примерно на десять процентов шире.

— Дорогая мисс Хедрикс...

— Я не закончила, — прервала ее Стефани. — Я сказала себе: лучший способ доказать господину Хендерсону, послу Соединенных Штатов в Хаддане, что в этой стране обезглавили американского гражданина, — это принести ему голову вышеупомянутого гражданина для ознакомления и репатриации...

Стефани встала, наклонилась, достала из сумки голову Бобо и поставила ее на круглый столик перед секретаршей.

Затем принялась наблюдать за произведенным эффектом, испытывая при этом любопытство, к которому примешивалась, в этом она призналась позднее, и добрая доля ликования, так как она хоть частично отомстила за все, что пережила, за неверие и иронию, с которыми столкнулась после...

Эффект был хорош. Даже превосходен.

Лицо секретарши исказилось, зубы застучали, бледный лоб покрылся потом, рот открылся во всю ширь, она испустила что-то вроде всхлипывающего завывания, после чего выбрала самое простое решение: лишилась сознания.

Стефани какое-то время созерцала дело своих рук, затем встала и налила себе еще джина с тоником. Вернувшись к секретарше, она, не садясь, осушила свой бокал и поставила его на столик.

— Будете знать, как играть в дипломатические игры с жизнью и смертью людей, — сказала она. — Как пытаться выдать меня за сумасшедшую. И, может, теперь вы заставите этих сукиных детей признаться в своих преступлениях? Или же нефть ударила вам в голову, и вы их защищаете...

Она взяла со стола чашу со льдом и вытряхнула ее содержимое себе в сумку. Та стала теперь куда легче. Стефани направилась к двери. Но у нее был скверный характер, и она об этом знала. Даже в джунглях нью-йоркской моды за Стефани закрепилась репутация человека, с которым лучше обращаться почтительно или, по меньшей мере, с осторожностью. Прежде чем уйти она вернулась к столику, взяла голову Бобо и поцеловала ее в лоб.

— Good-bye, you son of a bitch¹, — нежно сказала она.

Она положила голову Бобо на колени секретарше — теперь ту наверняка ждет приятное пробужде-

¹ Прощай, сукин сын (англ.).

ние — и вышла. Шофер такси вновь заговорил о Северном полюсе, и Стефани спросила себя, а пришло бы ей в голову положить лед в сумку, если бы не его рассказ.

Шофер, похоже, немного удивился, когда она объявила ему маршрут, и им пришлось вернуться, чтобы заправить полный бак. После этого он взял курс на горы.

Не было ничего безмятежнее этого часа, когда солнце уходило прочь, закончив свое поджигательское дело. Дорога спустилась в долину Ширана, где в воздухе стояла пыль, поднятая вечерними стадами, а высокие скалистые стены, прочерченные водопадами, давали тень, благоухавшую жасмином и еще какими-то дикими растениями, названия которых Стефани не знала, но которые напоминали одновременно и мяту, и мирру. Но из пустыни уже долетало жгучее дыхание *сахардима* — так шофер преисполненным почтения голосом называл царство песков.

Оазис Сиди-Барани показался спустя два часа. В агонизирующем небе, над густой стеной зелени, возвышались четыре белых купола дворца, выхватывая друг у друга последние лилово-пурпурные обрывки дня. Стефани с облегчением вздохнула и улыбнулась: только одному человеку в этой стране она могла доверять, и это был ребенок. Один лишь ребенок мог успокоить ее своей невинностью — а она в этом так нуждалась после стольких предательств, низости и коварства...

Дискуссия продолжалась два часа, а Руссо еще не удалось вставить ни слова. Слева от него сидел посол Соединенных Штатов Хендерсон — устроившись в кресле и свесив с подлокотника руку с томно изогнутым запястьем, он укрывался за крайней вежливостью, которая на дипломатическом языке означает несогласие. До того как войти в кабинет министра, он взял Руссо под руку и сказал:

— Предоставьте действовать мне. У всех маленьких стран поднимается настроение после того, как они чем-нибудь обидят гражданина Соединенных Штатов. Для них это что-то вроде психотерапии.

Господин Самбро, министр иностранных дел, был симпатичным человеком с тонкими и нервными чертами лица. Позади него на стене висел портрет Виктора Гюго, французского поэта девятнадцатого века, что ошеломило Руссо, хотя он и не мог сказать почему.

— Господин посол, я очень прошу вас доложить своему правительству, что мы предъявляем ультиматум Соединенным Штатам, — говорил господин Самбро.

Хендерсон принял еще более любезный вид. Прежде ультиматум, как правило, означал войну, однако словесная инфляция, распространившаяся от Африки до Индийского океана и вызвавшая рост беспомощности и бессилия, привела к тому, что слова эти полно-

стью лишились смысла. Так что теперь «ультиматум» означал не что иное, как глубоко прочувствованное мнение. Посол склонил голову.

— Разумеется, — сказал он. — Менее чем через час я передам каблогранму с ультиматумом Вашего Превосходительства в Государственный департамент.

Очки господина Самбро сверкнули.

— *He* в Государственный департамент, — сказал он, повысив тон. — Самому президенту Никсону.

Посол, похоже, был в полном восторге.

— Полностью согласен. Я пошлю ее президенту лично. Можете на это рассчитывать. Ее отправят немедленно.

Руссо начинал восхищаться дипломатом: он, должно быть, обладает чертовской силой характера, раз еще не стал алкоголиком...

— Эта история с самолетом — отвратительное злодеяние! — доказывает, на что готовы пойти наши враги, чтобы спровоцировать у нас гражданскую войну, за которой последует иностранное вторжение... Так что вы скажете президенту следующее: или Соединенные Штаты поставляют нам вооружение, о котором мы просили два месяца назад, или мы раздобудем его в другом месте. Соболаговолите отметить, что мы особенно настаиваем на получении тактического ядерного оружия. Разумеется, мы используем его, только если сами подвергнемся нападению. Мы готовы дать все необходимые гарантии. Но мы требуем ядерного оружия и не-мед-лен-но.

Руссо вытер лоб дрожащей рукой. Он всё еще надеялся, что ему это снится. Приветливая улыбка посла застыла, немного искривилась, казалось, что она вот-вот переломится надвое, но Хендерсон очень быстро взял себя в руки, и улыбка вновь стала теплой, ободряющей, оптимистичной, в стиле «ну а как же иначе, да сейчас же!». Руссо мысленно пожал ему руку. Это был ас.

— Наши соседи устраивают провокации и готовят интервенцию. Соединенные Штаты должны поставить нам ядерное оружие.

Позже посол сказал Руссо, что его удивила не сама эта просьба. Она была простым проявлением тревоги, потому что вообще-то господин Самбро был человеком мирным. Нет, его поразило удивительное совпадение: тем же утром его семилетний сын тоже попросил у него ядерное оружие.

— Я не премину это сделать, — сказал он, подразумевая, вероятно, передачу «ультиматума». — Тем не менее, господин министр, мое правительство поручило мне задать вам один вопрос. Мы слышали, что вы передали в Южную Африку очень крупный заказ на поставку оружия. А именно — в «Талликот тул компани», если мне не изменяет память...

Лицо господина Самбро стало мраморным.

— Шпионаж, — сухо прокомментировал он.

Посол, похоже, успокоился. В течение последних десяти лет на всех постах, через которые он прошел, обвинение в шпионаже являлось его ежедневным хлебом насущным. Приятно было чувствовать, что они не отступают от шаблона и не швыряют ему в лицо что-нибудь неожиданное.

Выражение его лица стало почти эйфорическим.

— Не совсем, — сказал он. — Эта информация поступила к нам прямо из Кейптауна. Она пропечатана во всех их газетах.

Господин Самбро мрачно размышлял, постукивая карандашом по рабочему столу.

— Нам грозит истребление, — сказал он. — Если эта ужасная история дойдет до ушей шахиров — а я уверен, что провокаторы сделают все, что для этого нужно, — то Раджад восстанет. А потом на нас нападут под лозунгом «арабского единства». Под предлогом, что мы люди «чужой расы»... как это уже было на Занзибаре и в Уганде. Вот почему мы готовы купить

все оружие, которое могут нам предложить на мировом рынке...

Хендерсон услужливо согласился.

— Понимаю. Вам неизвестно, разумеется, что та же самая «Талликот тул компани» вооружает сейчас ваших врагов и, в частности, племена Раджада. Мы почти уверены, что именно агенты «Талликот» и стоят за историей с самолетом...

— У нас нет выбора, — сказал господин Самбро. — Мы будем покупать оружие у самого дьявола, если не сможем достать его иначе. Вопрос выживания...

Руссо уже был сыт этой демагогией по горло.

— Кстати, господин министр, как раз о выживании, — сказал он. — Думаю, мисс Стефани Хедрикс следовало бы как можно скорее покинуть Хаддан...

Господин Самбро устремил на него свои очки. Они походили на два зеркала офтальмолога.

— А зачем, скажите, пожалуйста? Чтобы обвинять нас в преступлениях против человечности и таким образом сыграть на руку нашим врагам, в точности, как они это и задумали? И вообще, как получилось, что мисс Хедрикс и синьора дель Кампо пощадили, вы можете мне сказать? Вы не находите, что это довольно странно?

— Вы же не станете утверждать, что мисс Хедрикс — сообщница убийц, господин министр, — сказал Хендерсон.

— Я ничего такого не утверждаю. Но ее роль в этом деле еще далеко не ясна. Почему она с таким упорством помогает нашим врагам? Как случилось, что этот караван — которого больше никто никогда не видел — оказался там как раз вовремя, чтобы «спасти» мисс Хедрикс и ее спутника? А? Вы не находите, что тут наблюдаются... странные совпадения? Я никого не обвиняю, но пока это дело не прояснится, мисс Хедрикс останется здесь. В любом случае, у нее в багаже нашли гашиш...

Руссо наконец-то удалось разжать зубы.

— Этой молодой женщине грозит смерть, господин министр. Не далее как сегодня утром на нее было совершено покушение. Начальник полиции в курсе. Ясно, что ваши враги, кем бы они ни были... заинтересованы в том, чтобы убрать свидетеля, которому *вы всеми средствами мешаете говорить*, и повесить это преступление на вас... Мне это кажется очевидным. Это то, что само напрашивается, или, если вам так больше нравится, господин министр, это следующий ход на политической шахматной доске... Если мне позволительно будет так выразиться. Скажут, что полиция Хаддана сделала так, чтобы мисс Хедрикс исчезла, потому что мисс Хедрикс отказывалась молчать — и трудно будет опровергнуть, что вы сделали все, чтобы заставить ее замолчать...

Он увидел, что сказал достаточно. Лицо господина Самбро посерело. Даже Хендерсон был растерян.

— Где она в настоящий момент? — спросил министр.

— Вероятно, в отеле.

Господин Самбро вновь стал самим собой.

— Боже мой, — сказал он. — Может, вы и правы. Делайте, что нужно... Пусть она садится на первый же самолет... Забудьте о всех других соображениях...

Он словно бы потерялся за своим огромным столом, с Виктором Гюго над головой. Наконец он встал.

— Извините, но я должен вернуться в зал Совета... Правительство заседает без перерыва с самого утра... Мы прервали заседание, чтобы дать мне возможность сделать вам это сообщение...

Он подошел и пожал им руки.

— Может, я немного погорячился, господин посол...

У господина Самбро так обильно выступал пот, что казалось, он плачет.

— Господин Руссо, я рассчитываю на вас. Наша полиция в вашем распоряжении. Если с этой обворожительной молодой женщиной что-то случится, я...

Руссо повел себя в весьма далекой от протокола манере: он обнял министра за плечи.

— Не всегда случается самое худшее, — сказал он. — Но лучшее, что можно сделать, это все ей рассказать. Абсолютно все. Именно это я и собираюсь сделать, и в случае необходимости попрошу посла и вас самого, господин министр, тоже поговорить с ней.

Руссо сел в машину Хендерсона. Они ехали молча. На дороге царило необычное для этого часа палящей жары оживление, но Руссо не обращал на это внимания. Перед Воротами Хаджа стоял броневедомобиль.

Посол рассеянно озирает пейзаж. Лицо его было печально.

— Ядерное оружие, сказал тоже, — пробормотал он. — До аграрной реформы уровень детской смертности составлял сорок пять процентов... Доход на душу населения шестьдесят долларов в год... Мой предшественник говорил мне, что ему часто случалось видеть, как вдоль вот этой самой дороги, на обочине, валялись отрубленные руки разбойников и воров... Они выкарабкаются из этого, но груз прошлого очень тяжел...

— Высадите меня здесь, — попросил Руссо.

Он пересел в свою машину. Водитель ехал с медлительностью, не достойной самой прекрасной в этой стране дороги, которая насчитывала в длину пятьдесят километров. За ними на мотоцикле следовал какой-то бедуин в коричневой, как ряса францисканца, гандуре, которую надувало ветром. Обычный эскорт... Руссо с упреком подумал о своей бедной матушке. Она никогда не присматривала за ним с таким вниманием.

«Кадиллак» остановился перед бывшими Воротами Улемов¹, недавно переименованными в Ворота Революции. Это была самая короткая дорога к его дому, а главное, единственная, которую он знал. Ему оставалось идти пять минут, но здесь толпа в любое время дня была особенно плотной: это был деловой квартал, «банкиры» сидели на низких табуретах перед своими лавками, занимаясь непостижимыми для иностранца делами.

Жизнь ему спас какой-то торговец водой.

Тот, сгибаясь под своей ношей и прокладывая путь в толпе, переходил улицу, когда Руссо вдруг увидел в нескольких шагах черный глаз револьвера, наставленного прямо на него.

Он не успел шевельнуться.

¹ Мусульманский богослов-законовед.

Но торговец уже сделал шаг. И вот он наклоняется вперед и тонет в людском потоке, заполняющем шоссе...

Руссо не стал ждать и нырнул вправо, за первую попавшуюся спину. Без малейшего угрызения совести: в любом случае, это *их* страна.

Бедуин, подаренный ему случаем как укрытие, тоже в свою очередь рухнул, и убийца сразу застрял в неразберихе, которая мгновенно возникла в охваченной паникой толпе, что позволило Руссо оказаться в пятидесяти метрах от места событий, а давка и вопли у него за спиной делали всякое намерение преследовать его с револьвером в руке более чем невыполнимым.

В сознании Руссо отпечатался мгновенный снимок револьвера с глушителем на фоне коричневой францисканской рясы...

И тогда он сделал две вещи. Первая оказалась решающей. Он решил рискнуть и бегом, расталкивая людей локтями, бросился к «кадиллаку», как обычно, ждавшему его рядом с воротами. Тут же, на обочине, стоял мотоцикл человека в коричневой гандуре. Руссо сорвал номерной знак, сел в машину, велел водителю заехать в медину с другой стороны, вошел в старый город через Ворота Йеменитов попросил проводить его до дома.

Руссо ввел водителя в дом и попросил подождать, пока он примет душ. Затем он задумчиво выкурил сигарету и снял трубку.

Этот телефонный аппарат был установлен специально для него, в нем имелось две прямые линии: одна соединяла с посольством, а другая с управлением полиции.

Голос господина Дараина не выдал никакого удивления, но он, видимо, давно привык разговаривать с мертвыми.

— Я и правда удивлен, дорогой друг... Бедуин, говорите вы?

— Бедуин, пистолет с глушителем. Следовал за мной на мотоцикле — если мой шофер умеет читать — с номерным знаком полиции Хаддана...

Господин Дараин хранил молчание, которого требовали обстоятельства. Молчание вздыхало, комкало носовой платок, постукивало себя по лбу...

— Возможно, мотоцикл краденый.

— Возможно.

Руссо тоже некоторое время хранил выразительное молчание. Господин Дараин поступил так же. Затем он позволил себе смешок.

— Господин Руссо, я согласен с вами. Всегда нужно предполагать всё... Но если бы я получил приказ вас убить, то, уверяю вас, я бы не выбрал для этого полицейского и мотоцикл, они столь... самоочевидны. Правда, нет. Это не в моем стиле... Если так можно выразиться. Жду вас...

Руссо повесил трубку.

Он дал себе час, прежде чем отправиться в крепость. Ему требовалось немного привести в порядок мысли, которые были как нельзя более смутными. Если он что и не мог терпеть, так это быть обязанным жизнью случаю... Случай обладает заведомо ограниченными возможностями, коротким дыханием, и от него нет никакой пользы на длинных дистанциях...

Господин Дараин сидел за рабочим столом и курил сигарету за сигаретой.

— Вы бы приказали вытряхнуть пепельницу, — посоветовал Руссо.

Господин Дараин раздавил сигарету и безо всякого интереса взглянул на номерной знак, который положил перед ним Руссо.

— Да, ясно, — сказал он.

Он вздохнул и изобразил разочарование.

— Но вы меня недооцениваете, — добавил он. — Правда... И когда вы предположили, что я способен на такую... грубость...

По-видимому, это было самое ужасное слово в его лексиконе.

— С чего бы я получил приказ устранить вас?

— Я не говорил, что вы *получили* приказ...

Лицо господина Дараина побелело, а это один из немногих эффектов, которые даже лучшим актерам не удаются намеренно.

— Господин Руссо, если вы подозреваете, что я захотел вас устранить по приказу, это гипотеза, но если вы считаете, что я способен сделать это *без приказа*, то это оскорбление!

— Это ни то, ни другое. Я просто информирую вас о том, что один из ваших людей попытался меня убить. И что у него имеется пистолет с очень сложным глушителем. Думаю, «вестбронн». Последнее слово техники... На обычное жалование такого не купишь.

Господин Дараин задумчиво разглядывал Руссо.

— Поразмыслим вместе, если угодно... Почему вас?

— Может, подозревают, что у меня *и в самом деле* начинают появляться соображения относительно того, что происходит...

Господин Дараин сбалансировал трость у себя на колене.

— И что же это за соображения?

Руссо промолчал настолько выразительно, насколько это возможно.

— Ладно, вы опасаетесь меня, — устало сказал господин Дараин. — Я вас понимаю. Вы меня едва знаете...

Он улыбнулся.

— ...А меня непросто узнать. У меня у самого некоторые трудности с этим... Кстати, пользуюсь вашим визитом, чтобы сообщить, что мисс Хедрикс вольна покинуть страну в любой момент. Хорошо бы завтра. Я рассчитываю, что вы предупредите ее...

— Я у нее сейчас на плохом счету, — сказал Руссо. — Думаю, она принимает меня за того, кто я есть.

— А я не думаю, что нам с вами следует играть в Спасского и Фишера¹... Да, я интересуюсь шахматами. Увы, мы не в Рейкьявике... Здесь куда более изматывающий климат...

Он направился к картотечному шкафу и вернулся с бутылкой виски и двумя стаканами.

— В виде большого исключения я немного нарушу закон... Признаюсь, я несколько потрясен...

Он наполнил бокалы.

— Что же касается этого покушения на вас... Ваше здоровье!

— Ваше здоровье.

— ...то оно угрожает мне в той же мере, что и вам...

Он увидел немой вопрос во взгляде Руссо и поднял руку.

— Нет, не теперь... Дайте мне еще... скажем, сорок восемь часов. Автономия Раджада должна быть провозглашена — хвала Аллаху! — сегодня ночью или завтра. И тогда мы увидим, совпадают ли наши мысли... наши с вами мысли!

Он снова наполнил бокалы. Руссо уже понял, что перед ним человек, который поставил на кон свою жизнь — и не уверен, что выиграет. Рука господина Дарайна, подносящая бокал к губам, немного дрожала.

— Что касается того, кто попытался вас убить... Обещаю вам одно. В Хаддане нет смертной казни, исключение составляют преступления против человечности. Но заверяю вас, что он будет у меня в руках... через сорок восемь часов... И тогда он горько пожалеет о том, что не попал в вас, друг мой...

¹ Победив в 1972 г. в Рейкьявике Бориса Спасского, Роберт Фишер стал 11-м чемпионом мира по шахматам.

Он рассмеялся.

— Или — если вам так больше нравится — что стрелял в вас.

Он снова поднял свой бокал.

— Желаю вам долгой жизни, Эль Руссаим...

— Cheers¹, — сказал Руссо, который не решался сделать ответный комплимент, чтобы не выглядеть как человек, говорящий о веревке в доме повешенного.

Он поднялся, чтобы уйти, и в этот самый миг человеку, которого он все сильнее подозревал в непомерных политических амбициях, позвонил посол Соединенных Штатов. За этим последовало несколько богатых событиями часов, в течение которых Руссо неоднократно благословлял запас виски у себя в желудке. Когда о его присутствии в кабинете начальника полиции сообщили послу, Руссо тоже удостоился небольшого разговора с Хендерсоном, — тот, казалось, находился в том состоянии эйфории, которое психиатры квалифицируют как гипермания-кальное. Руссо позднее спрашивал себя, не было ли общеизвестное спокойствие крупного специалиста по «сложным ситуациям» признаком безумия, которое, несмотря на явственные симптомы, так и не было замечено Госдепартаментом. Голос Хендерсона переполняли жизнерадостность и что-то вроде счастливого восхищения.

— Моя секретарша в состоянии шока... Думаю, мне придется отправить ее на родину... Да, у нее на коленях, мой дорогой... И, должно быть, у нее в сумке имелись и другие... Она запаслась льдом и ушла... В общем, такие вещи случаются...

Руссо шептал в трубку и бросал отчаянные взгляды на господина Дараина. Начальник полиции разговаривал по другому телефону.

¹ Ваше здоровье (*англ.*).

— О, знаете, Руссо, я служил на Гаити при великом Дювалье¹, так что... Вы не слушали сейчас радио? Генерал Амин² только что предупредил азиатов, еще находящихся в Уганде, что если они и дальше будут мазать лицо ваксой, чтобы сойти за черных в надежде избежать высылки, то будут сурово наказаны³... Официальное сообщение, старина... Это есть на «тиккере»⁴ агентств... Это я вам просто так говорю, между делом... Самая прекрасная профессия в мире... Скажите мне, старина, вы не думаете, что этой девице платят? Я начинаю задаваться таким вопросом... То упорство, с которым она... Приходите к нам обедать. Это немного досадно, потому что он американский гражданин... Я не могу бесконечно хранить голову американского гражданина в морозильнике посольства... Так что жду вас к обеду... По простому, без церемоний!

Руссо повесил трубку. Господин Дараин упражнялся с носовым платком, лицо его было мертвенно-бледным. Руссо взял бутылку и прикончил ее, обойдясь без стакана.

— Вы уверены, что ей там ничего не угрожает?

— Это американский морозильник, — сказал господин Дараин, хрипловатым голосом.

— Я говорю о девушке, черт побери! — заорал Руссо.

— Она ничем не рискует, могу вас уверить. У меня там патрули на броневых автомобилях, они постоянно сме-

¹ Франсуа Дювалье (1907—1971) — президент Гаити.

² Иди Амин Дада (1925—2003) — президент Уганды с 1971 по 1979 г. За время его правления около 400 тыс. человек были убиты или пропали без вести.

³ Амин приказал всем азиатам, доминировавшим в деловом секторе, покинуть страну в 90-дневный срок. Таким образом он пытался «африканизировать» экономику. Многие азиаты бежали. Их собственность была конфискована, и Амин раздал ее своим приспешникам, которые довели экономику до полного краха.

⁴ Телеграфный аппарат, автоматически печатающий на ленте последние новости.

няют друг друга вокруг оазиса... Прежде всего потому, что принц Али Рахман не совсем Маленький Принц Сент-Экзюпери, мой дорогой...

Руссо пропустил литературные аллюзии мимо ушей.

— Он находится в постоянном контакте с крупными шахирскими деятелями, и в случае мятежа...

Новое движение носовым платком по лбу. Восхищайтесь тонкостью моей кисти и запястий, подумал Руссо с растущей враждебностью. Он был почти уверен, что перед ним будущий «сильный человек» Персидского залива... А между тем чего-то не хватало... Что-то не вязалось в его рассуждении...

— А потому, если провокаторы убьют его, это станет для нас настоящей катастрофой...

— Кто эти «мы»? Правительство? Или ваши дружки?

Господин Дараин взял его под руку.

— Ну идите же... Стреляют со всех сторон, мой дорогой!

В полицейском участке квартала Бадр, где они оказались пятью минутами позже — Руссо отметил внушительное число крытых брезентом военных грузовиков, неподвижно стоявших вдоль дороги, — чета седовласых американских туристов кричала, стоя перед унтер-офицером, который бросил отчаянный взгляд на господина Дараина, не забыв при этом безупречно, на английский манер, отдать ему честь.

— Шестилетний ребенок, какой стыд! — гремел муж с возмущением, удвоившим свою силу, когда господин Дараин уведомил его, что отлично понимает по-английски и, следовательно, нет никакой надобности так орать. — Шестилетний ребенок! Он сидел перед гостиницей и предлагал туристам купить... человеческую *голову*! Да, вот именно! Вы правильно меня расслышали... «*Сувенир, сувенир*»... Это единственное английское слово, которое он знал. По словам нашего

водителя, ему якобы дала ее молодая иностранка... Она бросила ее в канаву. Да, господа! Он сидел на корточках перед гостиницей и предлагал туристам человеческую голову!

— И что, кто-нибудь купил? — с интересом спросил Руссо.

Они добрались до «Метрополя» за несколько минут, впереди них ехали мотоциклисты и выли сирены, что напомнило Руссо его безмятежные дни в Нью-Йорке. Господин Дараин застал мальчика с его «футбольным мячом», как тот упорно называл свою находку, в кабинете директора гостиницы, чье лицо было бледнее, чем лицо муллы Бухрани, главы религиозной оппозиции в хасанитском правительстве, которого Руссо тотчас же узнал по фотографиям. Господин Дараин воспользовался моментом, чтобы заключить директора гостиницы под стражу.

— Если ему что-нибудь известно, он заговорит! — заверил он Руссо, пока они мчались на скорости сто километров в час по дороге, ведущей к офису «Ассошиэтед пресс», откуда непрерывно названивали по радиотелефону.

Руссо никак не прокомментировал это. Лучший способ удостовериться, что какой-либо тип будет молчать, это иметь его у себя под рукой в четырех стенах.

Представителем «Ассошиэтед пресс» в Тевзе был седовласый индеец, пухлый и нервный, делавший отчаянные усилия, чтобы флегматично курить старую добрую трубку настоящих мужчин, которые в любых обстоятельствах сохраняют ясность ума.

— Позвольте сказать, что я сыт по горло вашим фольклором, — заявил он господину Дараину, как только увидел его на пороге.

Он наклонился, выпрямился и положил рядом со своей пишущей машинкой нечто, что ранее принадлежало господину Мирзе Насреддину, адвокату и одному

из главных представителей шахирского меньшинства в парламенте. Руссо пересмотрел фотографии всех пассажиров «Дакоты» и отныне был уверен, что никогда их не забудет... Насреддин был личным советником принца Али Рахмана.

«Ассошиэйтед пресс» любовался произведенным эффектом. Он опирался локтями о стол, соединив кисти, при этом его пальцы упражнялись между собой в приемах кеча.

— Надо сказать всю правду и сказать ее немедленно! — кричал он. — В противном случае вы восстановите против себя все мировую общественность!

— Правительство сделает подробное заявление об истории с самолетом, как только соберет все факты, — отвечивал господин Дараин. — Как к вам попало...

Он легонько ткнул концом своей трости в нужном направлении.

— Вернулся после сестры и нашел ее перед дверью своего кабинета! — прорычал АП.

— Успокойтесь.

— Я немедленно отправляю каблограмму со всей этой информацией! Ее здесь не знают разве что глухонемые и...

— Да будет вам известно, что начиная с этого момента вся телефонная и телеграфная связь с заграницей прервана, — проинформировал его господин Дараин, берясь за телефон.

— Чрезвычайное положение? И что означают все эти армейские грузовики во всех стратегических пунктах? Вы боитесь государственного переворота? Или вы его *ждете*?

— Если бы происходило нечто столь важное, я бы не терял времени с вами, — сказал господин Дараин. — Журналисты отныне должны передавать свои депеши через министерство внутренних дел. Это временная мера. Также должен вам заметить, что подраз-

деления сил безопасности, находящиеся в моем ведении, даже не покинули мест дислокации... Это должно вас успокоить.

АП внимательно смотрел на него.

— Кто-то играет по-крупному, — сказал он. — И, по-моему, я знаю, кто...

Господин Дараин говорил по телефону. АП подмигнул Руссо, бросил взгляд в направлении спины начальника полиции и провел себе по горлу рукой как лезвием ножа — жест, известный всем.

Господин Дараин повесил трубку.

— А теперь прошу меня простить...

Он улыбнулся Руссо, зажал трость под правым локтем и вышел, другой рукой держа за волосы то, что раньше было лучшим политическим умом Раджада.

АП встал и подставил лицо вентилятору.

— Хотите верьте, хотите нет, но я люблю эту страну, — проговорил он. — Это Мекка журналистов... Можно поставить крупную сумму на то, что каждое здешнее арабское посольство уже получило свой подарочек. Их было четырнадцать. Через несколько часов начнется великое празднество приемников... Довезти вас до дома?

Руссо предпочел несколько преждевременно воспользоваться приглашением Хендерсона на обед и попросил отвезти его в посольство. Теперь у него было настолько ясное представление обо всем этом деле, что он — коль скоро они находились на Ближнем Востоке — был уверен, что заблуждается.

Мир вокруг был залит алым, и свет, проникая через вход, стлался по полу шатра, личного подарка Ибн Сауда после сражения под Динхаром. Африкандер в умиротворенном молчании встречал час молитвы, когда от здешних мест до Саны и от Омана до Суэца каждая человеческая пылинка падала ниц, чтобы воздать должное богу; сам он в его существование не верил, однако считал, что он неизмеримо полезен и как таковой заслуживает свое имя Всемогущего. Главное было иметь этого великого несуществующего на своей стороне.

Он был невысоким, с оголенным массивным черепом, отмеченным посередине небольшой впадинкой, — *бин-мааруф* называли ее «седлом»; его лицо с бледно-серыми глазами и коротким крючковатым, как клюв совы, носом над тонкой линией губ куда больше выдавало возраст своей окаменевшей неподвижностью, нежели морщинами. Борода была тщательно выкрашена хной и в знак почтения к Пророку, и для того, чтобы скрыть седые волосы. Его руки и кисти оставались такими же сильными, как и у его балтийских предков, привыкших к тяжелым мечам и щитам. Последний из тевтонских рыцарей прибыл на встречу со славой с семивековым опозданием...

Африкандер достал из кармана снимки и взглянул еще раз. Идеально. Гораздо сильнее и выразительнее,

чем все, что они делали до сих пор в других местах в стиле «фотографий зверств»...

Он улыбнулся и принялся мерить шатер шагами, поглаживая бороду. Хвала Аллаху, конечно, но и сам он постарался, как мог. Через несколько часов все приемники от Персидского залива и Суэца до Багдада начнут беситься от ярости... Американка должна была умереть еще...

Он бросил взгляд на часы.

...еще четыре часа назад. «Власти Тевзы устранили свидетеля, который отказывался молчать...» Он почти слышал гневный голос диктора.

Посреди шатра Селим, его утешение на старости лет, когда любовь становится мужской дружбой и товариществом, склонился над коротковолновым «Осадой» — самым маленьким, самым легким и, вероятно, самым мощным из миниатюрных радиопередатчиков. Берш терпеть не мог электронику. Она была врагом свободы. Проклятые приборы уничтожали пространство и пускали по вашему следу своры невидимых собак. Но нельзя было отрицать и их пользу. Он понял это сразу же после войны и послал Селима в Цюрих, в Высшую политехническую школу. Тот вернулся первокурсником специалистом. Он настраивал «Осаду» спокойной и уверенной рукой.

Селиму было сорок лет. Уже... Его волосы начинали седеть. Он был ребенком, когда Берш заметил его на улице Джидды и влюбился в него. Больше четверти века они делили одни и те же опасности, одну и ту же борьбу...

— Вызывает Мендоса.

Голос пересекал две тысячи километров пустыни, оставаясь таким отчетливым, что, казалось, его можно было пощупать.

Селим тотчас же сменил частоту. Начиная с этого момента импульсный модулятор автоматически

проделывал то же самое каждые три секунды: эффективней, чем самое мощное глушение...

Берш подошел к прибору.

— Слушаю вас.

— Произошла накладка.

Африкандер напрягся. Его сжатые губы стали тонкими, как проволока.

— Мне нравится слово «накладка», Мендоса. Как правило, оно обозначает некомпетентность...

— Не в этом случае. С Лекарски несколько часов назад произошел несчастный случай.

— Что за несчастный случай?

— Сломанный позвоночник. Он мертв.

— И вы мне сообщаете об этом только сейчас?

— Я только что об этом узнал.

Берш на дух не выносил латинян. Иметь заместителем португальца было для него личным оскорблением. Но выбора ему не дали. «Рекомендация» исходила из Кейптауна. И нельзя было не признать, что этот человек прекрасно проявил себя в Мозамбике.

— Что до американки...

Мендоса умолк.

— Кого? Что вы сделали с ее телом? Нужно, чтобы его немедленно нашли... Я же вам сказал, чтобы вы положили его на рыночной площади.

— Это еще не сделано. Лекарски был убит до...

Африкандер ничего не сказал. Если он чем и дорожил, так это своей репутацией барака, счастливчика. Ему удалось ее создать и сохранять наперекор стихиями и превратностям судьбы вот уже больше сорока лет. В Аравии такая репутация была полезней и гораздо нужней, чем все политические связи. А теперь...

Мендоса попытался сделать отвлекающий маневр.

— Представьте себе, она передала мне письмо со снимками трех голов, которые мы подложили к ней в номер... Да, мне! Совершенно случайно... Я выходил

из своего номера, а она стояла в коридоре с письмом в руке. Она мне его дала и попросила отправить...

Он подождал, но Берш молчал.

— Послушайте Хуго, не беспокойтесь... Это вопрос нескольких часов... она отправилась в оазис к принцу Али Рахману. Там, вы же знаете, никаких проблем не будет... Можете считать ее мертвой... Вы меня слышите?

— Кем и как был убит Лекарски?

— Драка в медине. По крайней мере, такова версия полиции.

— Это не выдерживает никакой критики. В любом случае, поблагодарите его.

— Поблагодарить кого?

— Лекарски. Скажите ему, что я получил снимки. Хорошая работа. Поблагодарите его...

Радиопередатчик надолго замолчал.

— Хуго, я же вам сказал, что Лекарски мертв, — произнес чуть обеспокоенный голос Мендосы.

Селим поднял глаза и увидел на лице своего друга хорошо знакомое веселье. В последний раз он его видел внутри самолета, когда африкандер медленно шел по проходу между креслами, проверяя, все ли головы положены так, как он приказал, и порой останавливался, чтобы кое-что подправить. Селим опустил глаза. Юмор был одной из тех вещей, что оставались для него чуждыми. Ему казалось, что это единственный след Запада, который сохранил его друг...

— Лекарски мертв, Хуго. Вы меня слышите?

— Так вот, отправляйтесь в мечеть, прочитайте молитву за упокой его души и проследите за тем, чтобы она до него дошла с моей благодарностью...

Голос Мендосы стал суровым.

— Послушайте, Хуго, я с вами говорю из Тевзы, из пасти волка, и я не могу терять время... В любом случае, они подписали заказ. Он у Сандерса в кармане. Что мне делать? Вы шеф... пока еще!

Африкандер пропустил дерзость мимо ушей. Он разыгрывал свою последнюю карту, и Мендоса это знал. История с «Дакотой» была рискованной личной инициативой, и если дело провалится...

Он улыбнулся.

Если дело провалится, он никогда больше не получит новых заказов... Во всяком случае, на земле.

Отступать было поздно. Игра стала такой крупной и такой рискованной, что ему оставалось лишь одно: увеличивать ставки. И человек, который поддерживал его в Хаддане, держал в своей крепкой руке все нити. Трудно было мечтать о покровителе, который занимал бы лучшее положение и был бы более решительным... Он улыбнулся. У хадданских собак скоро появится хозяин.

— Берите машину и убедитесь, что посадочная полоса в рабочем состоянии. Она была заминирована, и я уверен, что мины еще остались...

— А американка?

— Займусь ею сам. Вы, похоже, невезучий, Мендоса, а я этого очень не люблю. Я свяжусь с вами через час, чтобы сказать, будете ли вы мне нужны и где... И постарайтесь не попасть под машину, переходя через улицу. Возьмите белую трость или мальчишку-поводыря.

— А пошли вы, Берш! — злобно прошипел Мендоса. — Да будет вам известно, время господ прошло. Вы старомодны, и в Кейптауне это знают... Вы действовали, даже не проконсультировавшись с ними, и...

Селим поспешил выключить приемник. Дневной свет проникал сквозь полотно шатра, и, вероятно, именно это придавало лицу африкандера желтоватый оттенок.

Он вышел. Притаившиеся во впадине горь стены не изменились за последние тринадцать веков, проявив уважение к созерцающим их глазам Магомета. Берш разбил свои шатры в том самом месте, где сража-

лись Пророк и его первые спутники, и каждый камень здесь был реликвией...

Бин-мааруф кормили верблюдов.

Разжигались костры для вечерней трапезы.

У него осталось всего сто двадцать человек, тридцать из них были здесь: остатки мечты. Эта смехотворная «личная армия» больше ничего не значила как и не обладала никакой боеспособностью, но она была ему необходима как воздух, которым он дышал. Она не могла больше ничего свершить, разве что охранять его жизнь. Призрак собственного королевства... Почетная стража Мечты. Мужчины были бин-мааруф, «волками пустыни», ворами и мародерами. Никто не помнил истоков ненависти и презрения, которые они продолжали внушать. Ненавидимые и унижаемые на протяжении веков, они в конце концов потеряли всякое уважение к себе. Но повиновались они слепо, а это стало редким качеством...

Сомнение коснулось его внезапно, как легкая тень... Пустота, отсутствие мысли... Он провел рукой по лбу.

Возраст. Но у него еще оставалось несколько славных лет впереди, и ему хотелось прожить их красиво: закат солнца, ярко-красный, великолепный... Апофеоз.

Африкандер еще раз взглянул на фотографии, которые держал в руках, — чтобы вновь поверить в себя. Провал был невыносим. Только не с *этим*.

Он провел это дело крайне тщательно...

К нему вернулось чувство юмора, и он рассмеялся. В общем, можно было сказать, что в этом деле он продемонстрировал лучшее, на что был способен.

Он услышал голоса у себя за спиной и обернулся: они были здесь.

Молодежь. Всякий раз, когда он встречался теперь с молодыми арабами, ему становилось не по себе. Он посмотрел на них, стараясь из вежливости не задерживаться взглядом на их европейских одеждах. Ни-

что его так не раздражало, как подобные упущения во внешнем виде у подножия родного города Корана. «Прогрессисты»... Когда он общался с ними, у него складывалось впечатление, что от всех накопленных им знаний арабского мира, его традиций и нравов, его привычного мышления, его прошлого и его грез не было больше никакого проку.

Когда, например, он вежливо пригласил их пройти в шатер, чтобы там вкусить несколько мгновений покоя и тишины, которые обязательны перед серьезными разговорами, они показали рукой, что нет. Не надо кофе, не надо терять время, не надо политесов. Они торопились, и спешка означала конец ислама... Она означала Запад. Даже их речь была полна иностранных слов, а интонационный рисунок выглядел плоским, без следа эмоций. Разговаривая с «ними», он тщательно избегал чересчур литературных выражений и традиционных формул, чтобы не показаться старомодным.

Он протянул им снимки, наблюдая за произведенным эффектом с тайной гордостью автора. Двое молодых людей — им вряд ли было больше двадцати пяти — долго изучали их один за другим, порой обмениваясь взглядами. Затем тот, что был помоложе — его звали Талат, и это было древнее шахирское имя — сказал, подняв глаза на африкандера:

— Это отвратительно. Немыслимо... *Это не по-арабски...*

Его спутник смотрел в землю, как будто ему было стыдно.

Африкандер молчал. Он чувствовал растерянность, обиду — похоже, на сей раз автору не дожидаться поздравлений... Он чуть было не улыбнулся.

— Нет, это, конечно же, не по-арабски. А с каких это пор хасаниты стали арабами? Правительство Хаддана находится в отчаянном положении, и вот тому доказательство...

Тут впервые заговорил второй молодой человек. У него были такие густые усы, что, казалось, будто им больше лет, чем их владельцу.

— Как вам удалось получить эти снимки?

— Их сделала в самолете молодая американка. У нее их конфисковала полиция Хаддана. Я же получил их от одного высокопоставленного друга...

— Почему он вам их дал?

— У шахиров в Тевзе, знаете ли, еще есть кое-какие друзья...

Африкандер пытался изгнать из своего тона всякую тень иронии, как и следовало, когда разговариваешь с молодыми «идеалистами». Риск, что ее примут за цинизм, был слишком велик.

— Эта история с самолетом очень похожа на провокацию, — сказал тот, кого звали Талат.

— А это, разумеется, и есть провокация... — Африкандер слегка пожал плечами. — Цель состояла о том, чтобы вызвать восстание племен Раджада... А поскольку те не вооружены, подавление мятежа раз и навсегда положит конец раджадскому вопросу. В общем, речь о том, чтобы спровоцировать репрессии...

— Если не ошибаюсь, ваши цены резко подскочили за последние несколько дней? — спросил молодой усач суровым голосом, исходившим, казалось, прямо из его взгляда.

Губы Берша сжались. Цены он ненавидел больше всего на свете.

— Эти вещи меня не интересуют, — сказал он. — Вы очень молоды... Если бы вам было лет на тридцать больше, то вы бы со мной так не разговаривали. Я отдал всю свою жизнь служению...

Он чуть было не сказал «исламу», но вовремя отказался от этого слова из былых времен.

— ...служению арабскому единству, — закончил он.

Молодые люди отошли в сторону и какое-то время совещались. Когда они вернулись, африкандер понял, что выиграл партию. Самое позднее через двадцать четыре часа рассказ о хадданских зверствах заставит все арабские сердца биться от возмущения и ненависти.

Он взглянул на них с презрением. Он никогда не думал, что доживет до того дня, когда увидит *новых арабов*. Но этот день настал. У этих двоих в голове было лишь одно, и это была не вера: это была идеология...

Единственное, что могло спасти старый мир, это радикальное саморазрушение нового мира. Следовало помочь новому миру разрушить себя самого. И тогда мы увидим, как расцветут в пустыне цветы, имя которым мужественность, чистота и доблесть...

Он вернулся в шатер.

Селим спал прямо на полу, возле передатчика. Африкандер смотрел на седеющие волосы того, кого он знал ребенком, и внезапно ему показалось, что это его собственная старость подает ему знак. Он наклонился и нежно погладил спящего по голове.

Затем он сел в углу на корточки и погрузился в оцепенение. Он перебирал янтарные четки, а тело своей одеревенелостью и болями рассказывало ему о его жизни. Но как только падет ночь и звезды вновь займут над царством песков свое незапамятное место, его слуга приведет к нему в шатер совсем юного мальчика, и он утолит свою всепожирающую жажду молодости, суровости и мужественности.

Зов муэдзина раздался вдалеке и воспарил над пустыней.

Шатер тихо погружался во мрак.

Он ждал.

Это будет первый вопрос, который ей зададут, когда она окажется перед американскими телекамерами у трапа самолета в Айдлвайлде¹: почему она пошла на такой риск? А ведь ей следовало знать, что юный Али Рахман был главой всех племен Раджада, и что у его сторонников была в голове лишь одна мысль — вновь посадить его на трон. Ей стоило невероятного труда объяснить свой поступок. Почему? Почему? Может, просто потому, что это был ребенок, пятнадцатилетний мальчик... воплощение невинности... Она кинулась к нему в поисках защиты инстинктивно, не слишком задумываясь... За эти несколько дней она увидела столько предательства и двуличия, что воспоминание об этом детском лице, таком серьезном и таком чистом, стало неким оазисом в ее разгоряченном мозгу... Ибо приходилось признать, что доктор Салтер — так звали врача в клинике — оказался прав: ее психика была травмирована, и в ее действиях недоставало здравого смысла, который, несомненно, проявили бы вы, господа, я в этом уверена, окажись вы в таких обстоятельствах... Раздалось несколько смешков, и она сама мило улыбнулась, чтобы немного смягчить яз-

¹ Старое название аэропорта им. Дж. Ф. Кеннеди в Нью-Йорке.

вительность своего замечания. Ее всегда упрекали в некоторой склонности к агрессии.

Али Рахман принял ее в парке, где только что беседовал с посетителями, она увидела лишь, как они, в колыхании белых одежд, удаляются по аллее. На газон был брошен красно-черный афганский ковер, принц стоял посередине, в тени пальм, манговых деревьев и цветущих зарослей, которые здесь называли экзотическими, потому что происхождением они были из Италии. На ветвях деревьев сидели павлины и горлицы, на ковре на серебряных блюдах лежали фрукты и сладости; позади принца на расстоянии шепота стоял тот, кто никогда с ним не разлучался. К удивлению Стефани, когда он ее увидел, на его затерянном во времени лице мелькнула тень приветственной улыбки. Она никак не ожидала, что ее появление доставит ему удовольствие...

Позади находился чудесный мозаичный фонтан, игравший в последних лучах дня всеми мыслимыми оттенками зеленого цвета...

Али был одет в палевый вышитый кафтан; завязанный тюрбаном платок, украшенный посередине лба рубином, ниспадал на правое плечо; на принце были белые брюки-галифе для верховой езды. Изогнутая сабля правителей Хаддана, ножны которой были инкрустированы жемчугом, выглядела так, будто ее только что окунули в Млечный путь, и в этом одеянии падишахов, относящемся к семнадцатому веку, юный принц так хорошо вписывался в окружающую обстановку, что его костюм казался такой же частью пейзажа, как цветы и птицы.

— Извините меня за несколько экстравагантный наряд... Сегодня день *дахра*: я провел его среди бедняков, в деревнях...

Стефани сделала понимающий вид, подумав при этом, зачем нужно так выставлять напоказ роскошь, когда посещаешь бедняков. Она заметила на краю фон-

тана радиоприемник «Трансоушиэник» с вытянутой антенной, а рядом двух воркующих горлиц. Внезапно ее вновь охватило почти яростное чувство, что все вокруг нереально, что это сон, как будто за всем, что она видела, находился совсем иной мир, затаившийся и готовый внезапно явиться и раскрыться... Жар и нервное истощение всюду искали поводы для тревоги и вызывали ее по внешне правдоподобным причинам, и Стефани знала, да, *она просто-напросто знала*, что в окрестных кустарниках спрятаны некие *предметы*. Она даже махнула рукой, чтобы прогнать огромных зеленых мух, которые жужжали у нее перед глазами... И это ужасное *присутствие*, тем более нечеловеческое, что у него было человеческое обличье... лицо Мурада наводило на мысль о египетских жрецах, проклятиях, гробницах неизвестных богов и обо всем, что Стефани знала о фараонах и их верных слугах, которых хоронили вместе с хозяином, чтобы они могли служить ему и после смерти...

— Как вы прекрасны!

Она так привыкла слышать эту фразу, что после нее мир вокруг снова стал понятным и естественным, как будто бы позаимствовав у банальности комплимента привычный вид.

— У вас потрясающее платье...

— Вы находите?

Стефани повернулась на каблуках, взметнув локон и муслин, вновь обретая, благодаря профессиональному рефлексу, движение, позу и улыбку... Она только теперь обратила внимание на свое платье: ведь она вытащила из чемодана с коллекцией первое, что попало под руку...

— Это туалет от Нины Риччи, платье-туника из вышитой органзы... В комплекте с лисьим боа... Цена двадцать девять тысяч девятьсот франков...

Она прервала свою речь и поднесла руки к вискам.

Стеф, ты совсем спятила. Ты же пришла, чтобы...
Она посмотрела вокруг себя. Сумка «Гуччи» лежала на газоне у ее ног.

Стефани схватила сумку и вытряхнула ее содержимое на ковер.

Ей сразу же стало лучше. Слава Богу, оно на месте. Всё на месте.

Она нагнулась и подобрала голову, которая, выпав, легла набок. Она поставила ее прямо, и немного поправила волосы.

Лед растаял, и казалось, что по мертвому лицу струятся слезы.

Молодой человек смотрел на лицо стюардессы с озабоченным видом, но без всякого удивления.

— Да, я в курсе, — сказал он. — Правительство сразу же проинформировало меня... Это омерзительно. Преступление против человечности...

Он нагнулся, взял стакан с апельсиновым соком и протянул его Стефани.

— Выпейте... Эта поездка в такси, наверное, была очень утомительной...

Он хлопнул в ладоши, и тут же появился слуга с кофе и бутербродами с икрой. Больше принц не обращал ни малейшего внимания на предмет на ковре.

— В горах об этом ходит много разговоров... Я пытаюсь успокоить умы, но...

Именно в этот миг — вероятно, из-за отсутствия реакции со стороны Али Рахмана и слуг — Стефани впервые испытала чувство, что обстоятельства в точности таковы, какими они и должны быть, что они *нормальны*, и что пора ей начать уважать нравы и обычаи этих людей и больше не докучать им своими западными предрассудками...

— С вашей стороны очень мило приехать ко мне еще раз, — сказал Али. — Я хотел навестить вас в клинике, но мне это было... не рекомендовано...

— Ваши розы были великолепны, — сказала Стефани. — Я забыла поблагодарить вас, ну да что там, то одно, то другое...

Но тут же снова сорвалась:

— И это все чувства, которые она у вас вызывает?

Али бросил взгляд в сторону ковра.

Потом отпил апельсинового сока.

— Знаете, — сказал он нейтральным тоном, и Стефани почувствовала, что он прилагает к этому усилие, — знаете, они насмерть забили палками моего отца, а затем привязали его тело к лошади и...

Он слегка пожал плечами.

— Где вы раздобыли эту голову? — поинтересовался он.

— *Раздобыла? Раздобыла?* Могу вас заверить, что...

— Я хочу сказать, как она к вам попала?

Он рассеянно слушал ее рассказ, и вид у него был напряженный и озабоченный. Ей никогда не забыть этой грациозной фигуры в одеяниях из восточной феерии, — уперев руку в бок, он стоял в высокомерной и повелительной позе перед головой, что с задумчивым видом лежала у его ног, на красно-черном ковре...

Это было похоже на иллюстрацию к какой-нибудь волшебной сказке... Нет, конечно же, нет, состояние мое было далеким от нормы, близким к безумию, но я об этом не подозревала, и нужно честно признаться, что этот кошмар предстал в самых что ни на есть живописных красках... В общем, чистое волшебство, — иронично заметил какой-то журналист, но от воспоминаний лицо Стефани, видимо, приняло такой потерянный вид, что никто не рассмеялся. Она порой испытывала сожаление, да, сожаление, что с ней не было Бобо с его фотоаппаратом, и еще у нее время от времени вырывался странный смешок, с которым ей не удавалось совладать... Но нельзя обвинять ее

в бессердечии, это было нервное, она находилась на грани истерики, и признайтесь, господа, стоять там в платье от Нины Риччи... Она неудержимо расхоталась, затем расплакалась, и вспышки вокруг нее засверкали с удвоенной частотой, а журналисты почтительно молчали, чтобы не спугнуть этот живой момент истины, которым жадно насыщались одноглазые камеры...

Али сделал знак, и из благоухающих зарослей, в которых не унимались горлицы, возник слуга со свежими холодными напитками. Свежевыжатый гранатовый сок был отменного вкуса, а фиги были поданы на измельченном льду, раскрытыми, обнажившими свою красную мякоть... Она никогда не ела ничего лучше... Могу вас заверить, господа, что принц не делал никаких намеков на свои «политические предпочтения», да, впрочем, мысль, что этот ребенок может возглавить вооруженное восстание, даже не мелькнула у меня в голове... Но как можно спокойно пить гранатовый сок, когда у ваших ног... Она испепелила журналиста взглядом. Скажем так, господа, я начала привыкать к этой стране. Вам знакомо привыкание? Наши нервы, к счастью, устроены так, что рано или поздно они как бы встают на нашу защиту, переставая реагировать... Да и потом, наступал вечер, вечер оазисов с его чудесной прохладой, которая нежно поглаживает вам лоб и виски, чтобы прогнать жар, и с ней приходит необыкновенное чувство облегчения и блаженства...

Али объявил ей, что он немедленно отправит послание министру внутренних дел сэру Давиду Мандахару, чтобы ввести его в курс дела... Он с самым серьезным видом заверил ее в своей готовности оказать ей помощь и предоставить защиту, как будто был повелителем этой страны, и, держа за руку, отвел ее в покои для гостей... Мисс Хедрикс, перебил ее трепещущий надеждой голос журналистки из «Моды и кра-

соты», можно у вас спросить, не было ли между вами и юным принцем чего-то большего, нежели взаимная симпатия, и не было ли это влечением... романтического свойства? Стефани прикусила губу, чтобы остаться вежливой. Али был в моих глазах ребенком, сказала она. Конечно, пятнадцать лет — по Корану это возраст мужчины, но могу вас заверить, что я не советуюсь с Кораном, когда речь идет о моих собственных чувствах... Когда я говорю вам, что принц держал меня за руку, отводя меня в мои покои... там это обычный жест, на Ближнем Востоке даже мужчины часто прогуливаются, держась за руки.

А за спиной — это постоянное *присутствие*, лицо, которое время размыло настолько, что на нем стерлись все следы возраста...

Хлынул новый поток вопросов. Она подняла руку... Пожалуйста, пожалуйста... Я не Шахерезада, и я вымотана... Да, конечно, я это знала. Принц рассказал нам эту историю во время нашего первого визита. Он нам сказал, что этот старый урод когда-то дал обет срубить три головы одним ударом сабли... Сейчас это представляется важным, но уверяю вас, в тот момент я об этом не думала. У меня это полностью вылетело из головы.

Гостевые покои занимали целое крыло дворца: шесть огромных помещений. Там царили парча и бархат, шелк и позолота; на стенах — луки и стрелы, мечи, охотничьи трофеи... Ванная комната отличалась современной роскошью того дурного вкуса, который не останавливается перед кранами из золота. Она открыла окно, выходявшее на темные сады, откуда медленно, как освободившиеся из земли цветы, поднимались месяц и звезды. Дул легкий ветерок, у которого было ровно столько сил, сколько нужно, чтобы собрать все ароматы оазиса — в первую очередь жасмина. Какое-то время она стояла у окна, и на чернильном фоне ночного неба медленно всплыло воспоминание о том,

чье лицо, казалось, несло в себе всю жестокую красоту Хаддана. Запахи сада, сияние неба и далекое бормотание воды подернулись дымкой грусти. Стефани, девочка моя, ты слишком много грезил в кинотеатрах, радуйся, что ты еще жива... Она улыбнулась, нырнула в постель и погасила свет.

Был час ночи, когда вице-консул прибыл в резиденцию с последним «дыханием ночи» — так шифровальщики называли телеграммы, помеченные знаком «расшифровать немедленно», которые заставляли их до рассвета корпеть над кодовыми таблицами. Посол Соединенных Штатов в Джидде информировал своего коллегу в Тевзе о том, что Саудовская Аравия сосредотачивает войска на границе с Хадданом и привела свои военно-воздушные силы в состояние боевой готовности. Предыдущее «дыхание» поступило часом раньше из Ирана. Тегеран предупредил Вашингтон о том, что всякая «попытка агрессии» против Хаддана со стороны его соседей будет иметь «незамедлительные и серьезные» последствия.

Руссо в обществе Хендерсона сидел на террасе резиденции, которая доминировала над городом и садами Моссвата в восточной части столицы. Он наблюдал за хозяином дома с восхищением, которое росло от часа к часу: с тех пор, как на антенну посольства хлынули дождем — а вернее, посыпались градом — дурные вести, у преждевременно состарившегося студента Тедди Хендерсона, казалось, вновь возникло то лицо, которое он оставил в Гарвардском университете.

— Освежающий душ, — сказал он, любезно протягивая Руссо тонкий желтый лист.

Госдепартамент задавал своему представителю в Хаддане один вопрос. «Радио-Триполи» обвиняло посольство Соединенных Штатов в Тевзе в том, что оно незаконно укрывает на своей территории одного из свидетелей в деле о самолете, чтобы не дать этому свидетелю заговорить. Вашингтон желал получить разъяснения по этому вопросу до того, как опубликует официальное опровержение.

— Я бы с удовольствием укрыл ее тут, — сказал Хендерсон с томной улыбкой. — Она обворожительна... Но только *другая* женщина из моего гарема, которая в данный момент находится в Сан-Франциско, стала бы протестовать...

— Почему вы с самого начала не рассказали ей все? — спросил Руссо. — Вы даже устроили так, чтобы не встречаться с ней... Доктор Салтер категоричен: у нее тяжелая нервная депрессия с манией преследования и всем, что к этому прилагается... Есть от чего. Ей кажется, что все вокруг в заговоре, — и она не заблуждается...

Хендерсон бессильно махнул рукой.

— Дорогой мой друг, я не мог просить молодую женщину, *идеалистку* и человека *честного*, помочь правительству Хаддану замять это дело... Да она бы выцарапала мне глаза. Я бы подтвердил ее худшие подозрения относительно американской политики... Вспомните: считается, что я ничего не знаю: именно поэтому вы и здесь... Власти надеялись найти настоящих виновников в течение сорока восьми часов, затем им понадобилось еще несколько дней, и... Я не мог сказать мисс Хедрикс правду, потому что правда держалась в тайне, и не забывайте, что речь идет о молодой женщине, твердо убежденной в том, что внешней политикой Соединенных Штатов управляет мафия, а Никсон ее крестный отец...

Посол прервал свою речь.

— Вы что-то сказали, дорогой друг? — спросил он Руссо.

— Ничего, — ответил Руссо, посмеиваясь.

— А мне показалось, что я слышу удивительно красноречивое отсутствие возмущенных протестов с вашей стороны, — серьезно сказал Хендерсон. — В общем, я не мог сказать ей правду. С другой стороны, я не люблю лгать... Мог бы, конечно, — с невинным видом, по-отечески заботясь о психическом состоянии мисс Хедрикс, но... Есть же все-таки какие-то пределы. Так что я предпочел избегать с ней встреч... Входите!

Вернулся вице-консул, улыбаясь от уха до уха. В силу замечательного эффекта заразительности, передающейся иерархическим путем, все сотрудники посольства выглядели радостными, когда оказывались носителями совсем свежих дурных вестей. Служба прослушивания информировала посла о том, что в горах Раджада только что появилась какая-то подпольная радиостанция. Она во всех подробностях разоблачала массовую резню, устроенную в самолете «Дакота», надругательство над мертвыми шахирами и обвиняла «гнусную, погрязшую в материализме клику Тевзы, находящуюся на содержании у американских империалистов» в том, что она являлась подстрекателем этих зверств. Затем следовал призыв к «братским народам» оказать вооруженное сопротивление. «Радио-Хаддан» отвечало тем, что каждые четверть часа передавало предостережение против агентов-provokаторов все тех же «империалистических держав», не упоминая, однако, Соединенные Штаты, что являлось, по мнению Хендерсона, грубой ошибкой.

— Короче говоря, все пропало, — рассеянно заключил Руссо: он все отчетливее осознавал, что у него возникла серьезная личная проблема. У этой проблемы были рыжие волосы, зеленые глаза и такой прямой взгляд, что он вызывал угрызения совести даже у аген-

та ЦРУ, а еще у нее был нрав дикой кошки, которая прошла курсы повышения квалификации в Северной Ирландии.

Телефонной связи с Сиди-Барани не было, но Али Рахман послал своего шофера к господину Дараину с успокаивающим посланием: у мисс Стефани Хедрикс небольшой жар, она приехала в оазис немного освежиться. Руссо совсем не обрадовала эта «свежесть», которая представала перед его взором в виде подростка удивительной красоты. Было что-то комичное в этой внезапной ревности к пятнадцатилетнему сопляку, но Руссо было не до смеха. Несколько ухмылок — вот и все, что ему удалось из себя выдавить.

К посланию Али Рахмана прилагался, без каких-либо комментариев, пакет, содержимое которого — один-единственный предмет — погрузило господина Дараина в весьма, в общем-то, простые подсчеты, для которых он использовал свои аристократические пальцы. Если сосчитать предметы, забранные ими из гостиницы, из агентств печати и из различных посольств, то теперь был в наличии полный комплект.

Руссо не понимал, почему эта идиотка помчалась к мальчишке. Если бы он, Руссо, не совершил промаха, то она, вероятно, была бы сейчас подле него, и... Начиная с этого момента все вызывало у него злость и недовольство собой. Что до Хаддана, то в Тевзе есть посол Соединенных Штатов, в чьи обязанности входит расхлебывать последствия провала «американской политики по установлению мира» в этой стране. Он же, Руссо, получил куда более конкретную задачу: проверить подозрения ЦРУ относительно роли, которую сыграли в истории с «Дакотой» «Талликот компани» и «подпольная боевая группа», которую она якобы содержит в Аравии. Берш... Это имя звучало в ушах Руссо как одна из тех вежливых отрывков, коими сыновья пустыни заверяют своего хозяина, что трапеза была отменная.

Терраса купалась в звездах.

— Все пропало, — повторил Руссо мрачно, думая о вещах куда более личных, чем Хаддан.

Посол сделал пару глотков воды. Решил, видимо, припасти спиртное на тот день, когда у него *действительно* будут неприятности...

— Не обязательно, старина, совсем не обязательно. Они сейчас предоставят автономию Раджаду, и это успокоит людей... В данный момент как раз эту карту и разыгрывают. Есть две линии, как вы знаете: единство страны прежде всего — с одной стороны, и автономия, федерализм — с другой...

— Если только «жесткая» линия... и Берш не делают соглашение невозможным, — сказал Руссо. — Пока мы тут с вами разговариваем, он, скорее всего, готовит эскалацию напряженности. Что-то, что взорвет ситуацию.

— Возможно. Но вы заблуждаетесь, придавая такую важность Бершу. Он всего лишь исполнитель... Есть фигуры и поважнее, куда важнее...

Руссо с почтением подумал о господине Дараине.

— Разумеется, — сказал он. — Но если силы безопасности предпримут попытку государственного переворота, здешняя прекрасно оснащенная армия быстро отобьет у них всякое к тому желание.

— Что так, что эдак, — сказал Хендерсон. — Силы примерно равны просто потому, что шахиры есть как среди сил безопасности, так и, собственно говоря, в армии...

Он удовлетворенно вздохнул.

— Мне нравится жить! — резко заявил он, глядя на Руссо так, будто сделал компрометирующее признание.

Руссо рассмеялся.

— Вы занятный тип, Тед, — сказал он. — Можно подумать, что дурные вести поддерживают вас в хорошей форме. Но что касается «Талликот» и Берша,

то это моя добыча, и они по уши увязли в этом деле... Вот уже десять лет мы пытаемся их прижать.

Очки Хендерсона иронически заискрились.

— Да, разумеется, — сказал он. — Великие державы не любят... частных торговцев оружием. Они терпеть не могут конкуренции...

Дворецкий вышел на террасу и наклонился к Руссо. С ним желает говорить начальник полиции господин Дараин.

— Где телефон?

Нет, это не по телефону... Господин Дараин приехал собственной персоной. Это, по-видимому, очень срочно...

Руссо вышел. Начальник полиции и еще два человека стояли перед машиной с зажженными фарами. Господин Дараин был мертвенно-бледен.

— В чем дело?

— Идемте...

Руссо спросил себя, почему Дараин в последнее время выказывает ему такое доверие и всюду приглашает с собой... Подстраховывается на будущее, подлизывается к американцам?

За несколько минут они добрались до площади старого рынка позади мечети.

Квартал перекрыли броневые автомобили.

Луна была красивой, круглой, рыжей, тяжелой...

Около сотни любопытных из соседних домов уже образовали круг, держась на расстоянии от солдат.

Голова Массимо дель Кампо лежала в нескольких метрах от тела. Глаза были открыты.

Красивая голова римской статуи с классическими чертами...

Лицо было лишено всякого выражения, как будто этот третьесортный актер так и остался неспособен влезть в шкуру своего персонажа даже при этой последней возможности.

Руссо с трудом удавалось думать. Из-за пронзительного ощущения, что он находится в абсолютно чуждой обстановке, в другом мире, в совсем другом веке, то, что он видел, переставало казаться ужасным, возникало почти театральное чувство нереальности, сна...

Ни капли крови.

Казнь, должно быть, произошла в другом месте. Затем тело и голову перевезли сюда, на рыночную площадь, чтобы все видели...

Мизансцена, рассчитанная на то, чтобы добиться максимального эффекта... И нужно было признать, что при лунном свете, ярком и вместе с тем безмятежном, в окружении минаретов, под звездами и при отдаленном лае собак, отрубленная голова, лежавшая отдельно от тела, производила впечатление...

Толпа молчала. Впервые за свою карьеру Массимо дель Кампо заворожил публику.

Наконец Руссо удалось выйти из транса. Завтра радиостанции арабского мира сообщат, что «режим убийц» убрал одного из свидетелей...

Все его тело оцепенело.

Он почувствовал у себя на плече чью-то руку.

— Уверяю вас, господин Руссо, что жизни мисс Хедрикс абсолютно ничего не угрожает... У меня там достаточно людей, чтобы...

Руссо взглянул на него. Он чувствовал, что наполняется ядом, как гадюка.

— Знаете, Дараин, если бы это зависело от меня, то размещенные во Вьетнаме Б-52 совершили бы сегодня ночью свою самую большую ошибку при локализации цели...

Он яростно оттолкнул «дружескую» руку и бросил отчаянный взгляд вокруг. Джип... Он побежал к одной из машин, ударом локтя в шею уложил на землю пытавшегося помешать ему водителя и вскочил за руль. Господин Дараин выкрикнул приказ, который, возможно, спас ему, Руссо, жизнь... Конечно, здесь

слишком много свидетелей, подумал Руссо в новом порыве ненависти.

О том, чтобы проверить уровень топлива, он вспомнил лишь когда уже выехал из города. Бак был наполовину пуст. Но броневые автомобили в пустыне не заправляются на бензоколонках. В машине было столько полных канистр, что хватило бы до самой Мекки.

Она мертва, мертва, думал он, мчась в ночи, которую фары лишали ее небесного сияния.

Мертва, мертва... Он не переставал повторять про себя это слово, старый суеверный трюк из детства, чтобы отвести судьбу, которая не любит, чтобы ее считали уже делом решенным и обижается, когда чувствует, что ее опережают в ее тонкой игре...

...Она качалась на мирных волнах, которые тихо несли ее в сторону открытого моря. Ей не было страшно. Она знала, что отец крепко держит штурвал, и что ей достаточно отбросить одеяло, чтобы увидеть звезды. Судно было прочным, и она часто спала так, на палубе, со счастливым ощущением, что она далеко от суши, между небом и водой.

Стефани открыла глаза и ничего не увидела. Она хотела было поднять руки, но одеяло окутывало ее плотно, и она ощущала вокруг плеч и бедер два железных кольца.

Она попыталась вырваться, но тиски не разжимались. Шерсть затыкала ей рот и заглушала крики. Она яростно боролась, но каждое движение пресекали две сжимавшие ее руки.

Она угадала по движениям несшего ее человека, что он спускается по лестнице. Затем походка вновь стала ровной. Он не спешил. Шаги были спокойными, размеренными, уверенными. Стефани перестала вырываться, собралась с силами, затем разом расслабилась, а потом совершила, возможно, самый яростный и самый отчаянный рывок в своей жизни. Ничего. Тиски чуть разжались, но не более.

Под одеялом было трудно дышать, и из-за того, что она медленно задышалась, в ней зарождался ужас, у которого не было названия, слепой, нечеловеческий,

первобытный; больше не было ни сознания, ни вопросов, ничего, кроме магмы плоти и нервов, где каждая лишенная кислорода клеточка взывала о помощи...

Но она не задохнулась, и как только поняла, что угроза удушья всего лишь результат страха, то стала беречь дыхание, стремясь продержаться подольше. Человек, который ее нес, оставлял ей ровно столько воздуха, сколько нужно было, чтобы не умереть. Она чувствовала, как приподнимается при дыхании его грудь, и даже слышала скрип гравия у него под ногами. Она вспоминала аллеи сада и тонкий серый гравий между массами зелени. Но в саду ведь была еще и вооруженная охрана. Где она? Почему этот человек так свободно передвигается по дворцу и парку? Куда он ее несет?

Первый ответ, который пришел ей на ум, был подсказан ужасом. Ее сейчас бросят в колодец, она навсегда исчезнет на дне одного из двенадцати источников оазиса. Внезапно эта мысль превратилась в полную уверенность — как тут можно сомневаться, и когда она позднее размышляла о причинах столь твердого убеждения, то поняла, что мысль о колодце и об утоплении возникла из-за недостатка воздуха и удушья.

Ей казалось, что мужчина идет уже довольно давно. Может, десять, пятнадцать минут. Позднее она не смогла ничего уточнить. Всякое понятие о времени тогда исчезло.

Она услышала голоса, но не смогла понять, что они говорят. Человек, который ее нес, сменил положение рук и опустил ее на землю как статую.

Затем Стефани почувствовала, как ее стягивают двумя ремнями, одним — вокруг предплечий, чуть ниже локтей, а другим — над коленями. Она была уверена, что это ремни, а не веревки: их затягивали, как ремни чемодана. Дышать стало легче, и она чувствовала, что еще немного — и удастся высунуть голову наружу. Наконец ее подняли и куда-то посадили — по

всей видимости, на заднее сидение машины. Вероятно, какого-нибудь армейского джипа или чего-то в этом роде: у него не было крыши. Машина почти тотчас тронулась с места. Стефани яростно затрясла головой, пытаясь высвободиться. Тогда какая-то рука отбросила одеяло, и она увидела человека, сидевшего слева от нее.

— Мне очень жаль, мисс Хедрикс. Безумно жаль. Поверьте, я бы действительно предпочел познакомиться с вами при других обстоятельствах... Но ситуация обязывает... Ибо все определяет ситуация... Прагматизм!

Безупречный акцент лучших английских школ.

Пустыня и небо сверкали вокруг в бледном сиянии библейских ночей...

В одежде человека читались следы военной формы. Не хватало лишь знаков отличия, нашивок и наград. Ему, наверное, было лет сорок. Костлявое лицо с решительным носом и коротко подстриженные седеющие волосы.

Так же был одет и сидевший за рулем. Светловолосый, с непокрытой головой.

Стефани попыталась было заговорить, но ненависть ее была так сильна, что ей не удалось выдать из себя ничего внятного. У нее получался лишь какой-то лепет.

Человек протянул ей фляжку.

— Бурбон. Здесь его практически не найти. Выпейте. Вам станет лучше.

Стефани удалось объясниться. Слезы текли у нее по щекам, слезы ярости и унижения. Бурные потоки ругательств помогали ей вернуть внутреннее равновесие. Мужчина невозмутимо все выслушал и одобрил кивком головы.

— Ругайтесь, ругайтесь... От этого только польза. Это от избытка чувств...

Он закурил манильскую сигару.

— Кто вы?

Похититель втянул дым с наслаждением — трудно было сказать, вызвано ли оно ароматом манильской сигары или удовольствием от возможности быть самим собой.

— Странствующие рыцари, да, странствующие рыцари... Не так ли, Рауль? А кто же еще?

Человек за рулем пожал плечами и ничего не ответил.

— Всегда на службе у прекрасных дел, всюду, где их необходимо вершить, от Биафры¹ до Конго и от Мозамбика до Родезии, справа, слева, там, куда зовет нас идеал... Вдовы, сироты и все такое прочее... Современные рыцари, да. Конечно, наши враги иногда называют нас наемниками... Но кто бы стал рисковать жизнью единственно для того, чтобы остаться в живых? Нет, нет, поверьте мне, мисс Хедрикс, мы, как и вы, на службе у красоты, хотя в нашем случае речь идет о красоте идеала... Вы не пьете?

Он схватил фляжку, раскупорил и поднес к губам.

— И у нас с вами есть еще кое-что общее: мы, как и вы, служим моде. Я правильно сказал: моде! Была мода на Биафру... Помните? Сегодня совершенно забытая... О, и еще как забытая! Мы там сражались от всей души. Была также мода на Катангу, на покойного господина Чомбе² — и та прошла — а без нас и там не обошлось... Красота великих дел в их постоянной смене, как и у вас в моде... Модели, которые мы представляли на всех этих показах, конечно же, не сравнить с вашими по грации и элегантности... Но могу вас заверить, что автомат «виккерс», пулемет «школа»,

¹ Самопровозглашенное государство на территории восточной Нигерии, просуществовавшее с 1967 по 1970 г.

² *Моис Капенда Чомбе* (1919—1969) — конголезский политический деятель, возглавивший мятеж в провинции Катанга.

ручные израильские пулеметы и все оружие из французского каталога — вещицы весьма красивые, понимающие люди даже находят их элегантными...

Мужчина за рулем повернул голову, и Стефани увидела его профиль с перебитым носом и подбородок, на котором пробивалась светлая борода.

— Ты там закончил?

Англичанин залился безмолвным смехом.

— Вы, конечно же, вправе ждать от нас объяснений, — сказал он. — Кстати, меня зовут Харкисс, к вашим услугам. Да, именно так меня зовут в данный момент... Люблю перемены.

Он взглянул на нее.

— Мы пришли за вами, потому что вы нужны...

— Кому? — спросила Стефани.

— Ах, да вы скоро увидите. Молодым людям — чистым и суровым. Они той же закваски, что и полковник Каддафи, нынешний меч ислама. Они ждут вас там, в горах...

Он сделал широкий жест рукой в сторону горизонта.

— Они нуждаются в ваших свидетельских показаниях. Вы им расскажете обо всем, что видели. А после...

Он улыбнулся, глядя прямо перед собой.

— А после вас спокойно отвезут обратно в Сиди-Барани. Вот. Вам нечего беспокоиться. Краткие свидетельские показания на алтаре Прав Человека... Поездка туда и обратно. Считайте это прогулкой...

Он наклонился и расстегнул узкий ремень, стягивавший ей руки.

— Устраивайтесь поудобнее.

И тогда Стефани заметила, что лобовое стекло джипа опущено и на нем, выползая стволом на капот, лежит один ручной пулемет, а сзади закреплен другой. Сидевший рядом с ней человек напевал нежную мелодию. Но этого, по-видимому, было недостаточно, чтобы

освободиться от переполнявших его чувств. Ему было необходимо излить душу...

— Ах, пустыня! — процедил он сквозь зубы. — Звездные пространства и бесконечность... Световые годы... Стоит один раз вкусить это, и...

Он взял фляжку и сделал долгий глоток.

Стефани виден был его профиль. Это было одно из тех лиц, что раскрывают свою истинную природу только в профиль, когда не маскируются за хитрыми и плутовскими гримасами. Оно выглядело так, будто его вытесали грубо и в спешке: слишком короткий нос, тяжелая челюсть и губы суровой складки над светлым венчиком бороды... Он держал на коленях автомат, а когда поворачивался, Стефани была видна рукоятка пистолета, торчавшая из кобуры под левой рукой.

— Я, что называется, искатель приключений, мисс Хедрикс, и пережил немало увлекательных минут, но могу вас заверить, что эта прогулка по бесконечным пространствам в вашем обществе...

Мужчина за рулем резко затормозил, откинулся назад и выхватил фляжку из рук своего спутника.

— Будет с тебя, — проворчал он. — Ты слишком много пьешь.

Он швырнул фляжку с виски в песок. Его спутник разочарованно развел руками...

Перед ними прямо из песка возникла горная цепь Раджада, а на западе черными вычурными глыбами вздыбились над барханами базальтовые скалы Шаддина, — там находились золотые прииски, истощившиеся еще век назад. Дорога шла вверх, петляя среди вулканических образований.

«Лендровер» съехал с главной дороги и двинулся по высохшему руслу горного потока, где, похоже, одни лишь корявые ползучие кустики сохранили какие-то воспоминания о воде. Несколько мгновений спустя Стефани стояла в пещере, которую освещала поставленная на ящик масляная лампа. Один молодой

человек с автоматом на плече стоял у входа, а двое других сидели на ящиках перед диктофоном. Головными уборами и пятнистой маскировочной формой они походили на палестинских боевиков ФАТХа, как они выглядят на фотографиях.

— Садитесь, мисс Хедрикс.

Станным образом успокоившись, она села на складной стул. Было что-то *настоящее*, подлинное в этих юных строгих лицах. Сама их молодость внушала доверие, как будто двуличие, цинизм и ловкие расчеты неизменно были плодом опыта и зрелости.

— Мисс Хедрикс, мы все трое являемся членами Комитета освобождения Раджада. Нынешнее правительство, как вам, возможно, известно, убрало с карты Хаддана само название «Раджад». Но мы намерены добиться независимости. Вот почему мы просим вас рассказать, что в точности произошло в самолете. Мы запишем ваши показания. Считаю необходимым уточнить, что в наши намерения не входит их немедленное использование. Ясно, что все это дело является провокацией со стороны нынешнего режима. Его цель — вызвать мятеж раджадских племен, чтобы затем приступить к его подавлению или, точнее, к геноциду... Мы не станем действовать, пока у нас не будет необходимого оружия. Но главное для нас — иметь в своем распоряжении ваше свидетельство, чтобы в нужный момент мобилизовать общественное мнение в арабском мире. Расскажите нам, пожалуйста, что вы видели.

— Хорошо.

Молодой человек включил диктофон.

Стефани говорила в течение получаса. Впервые она смогла полностью освободиться от ужаса, вспомнить все детали, не наталкиваясь при этом на неверие, на снисходительно-покровительственный вид, какой обычно принимают, общаясь с людьми, находящимися в состоянии психоза, и каждое произносимое

ею слово не только выслушивалось, но и записывалось как доказательство вины, опровергнуть которое невозможно. Она особо подчеркнула, какие усилия предприняли власти Хаддана, чтобы замять это дело, и какое давление они успешно применили в отношении Массимо дель Кампо, подкупив его и пригрозив ему, к тому же, тюрьмой за контрабанду наркотиков, а в заключение она сказала, что готова повторить эти показания перед самыми высокими инстанциями, перед Комиссией по правам человека при ООН, всюду, где потребуется. Виновные должны быть наказаны, их гнусные преступления должны быть внесены в реестр зверств, совершенных политическими фанатиками, и преданы огласке.

Ей было не остановиться. Ее наконец-то слушали с пониманием, и внутреннее напряжение, не спадавшее в течение всех этих дней, наполненных тревогой, яростью и недовольством собой, превращалось в поток слов, в лихорадочную говорливость, сулившую избавление, освобождение...

— Почему, по-вашему, вам в отель принесли эти головы? И чья это была инициатива?

— Не знаю. Может, это сѐмьи...

— Нет. Им сказали, что после пожара тела опознать невозможно. Для чего их подложили к вам в номер?

— Чтобы я обо всем рассказала. Чтобы я выступила свидетельницей. Чтобы у меня в руках были доказательства, и чтобы я помогла правде зазвучать в полный голос...

— С какой целью?

Молодой человек выключил диктофон.

— Ради справедливости и человеколюбия, — веско проговорила Стефани, и сама себя укорила за некоторую напыщенность.

Молодой человек, сидевший по другую сторону от диктофона, с грустью взглянул на нее.

— Не думаю, мисс Хедрикс. Я полагаю, что люди, подкинувшие вам эти головы, и есть убийцы. Провокаторы... Чтобы провокация удалась, им было необходимо ваше участие. Сами того не зная — и поверьте, мы не можем вас за это порицать, — вы с самого начала помогли им...

Глаза Стефани расширились. Она чувствовала, что сбилась с пути, потерялась, вконец запуталась. Эти трое молодых людей — заклятые враги правительства Хаддана. Между тем, они, кажется, отрицают причастность к этому делу официальных властей...

— Я не понимаю...

— Здесь нет ничего сложного. Как известно, правительство стремится вызвать мятеж в провинции Раджад, чтобы нас истребить. Это понятно. Правда, надо учитывать, что оно рискует тем самым спровоцировать военное вмешательство соседних стран... Но если бы правительство состряпало это дело с целью провокации, оно бы не стремилось замять его, совсем наоборот...

— Это верно, — сказала Стефани.

— *Между тем, как вы сами заявили, они использовали все средства давления, чтобы помешать обоим свидетелям заговорить...* В этом есть очевидное противоречие.

Стефани молчала. Этот молодой человек со спокойным печальным лицом, с автоматом на коленях, освещенный желтым светом масляной лампы, что отбрасывала ему на спину его же собственную гигантскую тень, явно умел мыслить логически и, похоже, не склонен был верить чужим выдумкам...

— Вряд ли это преступление было совершено по инициативе хадданского правительства, — сказал он. — И пусть даже в наших собственных рядах нет недостатка в фанатиках и в отчаявшихся, готовых на все людях, не думаю, чтобы кто-то из наших организовал эту зверскую провокацию в надежде разжечь

пожар, который затем принесет нам независимость. Это дело, как вы его описали, требовало тщательной подготовки, большого количества участников и того, что я бы назвал техничностью исполнения, которая попросту не совместима с нынешним уровнем нашей партизанской войны и доступных нам средств. И, наконец...

Он говорил с замечательной легкостью. Наверное, он учился в Америке, подумала Стефани, и тотчас же упрекнула себя за эту мысль, лестную для американской культуры и обидную для университетов Ближнего Востока, и потому недопустимо высокомерную...

— И, наконец, пропали пятеро видных политических деятелей, ну, вернее, высокопоставленных чиновников и дипломатов Хаддана. Это люди правительства и его верные служители. Вряд ли они где-то прячутся. Так что, вероятно, их тоже убили и закопали в пустыне, чтобы создать впечатление, что они соучастники. Хасаниты не стали бы убивать своих собственных друзей, детей, братьев и коллег единственно для того, чтобы состряпать провокацию... Вы над этим размышляли?

— Я... я не знаю, осознаете ли вы, что мне пришлось пережить, — проговорила Стефани, пожалуй, излишне повысив голос, отчего он прозвучал пронзительно и жалобно.

Она взяла себя в руки.

— Если вы думаете, что все эти события, дождь из голов и похищение среди ночи способствуют ясности ума и здравому мышлению...

Впервые на лице молодого человека мелькнула тень улыбки.

— Понимаю. Прекрасно понимаю. Но ваше свидетельство для нас очень ценно... Ибо у нас имеются свои соображения относительно всех этих событий...

Он прервал свою речь. Его взгляд блуждал где-то за спиной у Стефани. Она обернулась. В отверстии вхо-

да в пещеру вырисовывался профиль господина Харкисса, курившего свою манильскую сигару на фоне звезд.

— Из-за этой истории цены на оружие в регионе подскочили на сто процентов — а нет такой страны в зоне Персидского залива, которая не участвовала бы в торгах в Дубае... Соединенные Штаты, Франция и Швейцария просят три месяца на доставку — а я напоминаю вам, что Суэцкий канал закрыт... Единственный поставщик, который находится прямо на месте, называется «Талликот тул компани»: она зарегистрирована в Кейптауне и тридцать два ее судна готовы мгновенно доставить груз тому, кто предложит больше...

Он пожал плечами.

— Ну, это всего лишь гипотезы. Мы проясним это дело. А пока...

Он встал и достал из диктофона кассету.

— Мы бережно сохраним ваше свидетельство. Придет время, и оно ляжет тяжким грузом на чашу весов...

Стефани осознала, что продолжает сидеть в ожидании приказа. Она встала.

— А что будет со мной?

— Эти господа сейчас отвезут вас обратно во дворец в Сиди-Барани. Если увидите юного принца, передайте ему дружеский привет от Талата...

— И Шахди, — произнес его усатый спутник, заговоривший в первый и в последний раз.

— Мы когда-то были друзьями, — добавил Талат.

Третий раджадец ничего не говорил. Он сидел на земле, держа на коленях автомат. Крестьянин, подумала Стефани. Он не посещал тех же школ, что и двое других.

Стефани подошла и пожалала им руки. Она просто не могла уйти, не сделав этого. Она уже чувствовала, что независимый Раджад станет прекрасной и гордой стра-

ной, и была почти готова в нужный срок отправиться туда, чтобы работать в киббуце — ну, в общем, в арабском эквиваленте израильских киббуцев. Эти мелкие различия не имеют значения, главное — это добрая воля. Она подтянула ремень, который ей завязали на бедрах, чуть повыше к талии, что превращало его в пояс. Одеядо доходило ей до пяток, и она была вынуждена следить, чтобы грудь не вылезала наружу, но с узкой полоской кожи вокруг поясницы она казалась почти что одетой. Она вспомнила выражение из «Вз-ер»: «Тело Стефани Хедрикс — величайший кутюрье на свете».

Она шагнула к выходу из пещеры. Камни и песок у нее под ногами хранили тепло, но воздух был холодным и сухим, и небо, усеянное мириадами звезд, накрывало пустыню своим бескрайним пологом. Порой по его черной глади скатывался метеор и, как и полагалось, вспыхивал в синих окрестностях земли.

— Осторожно, мисс Хедрикс. Здесь есть острые камни...

Харкисс протянул ей руку и учтиво поддержал ее... Она высвободилась. Слева она увидела его спутника, светловолосого и тяжеловесного, с отвратительными ляжками, выпиравшими из шорт; он вставал, зевая и держа автомат под мышкой. Похоже, он славно вздремнул.

Она сделала шаг в направлении «лендровера», и в тот же миг у нее за спиной раздалась автоматная очередь.

Она обернулась с коротким криком, приглушенным самым ее страхом.

Тот, который называл себя Харкиссом, и тот, который называл себя Раулем, выпускали последние пули в тела трех шахиров. Они не оставили тем ни единого шанса, они ничем не рисковали. Они разом, дружно повернулись и разрядили свои автоматы тремя короткими очередями, точными и профессиональными.

Когда Стефани обернулась, трое молодых людей уже были мертвы.

Убийцы дали еще по короткой очереди, вероятно, для надежности.

Харкисс наклонился, взял кассету с пленкой и аккуратно положил в карман своей куртки. Одна из пуль попала в масляную лампу, и свет трепыхался, как пригвожденный к стене желтый зверь.

Чтобы не упасть, Стефани оперлась о каменную стену. Харкисс вернулся к ней и взял ее под руку.

— Ну что, снова волнения? А что вы хотите, так надо... Тут затронуты крупные интересы...

Он подмигнул ей.

— Наши!

Сжимая ей руку, он подталкивал ее к «лендроверу». Его спутник уже сидел за рулем.

Харкисс подхватил ее на руки и бросил на заднее сиденье. Стефани ударилась головой о приклад пулемета. Однако сознание она потеряла не от удара, а от ужаса...

От двухчасовой гонки от Тевзы до оазиса у Руссо в памяти остались лишь смертельная ненависть и хаос, и звуковой, и зрительный, в котором визг покрышек и тормозов и свет фар так тесно смешивались с внутренним громом, с отчаянием и с абсолютным, слепым желанием *не верить в это*, что он даже сам порой не понимал, ревет ли это двигатель или этот рев вырывается из него самого... Он добрался до Сиди-Барани меньше чем за два часа и в ярости влетел на своем джипе на первые ступени дворца.

Дворец был залит светом, и Али Рахман, в джинсах и с автоматом в руках, уже бежал ему навстречу в ослепляющем свете фар. Позади него виднелось несколько вооруженных людей, в том числе милая старая нянюшка с руками душителя, та, которой не хватало трех голов, и Руссо захотелось отправить ее в мир иной, откуда она и явилась...

— Где она?

— Не знаю... ее нет во дворце... мы всюду искали... по-моему... по-моему...

В голосе претендента на трон слышались слезы...

— Думаю, ее похитили...

— Ах, вы думаете? А как же пресловутые патрули начальника полиции, этого вашего друга и будущего премьер-министра?

Али Рахман уставился на него в остолбенении.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать...

— Надо же! А ведь вы, по-моему, учились в Оксфорде...

Руссо сдерживал себя, чтобы не схватить принца за шиворот.

— А скажите-ка мне, принц, как вы узнали, что ее нет во дворце? Предчувствие? Или арабский телефон?

Юноша с трудом сдерживал слезы.

— Прошу вас, сэр... Я поставил слугу у ее двери... На тот случай, если ей что-нибудь понадобится... Это традиция... Когда другой слуга пришел его сменить, то обнаружил его задушенным...

Руссо запрыгнул в джип и задним ходом скатился с лестницы. Али Рахман вцепился в дверцу.

— Позвольте мне поехать с вами... Я превосходный стрелок, и...

— Да пошли вы! У меня нет никакого желания получить пулю в спину!

Он пересек парк, остановился и принялся внимательно изучать почву. Впрочем, тут все было совершенно ясно. Имелось всего лишь два пути: дорога на Тевзу, по которой он только что приехал, и дорога без покрытия, которая вела к соляной пустыне и горам Раджада. А луна светила достаточно ярко, чтобы разглядеть на этой дороге свежие следы колес...

У него ушло сорок минут на то, чтобы преодолеть расстояние между оазисом и соляной пустыней. Местами дорога была засыпана песком; порой она пропадала в щебне, и приходилось ее искать. Отсюда тоже было два возможных пути: горы на севере и Саудовская Аравия на западе. К счастью, следы колес вели в направлении Раджада. Стрелка индикатора топлива приближалась к нулю. Руссо покинул зону лунного света и поставил джип позади одного из домов, в глубине призрачной улочки, которую, казалось, засыпал снег. Ему показалось, что он слышит рокот двигателя,

а у него не было никакого желания, чтобы его заметил один из «патрулей» господина Дараина. А точнее, он хотел быть уверен, что если таковой ему повстречается, он, Руссо, сможет открыть огонь первым, от души и предпочтительно сзади. Он заправил полный бак, долил масла, проверил и зарядил пулемет на капоте. В запасе имелось еще с полдюжины боекомплектов.

Он завинчивал пробку бензобака, когда снова услышал шум какой-то машины — та приближалась с потушенными фарами. На этот раз он был уверен, что не ошибается: урчание мотора все усиливалось. Господин Дараин не лгал, когда говорил, что его патрули бороздят пустыню: просто он не стал уточнять, в чем именно заключается их миссия... Руссо еще раз проверил оружие и стал ждать.

Когда она пришла в себя, «лендровер» уже подъезжал к соляной пустыне. Сбоку от нее насвистывал Харкисс. Ночь сияла во всем своем великолепии — песок, скалы, бело-голубые пятна света, которые наводили на мысль о льде, окаменевших водах и зеркалах.

Соляная пустыня, казалось, состояла из лунного вещества, и «лендровер» мчался по этому паковому льду без шума и без толчков...

— Не бросайте на меня убийственные взгляды, мисс Хедрикс, — попросил Харкисс. — У меня нет ни малейших сомнений в том, какие чувства вы ко мне испытываете. Эти молодые люди, как вы сами слышали, намеревались припрятать ваши свидетельские показания... Они обвиняли незнамо кого незнамо в какой провокации незнамо с какой целью... Так что пришлось их устранить. Этого требовала ситуация. А как я вам уже говорил, все определяет ситуация... Это прагматизм...

Он достал из кармана магнитофонную кассету и посмотрел на нее.

— Предмет большой ценности, мисс Хедрикс. Ваши показания — замечу мимоходом, что говорили вы на редкость ясно и точно, с чем я вас и поздравляю, — это бесценное сокровище. Если бы нам пришло в голову продать эту пленку тому, кто больше даст, — разумеется, это просто гипотеза, — полковник Каддафи

выложил бы миллион долларов за это доказательство беспримерной низости материалистического режима Хаддана, да и само правительство Хаддана дало бы за нее хорошую цену... Не говоря уже об Ираке, Саудовской Аравии, Иране... Уникальный шанс для двух идеалистов, уставших от беготни и вполне заслуживших немного покоя после тяжелых трудов на благо свободы и демократии...

Откинув голову назад, он, казалось, обращался к звездам.

«Лендровер» остановился.

— Здесь наши пути расходятся, мисс Хедрикс. Так что мы вас оставляем. Выходите из машины. Сюда приходят за солью караваны. Один из них обнаружит вас... вне всякого сомнения.

Она вышла.

В своих заявлениях, сделанных после возвращения в Нью-Йорк, Стефани умолчала о том, что она назовет позднее «своими последними мгновеньями», потому что ей и самой случалось сомневаться в их реальности. Пытаясь воссоздать эти нескончаемые секунды, которые казались схваченными и остановленными в измерении совсем ином, нежели собственно измерение времени, она вспоминала главным образом ощущение необычности и странное отсутствие себя самой. «Не знаю, в чем тут дело, в моей ли профессии, в привычке, что выработалась у меня с пятнадцати лет — часами и даже целыми днями разгуливать среди бредовых декораций, рожденных воображением великих фотографов, или же мне на помощь пришел мой инстинкт самосохранения, чтобы не дать заорать от ужаса и сойти с ума... Но внезапно мне в голову закралась мысль — я отчетливо ее помню, потому что это была единственная связная мысль, которой удалось проложить путь к моему сознанию, — что это Бобо устроил всю эту мизансцену и что сейчас все закончится вспышками фотоаппаратов... А затем наступила

пустота, абсолютная пустота, та, которую намеренно устраивают в себе, чтобы спастись от страшного, и я поняла, что мне осталось жить лишь несколько секунд, потому что у этих людей есть мои показания, записанные на пленку, и я им больше не нужна, я свидетель совершенных ими убийств, которого ни в коем случае нельзя оставить в живых». «Этого требует ситуация. Поскольку все определяет ситуация... Это прагматизм...» Ей, наверное, никогда уже не забыть насмешливый голос, который вот так провозглашал свое кредо: в мире нет ничего святого...

Она вылезла из «лендровера», сделала несколько шагов по твердой и теплой почве, а затем повернулась лицом к пулемету, потому что ей не хотелось умирать, стоя к нему спиной. В течение долгих месяцев почти каждую ночь, а порой и среди бела дня она без конца будет заново переживать эти секунды, и ей даже будет казаться, что она находит в этом удовольствие, потому что они придают жизни особую яркость и остроту. Но журналистам она тогда сказала только: «Да, разумеется, я ждала, что меня убьют...» А затем, вернувшись домой, заперев двери на двойной оборот ключа и растянувшись на постели, она будет тщетно убеждать себя, что она действительно здесь, в своем пентхаузе на Манхеттене, а не там, — и ей все будет казаться, что здесь какой-то другой человек, а настоящая Стефани лежит, прошитая пулями, в голубой пустыне. Ей будет так отчетливо представляться, как та лежит, свернувшись клубком в рассыпчатой соли, в своем грубом шерстяном одеянии, опоясанном узким ремнем, и рыжая прядка прячется во впадинке на плече, точно пушистый зверек, разделивший ее судьбу, что она будет рыдать, охваченная жалостью и нежностью к этой бедной девушке, которую когда-то так хорошо знала... Собственно, она переживала «запоздалый шок», как сказал ее врач. Ну а пока она испытывала одно чувство — будто она очень медленно плывет в каком-то

затонувшем голубом мире, как бы попав в гигантскую сверкающую паутину неба, которое удерживает ее в своем сиянии. Соляная пустыня с ее полярной белизной и мертвой деревней, ее улочками и хрустальными стенами вызывала в памяти сухой лед, рассыпанный на пластиковых елях в студиях на Мэдисон-авеню, где, одетая в меха, она позировала в декорациях Крайнего Севера. Нервное истощение, из-за которого в ней уже почти не осталось жизни и сознания, чтобы бояться, сделало ее «последние мгновенья» совершенно ирреальными, и внезапно она очень отчетливо услышала голос Бобо, который шептал: «Выставь вперед ногу, дорогая. Приподними голову. Ты должна выглядеть величавой, царственной, презрительной... Мессалина! Феодора Византийская! Царица Савская! На лице вызов... Вот так, прекрасно, замри...» Ей казалось, будто она позирует для фотографии своей собственной смерти.

Первая пулеметная очередь не задела ее. Зато оказала неожиданное действие на державшего оружие Харкисса. Его резким рывком подбросило в воздух, раненный в спину водитель хрипло заорал, а «ленд-ровер» сорвался с места и заметался во все стороны, как огромное обезумевшее насекомое...

Из-за рывка машины Харкисса швырнуло на пулемет, он рухнул на него и остался лежать, как будто его пришили, недвижимый и нелепый... Раненный в спину водитель не сдавался и давил на газ, тем самым сообщая машине судороги собственной агонии, казалось, этими беспорядочными, паническими рывками он пытается вытряхнуть из себя пули... «Это было необыкновенное зрелище», напишет позже Стефани, а затем, не без сожаления, зачеркнет эту фразу, щадя чувства читателя. Хотя попросивший ее написать «отчет» Хендерсон и велел изложить на бумаге все, что она чувствовала, ей показалось, что «необыкновенное зрелище» — не совсем подходящие слова для описания

мучительной агонии. Она неподвижно стояла в круге света, где продолжал свою безумную пляску «лендровер»: он то кружился на месте, то бросался вперед, затем резко поворачивал — им управляли конвульсии его водителя, которого еще несколько мгновений будут звать Раулем, и который пытался сейчас сбросить с плеч обнявшую его смерть...

Харкисс так и остался прищипленным к заднему пулемету, вероятно, он зацепился за него поясным ремнем, его безжизненные руки болтались, как у марионетки, будто он дирижировал невидимым оркестром. Голова и шея легли поперек ствола — и порой он, видимо, нажимал своей тяжестью на курок, от чего пулемет каждый раз посылал очередь ему под подбородок. «Результат был в высшей степени поучительным, — писала Стефани, — потому что каждый раз казалось, будто Харкисс одобрительно кивает головой, чтобы подтвердить, что в общем-то заслужил такую участь... Он был убит наповал — его прошло еще первой очередью; его спутник агонизировал за рулем, и казалось, что последние остатки его жизни вобрал в себя „лендровер“. Машина *отбивалась* — другого слова тут не подобрать — корчась от боли, бросаясь во все стороны, пытаясь вырваться из когтей смерти, которая устроилась у нее на спине... Мне показалось, что машина сейчас перевернется и засучит лапками, как подышающее насекомое. Но в этот же момент я начала оживать, думать, бояться... Когда раздались, а затем смолкли две первые короткие и яростные пулеметные очереди, когда „лендровер“ вздыбился и проскочил рядом со мной, близко-близко, то моим первым осознанным движением было оглядеться, посмотреть себе под ноги на сверкающую белизной почву, где каждая крупинка соли упивалась небесным светом, и поискать там... да, именно так, и мне ничего с этим не поделать: я искала свое собственное тело, место, куда оно упало. Я, конечно, была уверена, что стрелял Харкисс и

стрелял в меня. Возможно, так и выглядит смерть: после внезапного физического исчезновения вашего тела и ваших чувств остается тень сознания... Из небытия меня вернул грохот лишенной жизни „лендровера“, который продолжал на замкнутом соляном пространстве слепую пляску опаленного насекомого...»

И тут она увидела, как из того, что когда-то было деревенской улочкой, выскочил джип, узнала человека за рулем, и все дальнейшее было лишь внутренним хаосом, в котором все терялось в шумном грохоте вновь обретенной жизни...

От ярости Руссо хотелось схватить водителя «лендровера» и обогатить его последние секунды несколькими новыми ощущениями. Умиравшие порой ошибочно полагают, что им больше нечего бояться, и его подмывало вывести мерзавца из этого заблуждения...

За всю свою бурную двадцатилетнюю карьеру он еще ни разу не испытывал столь дикой злобы и убийственной ярости. В этом уже не было ничего профессионального: это было... *нравственное*. Позднее он сказал Стефани, что в тот момент он охотно согласился бы пойти на, как он выразился, высшую жертву, то есть отдать свое жалованье за десять лет со всеми премиями, за возможность объясниться с кем-нибудь из людей Берша с клещами в руках...

Ему не удалось удовлетворить столь естественную потребность. Держа одну руку на курке пулемета, а другую на руле, он медленно кружил вокруг «лендровера», целясь в покрышки, чтобы заставить машину замереть на месте...

Но он быстро убедился, что этот умирающий не из тех, кого близость конца побуждает к смирению. «Лендровер» казался настоящим воплощением животной ненависти и раз за разом произвольно, в конвульсиях, наставлял на Руссо свое черное жало... Внезапно вдребезги разлетелось под пулями лобовое стекло джипа. С двадцати метров Руссо отчетливо

видел человека, который на девять десятых был уже трупом, но держался за жизнь с помощью этой одной десятой ненависти...

Руссо не был склонен к порывам воображения — они мешают действовать, и поэтому их лучше отложить до старости, когда приятно будет заполнять пустые часы мирной отставки захватывающими воспоминаниями. Но когда новый град пуль застучал по капоту джипа, хотя человек за рулем и выглядел мертвым, у Руссо возникло ощущение, будто бой продолжает сам стальной зверь, вобравший в себя смертельную ярость своего водителя... Руссо затормозил, отпустил руль, встал, подпустил «лендровер» поближе и, тщательно прицелившись в канистры с бензином, нажал на курок.

Машина разом вспыхнула, но не прервала своего бега. То, что за этим последовало, напомнило ему случай из детства: в Луизиане, в bayou¹ гадкие сорванцы облили собаку бензином и подожгли... В течение нескончаемой минуты объятые пламенем животное продолжало вслепую метаться, как живой костер. Руссо испытал мучительный прилив жалости, но он был обращен единственно к собаке из его детства, которая сгорела у него на глазах и которую ему не удалось спасти. Впрочем, муки человека за рулем, исчезнувшего в ярком пламени, тоже пробудили в нем некоторые сожаления: он пожалел, что они длились недостаточно долго... Впечатление как от халтурно выполненной работы.

Внезапно «лендровер» взорвался снопом искр, и стальной остов, с которого языки пламени продолжали слизывать последние следы бензина, застыл, наставив свое жало на Млечный Путь...

Руссо снова уселся за руль и медленно двинулся назад к Стефани.

Теперь тишина удивляла безмятежным покоем. Догоравший «лендровер», казалось, уже занял свое

¹ Название старицы реки на диалекте штата Луизиана.

место в незыблемом мире, где отныне его каркасом будут заниматься геологические эпохи.

Руссо вылез из джипа. Это был такой миг, когда каждое слово несет на себе печать незначительности, банальности, когда словарный запас делается увечным и ненужным, и когда одно лишь молчание становится носителем смысла...

Он бережно обнял молодую женщину, и она, рыдая, уткнулась ему в плечо. Он погрузился губами в переплетение рыжих волос и так открыл в себе самом мягкость и нежность, на которые, казалось, не был способен. Двадцати годам «ремесла», в котором суровость и холодность являются условием выживания, не удалось лишить его человечности. Он улыбнулся. Похоже, он потерпел поражение... Не любить, не мечтать, не ждать больше... жить, как приказывает время, выполнять порученные тебе задания, сведя до минимума долю иллюзий... Но было невозможно ощущать в своих руках эти хрупкие подрагивающие плечи, а под своими губами — эту нежную кожу, и при этом не пересмотреть все «непоколебимые» основания стоицизма, одиночества и иронии...

Он бросил взгляд на стальной каркас, который долизывали языки пламени. Если у нас и есть будущее, то оно будет всем обязано женскому началу, подумал он, и эта мысль была столь чуждой его обычной природе, что можно было вообразить, что этот новый мир уже родился.

Она стала рассказывать:

— Меня похитили среди ночи и увезли в горы... трое молодых людей из Комитета освобождения Раджада расспрашивали меня в пещере об истории с самолетом... они записали мои показания на пленку... они такие славные... после чего те двое, что меня похитили, прикончили этих бедных мальчиков из автоматов... они забрали кассету... сказали, что она стоит больших денег... они намеревались продать ее Ливии или даже

правительству Хаддана... собирались пристрелить меня, потому что я была свидетелем... свидетелем...

Слова и воспоминания заставили ее вновь с такой силой пережить тот ужас, что она задрожала всем телом. Он сжал ее в объятиях, стремясь дать иллюзию убежища. Она говорила, не переставая, стараясь через поток слов освободиться от внутреннего напряжения, но это привело лишь к тому, что пережитые ею мгновения возродились с почти зримой силой. Но на этот раз единственным результатом возвращения страшного стало то, что у нее задрожал голос... Когда она снова подняла к нему лицо и рукой отвела с него волосы, Руссо не обнаружил на нем ни единой приметы растерянности, беспомощности, внутреннего краха, а ведь мужское начало даже подталкивало его искать их, дабы придать большую ценность и больший смысл его покровительственным объятиям... Он никогда еще не видел, чтобы женщина была так решительно настроена не сдаваться и с таким полным пренебрежением относилась к своим нервам, своей физической и психической хрупкости...

— Почему они это сделали? Почему они их убили?

— Послушайте, если запись с вашими показаниями прозвучит на «Радио-Триполи» или «Радио Багдад», этого будет достаточно, чтобы весь регион взялся за оружие...

— Но они как раз и не хотели этого! — воскликнула она. — Они почувствовали в этом провокацию... они сказали мне, что они не готовы, что у них нет оружия... Погодите, я забыла самое главное... *они мне сказали, что не верят в это...* Да, у них были сомнения... Они выслушали мои показания и ни на миг в них не усомнились, а потом совершенно спокойно сказали, что не верят, что эту резню в самолете организовало правительство Хаддана... А ведь это революционеры, боевики, готовые на все, чтобы вырвать у Хаддана свою независимость... Как курды в Ираке... По их мне-

нию, инициатором этих зверств была не «правлящая клика Хаддана», как они ее называют... Но тогда кто же? Кто?

Она отстранилась, чтобы лучше его видеть, и Руссо почувствовал почти физическую утрату, как если бы с концом объятия он стал вполтину меньше.

Он долго вдыхал воздух, и ему удалось забрать у ночи и у звезд немного прохлады.

— Сейчас не самый удачный момент, чтобы пытаться распутать этот клубок змей, — сказал он. — Политика в зоне Персидского залива не потеряет ничего из своей красоты, если подождет, а вот вы нуждаетесь в отдыхе...

— Почему этих молодых людей убили?

Руссо устало пожал плечами.

— Потому что они отказались играть на руку провокаторам, — сказал он. — В их безотлагательной смерти отчасти были заинтересованы и сами убийцы. Они вам так и сказали. Запись с вашими показаниями легко можно продать за полмиллиона долларов. Я думаю, что даже правительство Хаддана уступило бы шантажу и выкупило эту пленку... Вам нужно объяснение? Вот уже две недели, как стоимость оружия в этой части мира — при условии срочной поставки — возросла на сорок процентов. Я говорю: *при условии срочной поставки*, а это означает — «Талликот тул компани», чьи грузовые суда стоят наготове, буквально набитые чехословацким оружием. Закупки уже начались. Для *долгосрочных* сделок — от шести недель до трех месяцев — перспективы тоже неплохие... Если вы взглянете на список вновь прибывших в гостинице «Метрополь», то увидите весьма известные имена представителей французских, американских и бельгийских производителей оружия. Эти люди всегда тут как тут, когда в воздухе пахнет падалью... Но я вам скажу другое. «Талликот тул компани» могущественна, но не всемогуща. Так что я считаю, что есть

кое-что посильнее Берша и его замечательной организации...

Внезапно он заметил, что в ночном небе блуждают лучи, и что звезды тут совсем ни при чем. Он обернулся. Две дюжины источников света продвигались по прямой через пустыню, обшаривая пространство единственным глазом своих прожекторов.

— Эти мерзавцы считают, что они тут на маневрах, — сказал он. — В столице, наверное, не осталось ни одного броневедомокола...

Он повернулся к Стефани с улыбкой.

— В ваших интересах потерять сознание, — сказал он ей. — А не то вам придется провести ночь за подробным рассказом обо всем, что произошло, причем беседовать с вами будут согласно правилам проведения допросов офицеры разведки. У вас будет право лишь на чашку кофе время от времени. По-моему, вам сам Бог велел грохнуться в обморок...

Она тоже впервые улыбнулась и покачала головой.

— У меня очень развит инстинкт самосохранения, — сказала она. — И я знаю, что лучший способ остаться в живых — это сказать все, чтобы больше не было смысла убирать меня ради моего молчания. Так что я теперь стану самой болтливой девушкой после Шахерезады. Я не хочу больше молчать, друг мой. Я собираюсь застраховать свою жизнь от насильственной смерти, рассказывая всякому, кто захочет меня слушать, все, что знаю, и все, что видела. И я буду продолжать это делать и по возвращении в Америку в надежде, что снабжу торговцев оружием приятным и занимательным чтением. Хотя у меня, разумеется, нет никакой надежды что-либо изменить или помешать их деятельности...

Руссо бросил взгляд на линию прожекторов на горизонте. Десять, пятнадцать минут... Он вдохнул побольше воздуха. Оставалось сделать самое трудное: на-

звать Стефани свою настоящую фамилию, имя и должность... Момент был лучше некуда: даже если взять в расчет — предосторожности ради — ее ирландский темперамент, у Стефани уже не должно было остаться энергии на слишком бурное негодование... Это был правильный расчет, и когда Руссо закончил свою исповедь, он поздравил себя с хорошей игрой. Проектора были уже близко, но тени и времени оставалось еще ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы перейти к более нежным признаниям.

Ночь уже шла на убыль, когда броневые автомобили «мобильной группы» — так сэр Давид Мандахар гордо называл моторизованный отряд сил безопасности — остановились перед белыми руинами Бахра. Машины образовали вокруг пары идеальный полукруг. Сам сэр Давид Мандахар ехал в командирской машине — command-car, и на фоне начавшего светлеть неба, на котором еще мерцали звезды, его силуэт вырисовывался даже над радиоантенной. Он спрыгнул на землю — а за ним и господин Дараин — и направился с распростертыми объятиями к Стефани.

— Ах, дитя мое! — пробасил он, топорща от волнения усы и бороду, и Руссо решил, что прозвищем «горный вепрь» пуштун обязан своему волосяному покрову никак не меньше, чем своей храбрости. — Ах, дитя мое! Если бы с вами что-нибудь случилось...

Он не стал продолжать, предоставляя многоточию нарисовать в воображении каждого всевозможные напасти: землетрясения, извержения вулканов, цунами и конец света, — которые бы он, не колеблясь, вызвал, если бы с мисс Стефани Хедрикс случилось несчастье. Он поспешно сжал ее в объятиях, как бы расставив знаки жестикуляционной пунктуации в ощущаемом им волнении, и повернулся к Руссо.

— Вы славно потрудились, друг мой, если судить по этому каркасу и двум трупам...

Он указал тростью в направлении догоревшего «лендровера».

Господин Дараин почтительно держался в нескольких шагах позади него, настолько бледный и даже мертвенно-бледный, насколько это позволяли последние тени ночи. На заднем сиденье командирской машины обнаружился лакей, секретарь, советник или просто тень министра внутренних дел, появившаяся в его окружении двумя месяцами раньше; он был одет в серый костюм из ткани-лапчатки, который красноречиво провозглашал отказ и английской шерсти, и владельца костюма подчиняться требованиям климата и широт. Руссо никогда не видел ничего более неуместного, чем этот жилет канареечного цвета, эти перчатки и шляпа-котелок посреди пустыни между Меккой и Оманом.

Солдаты выключили прожектора.

— Мне очень повезло, — сказал Руссо. — Я остановился, чтобы долить топлива, и...

— Капитально! Капитально! — воскликнул сэр Давид Мандахар, дружески хлопнув его по плечу. — Но для начала давайте подкрепимся...

В мгновение ока на земле расстелили ковер, и Стефани увидела, как на том самом месте, где она едва не рассталась с жизнью, появились фуа-гра из Перигора, фазан в желе, икра и множество других деликатесов... Так ужас и смерть с величайшей обходительностью обернулись гастрономической феерией, а солдаты и «личная гвардия» министра внутренних дел с той же быстротой и с той же услужливостью превратились в неплохо вышколенную прислугу. Прямо пикник, подумала Стефани с чем-то вроде смиренного изумления. У нее уже не было сил возмущаться, реагировать; все стало безразлично; все казалось смутным, ирреальным, странным — все было *в другом месте*... На ее подрагивавшие плечи набросили кашемировую шаль. В горле образовался комок и уже не хотел исчезать...

Сэр Давид Мандахар устроился напротив нее — за ним, метрах в тридцати, возвышался каркас «лендровера» с двумя черными трупами, который, казалось, придвигался все ближе и ближе по мере того, как рассветало. Искореженное железо еще дымилось, и утренний ветер с гор доносил до них запах горелого. Слева от нее спасший ее мужчина спокойно погружал руки в плоть жареного барана; прошедшая ночь не оставила никаких следов усталости на его лице; когда их взгляды встречались, он улыбался — оказывается, даже столь суровое лицо может быть способно на столь дружескую улыбку. Нет, слово «дружеская» не годилось — слово «нежная» подходило куда лучше... Икра и еще икра — она ведь где-то слышала, что Хаддан получает поддержку от Ирана. Похоже, эта пресловутая «материальная помощь», вызывавшая негодование Триполи и Багдада, поступала главным образом в виде икры...

— Попробуйте этого местного напитка, дитя мое, — прогремел Мандахар, протягивая ей бокал с розовой шипучей жидкостью. — Он делается по специальным рецептам из перебродившего молока верблюдицы...

Он подмигнул ей, поднося свой бокал к губам. Стефани выпила: это было шампанское. Небосвод над ними мало-помалу терял свой жемчужный блеск, и тонкий полумесяц еще больше побледнел от этого оскорбления, нанесенного вере пророка. Господин Дараин воздержался от участия в импровизированном завтраке, который напоминал одновременно отель «Ритц» и ковры-самолеты. Господин Дараин уже успел порыться в сгоревшем «лендровере» и теперь держался немного поодаль, позади своего министра; время от времени он доставал из рукава носовой платок, которым затем забывал воспользоваться. Его полицейскую душу, видимо, терзали всевозможные вопросы; вид у него был расстроенный; Стефани порой бросала в его сторону благодарный взгляд, так как он единственный

из всех, похоже, осознал, какой была пережитая ею ночь.

Барона Хау-Хау обслужили в command-car; солдат в тюрбане поставил ему на колени поднос с едой, и барон приступил к ее вкушению, держась очень прямо, слегка разведя локти в стороны и демонстрируя манеры, достойные дамского чаепития в Хэмптон-Корте¹. Порой он протягивал свой бокал, и свирепый воин, превратившийся в официанта, наливал ему немного «местного напитка». Стефани, пощипывая гроздь винограда, не сводила глаз с совершенно невыразительного лица этого джентльмена, с его голубых фарфоровых глаз, которые, похоже, лишились подвижности вследствие какого-то внутреннего катаклизма. Посольство Великобритании так и не смогло получить из Лондона хоть какие-то сведения на его счет. А Хендерсон как-то сказал Стефани с улыбкой, что столь непроницаемый персонаж может заниматься лишь одним: представлять в Персидском заливе швейцарские банки с их секретными счетами...

— Он здесь давно? — сухо спросила она Мандахара.

— Уже несколько месяцев, — сказал министр, поставив на ковер свой бокал с «молоком верблюдицы». — Я нашел его в «Хэрродзе»², в Лондоне... Ха! Ха! Ха!

Стефани чуть было не поинтересовалась у министра, почему нынче в дорогих магазинах такие типы.

— Это подлинный лорд, у него есть соответствующие документы. Очень живописный тип, не так ли? Мы всецело преданы демократии, но в культурных и воспитательных целях сохраняем приметы прошлого: предметы и мебель викторианской эпохи и все такое прочее... Когда-то я был простым солдатом в британ-

¹ Королевский дворец с парком на берегу Темзы близ Лондона.

² Один из самых дорогих магазинов Лондона.

ской колониальной армии — в шестнадцать лет за-
вербовался к гуркам¹ — и мне приятно иметь в своем
окружении настоящего английского лорда, который
напоминает мне о том, что демократия и независи-
мость могут сделать для ребенка из народа...

Стефани взглянула на барона с внезапным прили-
вом симпатии. Это был, вероятно, скромный жулик,
который открыл новый способ жить на содержании в
удобстве и роскоши, делая ставку на мелкое тщеславие
бывших колонизированных. Словом, он продолжал па-
разитировать на колониях.

— Да, я одеваюсь в Лондоне, — сказал сэр Давид
Мандахар, бросив на английского аристократа взгляд,
какой гордый владелец мог бы бросить на королевско-
го пуделя с безупречной родословной.

Господину Дараину не сиделось на месте. Он подо-
шел к Мандахару, почтительно наклонился и шепнул
ему на ухо несколько слов.

— Верно, верно! — пробурчал министр. — Не мог-
ли бы вы, мисс Хедрикс, поведать о том, что произош-
ло? Я полагаю, произошло немало, если судить по двум
трупам... И потом, малыш Али Рахман — он тоже хотел
сюда приехать, но я ему помешал, не нужно, чтобы его
примешивали ко всему этому, — да, юный Али Рах-
ман утверждает, что вас похитили посреди ночи...

Силы Стефани были на исходе, а изнурение и спад
нервного напряжения действовали как наркотик. Она
с трудом подбирала слова, мысли не складывались во
фразы, и ей приходилось делать почти физическое уси-
лие, будто бы поднимать слоги на большую высоту, —
у нее было такое ощущение, что она говорит вручную...
«Да, в каком-то смысле это был ручной труд, приходи-
лось рыть, собирать, вытаскивать из глубины, бросать
наверх — настоящая работа по выемке слов».

¹ Британские армейские формирования из непальского пле-
мени гурков.

В рассказе, который она записала по настойчивой просьбе Хендерсона, она отмечала: «Мне думается, никогда прежде я не говорила так много, как в ту ночь и в последующие дни... По-моему, я десять-двадцать раз возвращалась ко всем этим подробностям... Но не только потому, что меня расспрашивали — полиция, правительство, мне пришлось встретиться с четырьмя или пятью министрами, да и с вами, Тед... Я знала, что как только я все расскажу, моей жизни уже ничего не будет угрожать... Я перестану быть единственным свидетелем, исчезновение которого будет означать также и исчезновение истины... В общем, я была Шахерезадой из сказок „Тысячи и одной ночи“, этой бедной девушкой, которая должна была говорить без остановки из страха, что ей перережут горло. Я еще никогда в жизни не испытывала такой усталости, но я не опустила ни одной детали, и я даже думаю, что физическая усталость и нервное истощение в некотором роде поддерживали меня. Под этим я подразумеваю то, что я уже ни на что не реагировала, усталость уже исчерпала нервные источники, где рождаются эмоции, так что я смогла прожить заново — минута за минутой и час за часом — события той ночи, не испытывая при этом былого ужаса. Словом, я могла говорить спокойно, и помню, что когда я закончила, к небу уже вернулись его краски, а это всегда миг облегчения, эти спокойные утра, ощущение освобождения, как будто с вами больше уже ничего не случится...»

Едва она умолкла, как сэр Давид Мандахар повернулся к Дараину и принялся осыпать его оскорблениями. Она не понимала ни слова, но ярость, заставлявшая дрожать кончики его усов, две жилы, вздувшиеся посередине лба, и взгляд, в котором сверкал убийственный гнев, не оставляли никаких сомнений относительно сути его речи. Господин Дараин перенес эту грозу с благодушием человека, уже давно привыкшего играть роль громоотвода.

— Невероятно! — принялся негодовать затем сэр Давид Мандахар по-английски, повернувшись к Стефани. — Наши горы буквально начинены маоистскими провокаторами и агентами саудовского феодализма... Я потребовал, чтобы границы держали на замке, но армия мне ответила, что у них недостаточно легкового транспорта... Великие державы намеренно отказывают нам в оружии, чтобы держать нас в своей власти... Но мы его раздобудем, будьте спокойны... Если потребуется, мы опустошим наши сундуки, но у нас в скором времени будет самая боеспособная армия во всем Арабском заливе...

— Думаю, у вас больше нет сомнений относительно того, что *на самом деле* произошло в самолете? — спросила Стефани.

— А у нас их никогда и не было! Нашим врагам нужен был предлог, чтобы вмешаться...

Предлог, подумала Стефани, задаваясь вопросом, правильно ли она расслышала.

— Я настаивал на том, чтобы сразу же рассказать правду, но что вы хотите, я ведь не все правительство!

У Стефани возникло странное ощущение — будто ее тело по-прежнему стягивают ремни, будто они давят на нее... *Это не кончилось...* Она услышала свой собственный голос, может, чересчур пронзительный, может, чересчур резкий, он говорил:

— Сколько колец делает удав, когда обвивается вокруг вас, чтобы задушить? Три? Четыре?

Она стала считать на пальцах:

— Погодите... самолет... тип, который шел за мной следом, чтобы убить... и сегодняшняя ночь... получается три...

Она почувствовала, как на ее руку легла чья-то рука, и в знак благодарности улыбнулась Руссо. Утро сияло, но этот покой казался ей обманчивым, как если бы свет дня был лишь маскировкой, сверкающим

покрывалом, ловко брошенным на реальность, остававшуюся угрожающей... Она искала поддержку и уверенность во взгляде Руссо и по его тревожной озабоченности поняла, что теряет контроль над собой. Она попыталась взять себя в руки и призвала на помощь маленькие хитрости своего ремесла, приняла беспечный и непринужденный вид в надежде прогнать страх. Если присмотреться, лицо сэра Давида Мандахара было лицом разбойника с афганских гор, при утреннем свете в его чертах проступили суровость и жестокость, которых никак не скрадывали даже учтивые манеры, приобретенные в английской армии. И уж меньше всего доверия внушала носатая физиономия господина Дараина, который беспрерывно парил вокруг своего министра, как гриф, которому не терпится полакомиться. Это лицо не годилось для рассвета и для сияния раннего, лучезарного утра. А кем был на самом деле тот странный персонаж в машине, этот барон, лорд или не знаю как его там, ничуть не менее безупречный в своем костюме с Савил-Роу¹ здесь, среди пустыни, чем кулуарах Уайтхолла² или в пункте взвешивания жокеев на последних дерби? Руссо помог ей подняться.

— Он ничего мне не объяснил, — пожаловалась она, пока они шли к джипу, и тут же умолкла, потрясенная своим осипшим голосом и тем, как неловко в нем соединялись слова, как будто звенья разорванной цепи.

— Я плохо представляю, что бы мог вам сказать Мандахар. Вы уличили их в слабости. Шахирские племена практически так же независимы, как и курды, — а это доказывает, что правительство не контролирует ситуацию в горах. Думаю, что этот пикник явился

¹ Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

² Резиденция английского правительства.

благородной попыткой сэра Давида Мандахара показать, что он готов встретить конец своей политической карьеры как джентльмен. Сигарета и стакан рома, которые полагаются приговоренному к смерти, только по классу «люкс»: икра, паштет из гусиной печени и шампанское... Из всех членов правительства он самый ярый противник предоставления шахирам независимости. Так что после случившегося его политическое положение...

Руссо пожал плечами.

— Думаю, через сорок восемь часов он подаст в отставку. Жаль. С такой физиономией он достоин представлять эту страну...

— Да, красивая голова, — пробормотала Стефани.

Они ехали уже с полчаса, когда облако пыли возвестило о двигавшейся им навстречу машине.

Это был «роллс-ройс».

За рулем сидел Али Рахман. Он резко развернул «Серебряное облако» поперек дороги, и стало ясно, что рулем и тормозами он пользуется не столько для того, чтобы управлять автомобилем, сколько для того, чтобы выражать свои чувства. Принц медленно вышел из машины и направился к ним, уставившись на Стефани, как на привидение.

— Господи, — пробормотал он. — Я был уверен, что они вас убили...

— Кто это «они»? — спросила Стефани.

Али Рахман покачал головой.

— Не знаю. Те, кто вас похитил... вероятно, ради выкупа... такое еще случается... даже на Западе... В Аргентине похитили директора «Фиата», и...

Он умолк. На нем были синие джинсы и американская рубашка из толстой шерстяной ткани в клетку.

— Приношу вам свои извинения от лица моей страны...

— Вы говорите по-французски, Али? — спросила Стефани.

— Я знаю всего лишь несколько слов...

— Тогда *merde, merde* и еще раз *merde* ваши извинения! — бросила ему Стефани. — Никогда еще не видела таких учтивых бандитов и мерзавцев, как здешние...

Она умолкла. Мурад сидел на заднем сиденье «Серебряного облака», и большей странности с «роллс-ройсом», видимо, еще никогда не приключалось. Эта гигантская мумия с голым черепом и пожелтевшим, как древнейшие папирусы, лицом, словно восставшая из гробницы фараона и восседавшая теперь на дорогой рыжеватой коже с неприменной джамбией на коленях, наводила на мысль о каком-то глубоком и необратимом сбое, произошедшем в мире, в реальности, в настоящем и прошлом, и заставляла усомниться в возможностях разума и восприятия; в то же время она навевала мысль о каких-то безумных развлечениях потустороннего мира, где неизвестные боги, опьянев от неведомых напитков или просто от своего могущества, забавляются тем, что глумятся над условностями внешней логической связи, каковые до этого соблюдали как закон жанра, закон правильного использования реальности. Да, именно это было доминирующим ощущением: *противоестественный* сдвиг реальности, преподнесенный взгляду и сознанию с поразительным реализмом...

Стефани рассмеялась — сказывалось шампанское... Она ощутила у себя на руке руку Руссо и попыталась вновь справиться с собой, чтобы не дать событиям прошлой ночи — как будто те все еще сохраняли способность исказить и коверкать реальность — отравить настоящее. Она бросила взгляд на колосса, чье желтоглазое лицо вызывало быструю череду ассоциаций: таблички для письма, папирусы, мумии, саркофаги, допотопные ящерицы и карибские зомби, — и все это в «роллс-ройсе» «Серебряное облако»... И в тот миг, когда ее взгляд скользил по оголенным предплечьям,

на силе которых не сказался возраст, она вновь ощутила у себя выше колен и на талии *железную хватку сжимавших ее рук...* Человек, который застиг ее во сне и спокойно вынес из дворца, чтобы сдать тому, кто называл себя Харкиссом, и его «товарищу по несчастью», был Мурад.

Она смотрела на плоское скуластое лицо — на сухой натянутой коже не было и следа румянца или пота, лицо, казалось, не имело возраста, зато насчитывало века... Черты оставались неподвижными, начисто лишены выражения, но она была почти уверена, что уловила в застывших глазах проблеск тревоги...

Тогда Стефани перевела взгляд на Али Рахмана, который в своем ковбойском наряде стоял перед «роллс-ройсом» и так же притягивал взгляд своей юностью, как тот, другой, отталкивал и отвращал своей древностью. Казалось, не может быть ничего невиннее этого отроческого лица. Но у Стефани с красотой были профессиональные отношения, и она знала нескольких отъявленных шлюх, которым при взгляде на их очаровательную мордашку, не колеблясь, дали бы первую премию за святость... Было трудно и даже невозможно поверить, что Мурад похитил ее и отдал Харкиссу и его «товарищу по несчастью» без согласия своего хозяина.

Она всматривалась в молодого принца; тот молчал, явно чувствуя себя неловко под этим внимательным и враждебным взглядом.

Итак, напрашивался вывод, что принц Али Рахман разделяет взгляды Комитета освобождения Раджада и сотрудничает с его представителями. Они хотели получить магнитофонную запись показаний Стефани, но они не приняли в расчет желания других — амбиции, надежды, алчность и ненасытное стремление к богатству двух наемников...

— Али, меня просили вам кое-что передать... В горах я я познакомилась с двумя вашими друзьями...

Юноша обратился на нее удивленный взгляд.

— Одного из них звали Талат... А другого уже не помню как...

Лицо принца прояснилось.

— Я хорошо знаю Талата, — сказал он. — Мы вместе учились в Англии...

Стефани уже собиралась заявить ему: «Так вот, его убили». Но в лице принца было столько доброжелательности и чистоты, что на нее снова накатила мысль: «Но это невозможно!», и она отнесла только что терзавшие ее «неопровержимые» подозрения на счет своих нервов. Она почувствовала, как рука Руссо легла ей на плечи, и будто бы издали услышала его голос:

— Вам действительно необходимо немножко поспать. Вы так долго не продержитесь. Вы на грани нервного срыва...

Стефани икнула.

— Хочу еще шампанского! — заявила она.

Перед глазами все плыло. Она снова слышала вой винтов...

Подъехала command-car. За рулем сидел сам Мандахар, и Стефани подумала, что эта увенчанная лиловым тюрбаном голова афганского воина, которая по прихоти завоеваний, междоусобиц и борьбы за власть докатилась от гор Хайбера до песков Аравии, была бы чудо как хороша на лампе у изголовья кровати или на полке книжного шкафа. Господин Дараин сидел рядом, опираясь на свою дорогую трость с набалдашником из слоновой кости, и Стефани дала себе слово поближе рассмотреть и эту трость, и этот набалдашник. В Новой Гвинее продавали засушенные головы, которые были не больше бильярдного шара и очень ценились коллекционерами... Сзади сидел барон, лорд Хау-Хау или как там его, человек безупречный, чьи достоинство, элегантность и аккуратность были выше всех похвал, чья одежда отличалась чуть ли не трогательной респектабельностью; в гущу этих позорных

событий и в сплетении самых злодейских интриг он представлял банковский и деловой Запад в его самом высоком, благородном и аристократическом выражении... Ибо этот типичный член правления наших лучших банков, похоже, выказывал к событиям, перипетиям, массовым казням, векам, тысячелетиям и песчинкам не больше интереса, чем запасное колесо «лендровера»... На Стефани напал безумный смех. Ей потребовалось несколько минут на то, чтобы успокоиться, и Руссо сначала ощутил слезы у себя на шее, потом услышал всхлипы и затем, наконец, несколько глубоких вздохов и ровное дыхание...

Руссо шел за своим проводником во мраке, под луной, достойной самых прекрасных романтических прогулок, но в данный момент лишенной возможности освещать что-либо, кроме мусора, корок лопнувших арбузов и замызганных газет с их неизбежными призывами к единству и свободе. Был тот час, когда по всей медине разлетаются слухи, более быстрые, скрытные и вездесущие, чем крысы и тараканы, коих вокруг отбросов водилось великое множество. На площади Ксара¹ пофыркивали во сне около сотни верблюдов. Лежа, эти животные походили на затонувшие суденышки, носы которых торчат из воды. Их головы и шеи являли некоторое сходство с головой и шеей господина Дараина, разбудившего Руссо посланием с пометкой «конфиденциально», в котором предлагалось встретиться у господина Дараина дома.

Вот уже несколько часов, как цены на «горячее оружие», то есть на срочные поставки, рухнули по всему Персидскому заливу. В Тевзе, Шахде, Баурени законные, официальные и почетные представители французских, бельгийских, американских, английских и чешских оружейных концернов отметили внезапную летаргию у своих местных собеседников, накануне еще так спешивших, не особенно торгуясь,

¹ Крепость с глинобитными стенами.

подписать контракт. Этот внезапный застой в делах приписывали неожиданному снижению политической напряженности в Хаддане. Та же в свою очередь приписывалась планам правительства предоставить автономии своим северным провинциям.

Отправляясь на встречу, на которую его в столь категоричной форме пригласил посреди ночи начальник полиции, Руссо не стал будить Стефани. Она провела последние двенадцать часов в сладком сне, а до этого несколько незабываемых часов... не во сне. Началось с того, что она отказалась вернуться в «Метрополь» — от одного только названия этого места у нее выступал холодный пот — и приняла предложение Руссо пожить у него дома... За этим последовал один из тех моментов в жизни мужчины, когда, кажется, стирается все, что было раньше, а годы бездумного существования и банальных интрижек задвигаются в другое измерение, именуемое «рутина и автоматизм». Руссо казалось, что изменилось даже его тело, что нежность и ласка, которыми его одарили, отныне останутся в нем навсегда, в его шкуре искателя приключений, про которого начальство говорило, что он «склонен толковать полученные приказы в сторону большей жестокости». Он прочел эту оценку в своем деле, хранящемся в отделе кадров, благодаря одной секретарше, которая... которую... которой... Он вздохнул. Со всем этим теперь покончено.

Узнав о гибели Массимо дель Кампо, Стефани немного поплакала и с сочувствием подумала о пяти-тонном грузовике, который больше уже никогда не увидит того, кто когда-то с такой легкостью его бросил.

Приглашение Дараина удивило Руссо своей резкостью: от него пахло нервозностью, если не сказать паникой. Это было тем более неожиданно, что дело, похоже, вот-вот должно было завершиться мирной развязкой. Правда, «дыхания ночи», над ко-

дами которых корпели шифровальщики Хендерсона, по-прежнему были нервными, но не менее нервными, вероятно, были и те, что в избытке сыпались на антенны других посольств. Торговля оружием была основной статьей французского экспорта. У Англии сохранялись значительные интересы в Персидском заливе, и не только нефтяные. Ее армия и авиация «поддерживали порядок» в Омане, с трудом сдерживая маоистский революционный партизанский отряд на юго-западе страны, в Дофаре. Недавно был сбит самолет Королевских ВВС — это была первая *официальная* гибель английского летчика в боях над эмиратом. Шестьдесят процентов всех разведанных в мире запасов нефти дремлют под этими песками...

Все это недвусмысленно подытоживала последняя депеша, выползшая из «тиккера». Один из самых серьезных политических еженедельников Европы сообщал своим читателям о твердой позиции, занятой Белым домом, излагая ее в том виде, в каком она была доведена до сведения советского правительства. В случае возникновения новой угрозы серьезного нефтяного кризиса самолеты Б-52 немедленно сбросят десятки тысяч парашютистов в ключевые точки Персидского залива.

Новости, которые Хендерсон ежечасно получал с совещания Совета министров, говорили о серьезных разногласиях внутри правительства. Вопреки тому, что казалось очевидным, после похищения Стефани и жестокого убийства трех членов Комитета освобождения Раджада, сэра Давида Мандахара не вынудили подать в отставку за допущенные ошибки. А сэр Давид Мандахар слыл яростным противником автономии Раджада...

Руссо резко остановился. Достал сигареты и закурил. Проводник, который ушел вперед, вернулся и жестами показал, что надо поторопиться...

Руссо продолжал стоять. Он впервые имел дело с коварством, двуличием и хитросплетениями —

до того тонкими, что они граничили с извращенностью, — здешней политики, которая, казалось, унаследовала свои змеиные извивы от турецких сералей и самой Византии. Но его только что осенила мысль, которая, казалось, отчасти была навеяна сиянием ночного неба и полумесяцем в виде «райского клинка», а отчасти окружавшими его мраком и зловонием. Однако у этой мысли было по крайней мере одно достоинство: она давала объяснение всем событиям с самого начала. Исключалось, что Берш мог действовать с такой легкостью лишь по своей собственной инициативе и лишь в интересах торговцев оружием. Руки у «Талликот» были не длиннее, чем у американской ИТТ, а ведь даже ИТТ провалилась в Чили... Берш был всего лишь исполнителем на месте, а его люди — обыкновенными наемниками, думающими только о деньгах. Двое авантюристов, которых Руссо прикончил в пустыне, в конце концов вообще начали действовать в своих собственных интересах. При этом была затеяна политическая игра мирового масштаба, а это предполагало наличие сильной руки, переставляющей фигуры и дергающей за ниточки. Речь шла не о деньгах, как он считал раньше. Речь шла о власти...

Ибо единство страны могло поддерживаться также и в интересах Раджада...

Проводник остановился перед высокой стеной голубовато-лунного цвета, над которой выступали смоковницы, миндальные деревья и цветущие кустарники. Благоухание опьяняло. За массой зелени возвышалась пятиэтажная башня из охрового камня с окнами, окруженными прихотливым деревянным кружевом. Так строились все усадьбы в стране, включая и фермы... На первом этаже — скот, на втором — слуги, на третьем — хозяин, на четвертом — родители, на пятом — гарем... Но теперь со всем этим было покончено, и остался лишь архитектурный стиль.

Слуга с электрическим фонариком в руках приоткрыл тяжелую деревянную дверь, обитую железом, и Руссо вошел. Он пересек сад с обязательным фонтаном, который бормотал молитву, как бы борясь с ленью верующих, что так мало времени проводят в беседах с Богом. Разумеется, на первом этаже не было никаких следов скота, там располагалась гостиная в английском стиле, в духе девятнадцатого века, ибо еще долгое время королева Виктория будет способствовать английскому экспорту в страны, расположенные восточнее Адена...

Господин Дараин стоял перед великолепным и скорбным камином, обреченным на то, чтобы тщетно лелеять свои зияющие мечты о славном зимнем огоньке.

У начальника полиции не было в руке его трости, и в отсутствие этого придатка другой — его нос — похоже, принял еще более внушительные размеры. Господин Дараин направился с протянутой рукой навстречу Руссо, и тот заметил, что трость с набалдашником из слоновой кости оказалась не единственным недостающим атрибутом: господин Дараин утратил еще и улыбку, так что его словам теперь будет не хватать золота.

Дараин был мертвенно-бледен и, похоже, забыл о такой вещи, как сон.

— Я попросил вас прийти, дорогой коллега, чтобы спросить, не могли бы вы в случае необходимости получить от Его Превосходительства господина Хендерсона...

Он прервал свою речь, и его адамово яблоко совершило несколько быстрых движений — словно лифт, которому какой-то сбой не дает останавливаться точно на этажах.

— Короче говоря, при определенных обстоятельствах... мне бы предоставили убежище?

Руссо сел на расшитый диван — рисунок изображал мирное сосуществование животных в райском са-

ду — и взял горсть фисташек из блюда на круглом столике.

— Какие конкретно обстоятельства вы имеете в виду? — осведомился он. — Совращение малолетнего? Необеспеченный чек?

Господин Дараин не нашел в себе сил улыбнуться. Зато в узком рукаве своего пиджака он нашел носовой платок — Руссо заметил, что тот был не таким безупречным, как обычно, и, похоже, немало послужил этой ночью. Он вытер им губы, как будто хотел убрать с них горький привкус.

— Из меня пытаются сделать козла отпущения, — сказал он. — Эта история с мисс Хедрикс, например...

— *Какая* история с мисс Хедрикс? — поинтересовался Руссо. — Первая или вторая?

— Возьмем последнюю, если вы не против...

Дараин принялся расхаживать взад-вперед, поразительно похожий на черную цаплю, чей унылый клюв не находит рыбы.

— Отсутствие патрулей в пустыне, например. Я отдал четкий приказ, чтобы броневые автомобили сил безопасности днем и ночью патрулировали обе дороги, ведущие от Сиди-Барани на север до самых гор... Я прикомандировал к ним четыре БМП, и каждое утро я получал рапорт с почасовым отчетом. Однако прошлой ночью — а точнее, в восемнадцать часов — мой приказ был отменен по радио на частоте главного полицейского передатчика... Таким образом, кто-то, знавший частоту — а вероятно, и все частоты штаб-квартиры полиции — умышленно отозвал патрули, чтобы сделать возможным похищение мисс Хедрикс... Также замечу вам, что этот непостижимый «кто-то» был в курсе всех действий мисс Хедрикс — видимо, он без моего ведома организовал за ней слежку. Это очевидно, поскольку иначе он не мог предвидеть, что мисс Хедрикс покинет гостиницу и отправится в Сиди-Барани...

Снова появился носовой платок, но на этот раз он поднялся до лба и затем снова спустился к покрасневшим от бессонницы глазам.

Руссо холодно наблюдал за Дараином, не переставая поедать фисташки.

— Продолжайте, продолжайте, я вас слушаю. То, что вы тут говорите, очень интересно...

— Возьмем теперь историю с самолетом. Разумеется, мы все выяснили. Летчика принудили сесть в Салеме на заброшенной взлетно-посадочной полосе, когда-то использовавшейся авиацией имама. Этот югослав был храбрым человеком. Когда от него потребовали совершить посадку, он дал отпор. Его дважды ранили, и, вероятно, самолет посадил второй пилот. Я много слышал о мужестве и выдержке югославов, но командир Михайлович был и вправду исключительным человеком... Бедуины, которые его стерегли, — кстати, это были бин-мааруф, самый мерзкий сброд в пустыне — слишком увлеклись наблюдением за тем, как рубят головы пассажирам-шахирам, а поскольку пилот был ранен, никаких сурпризов они от него не ждали... Словом, Михайлович задушил своего надсмотрщика — со сломанной кистью, заметьте...

— Сзади это обычно делается не кистью, а всей рукой, — просветил собеседника Руссо.

— Спасибо. Так вот, он его задушил и даже сумел снять с него бурнус и натянуть на себя. Затем он взял оружие бедуина и направился к «Дакоте». Ему, наверное, упростило задачу то, что бедуины ходили взад-вперед, затаскивая тела внутрь самолета. Как бы то ни было, ему удалось подняться на борт и спрятаться в хвостовом туалете — мы там обнаружили следы крови и разорванное белье, с помощью которого он пытался остановить кровотечение, — а когда Берш довершил свое гнусное дело и дверь погребальной камеры, в которую превратилась «Дакота», закрылась, — Михай-

лович пробрался в кабину пилотов и сел за штурвал. Как мы полагаем, по замыслу Берша этот коллективный гроб должны были обнаружить шахиры из деревни, находящейся в нескольких километрах. Но югославу удалось запустить двигатель и взлететь. Перед взлетом в самолет стреляли: мы обнаружили десятки следов от пуль... Михайлович сумел оторваться от земли с простреленной покрывкой. К сожалению, из-за трех ран он потерял много крови. Впрочем, он умер не от них, а оттого, что примерно на двадцатой минуте полета потерял сознание от слабости, ну, а остальное довершил удар при столкновении с землей...

— Такое впечатление, будто эти сведения у вас из... первых рук, — заметил Руссо. — Или я должен воспринимать это как признание?

Господин Дараин устало махнул рукой.

— Прошу вас, не надо, господин Руссо! Мы сумели схватить одного из бедуинов Берша...

— Никто не заставит меня поверить, что Берш является главным действующим лицом в этом деле, — сказал Руссо. — Такая операция предполагает поддержку на куда более высоком уровне...

— Следствие продолжается, — ответил господин Дараин. — Я сообщаю вам достоверные факты... Так, например, мы сумели прояснить один момент, важный... *в политическом плане*. Англичанин, который проводил операцию на борту «Дакоты»...

— «Зовите-Меня-Уоткинс», — сказал Руссо. — Вам известно, кто он на самом деле?

— Это один из сбившихся с пути героев Первой мировой, — сказал господин Дараин. — Его звали Стэнфорд, Уильям Стэнфорд, демобилизовался в чине майора, имея все мыслимые награды... Кстати, вы его убили.

— Ах вот как, — сказал Руссо.

— А вернее, его коллега Роско, тот, что встретил вас в Багдаде, оставил его умирать или, возможно,

добил, потому что любой врач, к которому бы они обратились, немедленно сдал бы их властям...

— Этого требовала ситуация, — сказал Руссо с благой мыслью об обуглившемся острове «лендровера» в соляной пустыне. — Чего вы хотите, этого требовала ситуация. Все определяет ситуация. Это прагматизм.

Господин Дараин неодобрительно взглянул на него.

— В любом случае, вашему «Зовите-меня-Уоткинсу» помогали, и — что для нас очень важно — делали это два пассажира, оба хасаниты. Что подтверждает, что порой страсть к деньгам сильнее политических убеждений, но это так, к слову сказать... На земле их ждал Берш с тремя десятками своих людей. Четырнадцать пассажиров, все шахиры — кроме господина Абдул-Хамида, который был американцем, но взял себе, сам того не зная, шахирское имя, да еще и облачился в бурнус, — были обезглавлены. Затем их посадили по салону самолета в известных вам ужасных и унижительных позах. Эта сцена, чудовищная по своему цинизму и немыслимому святотатству, особенно если принять во внимание духовные и нравственные качества жертв...

Руссо взял новую горсть фисташек.

— ...очевидно, имела целью опорочить предполагаемых зачинщиков этого ужаса — новых хозяев страны, хасанитов. Вам известно, что приключилось с видными деятелями шахирской партии, но мы нашли и другие тела. Их сбросили в наполовину засыпанный песком колодец, который даже не обозначен больше на картах, в трех километрах от того места. Я-то его знаю, потому что я знаю эту страну как свои пять пальцев... Так вот, под песком обнаружили три тела, в том числе и труп второго пилота, — то есть нам известна судьба всех пассажиров, за вычетом двух хасанитских сообщников. Эти двое убитых были всецело преданы политике нового правительства, вот почему

было нужно, чтобы их тела исчезли... Иными словами, вся эта история была рассчитана на то, чтобы вызвать мятеж на Севере, спровоцировать репрессии и сделать невозможными как сотрудничество между Югом и Севером, так и автономию Раджада...

— Ваше правительство уже доходчиво объяснило все это послам ведущих мировых держав, так что я в курсе, — сказал Руссо. — Я не совсем понимаю, к чему этот монолог.

— Потому что это я вспомнил о колодце, и именно по моим указаниям нашли тела, — сказал господин Дараин с некоторым пафосом. — Так вот, представьте себе, там, наверху, заключили, что я, видя, что дело провалено, запаниковал и попытался оправдаться, рассказав, куда были сброшены тела. Иными словами...

Впервые на его лице появилась улыбка — кривая, судорожная — но все же улыбка...

— Меня вот-вот арестуют и будут судить как провокатора и врага народа, господин Руссо. Уже почти двадцать пять лет я служу своей стране, выполняя сложнейшую работу, как канатоходец под куполом цирка, но я сильно опасаюсь, что на сей раз меня ждет падение... Совет министров заседает с одиннадцати вечера, а сейчас десять минут пятого утра... Я догадываюсь, какое будет принято решение. Вы, может, заметили, что лицом я не вышел — природа подвела — да и вообще, народ всегда радуется, когда ему бросают на съедение начальника полиции... К счастью, смертной казни у нас больше нет, только за преступления против человечности... Не будем больше терять времени: не согласились бы вы проводить меня в резиденцию посла Соединенных Штатов и настоятельно просить его — в силу того, что я с самого начала честно сотрудничал с вами, — предоставить мне политическое убежище?

— Нет, — сказал Руссо.

Носовой платок, который начальник полиции деликатно прикладывал ко лбу, внезапно поменял цвет: от волнения он стал совсем серым. На самом деле, он стал таким всего лишь по контрасту с той белизной надгробного камня, что разлилась по лицу господина Дараина, но Руссо никогда не видел более сморщенного, более усталого и более выразительного носового платка.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что на вас в архивах моего головного ведомства в Вашингтоне имеется целое досье. Как только в этом миленьком «местном» деле всплыло имя Берша, я запросил подробности. Вот уже двенадцать лет вы состоите на жалованьи в «Талликот тул компани», зарабатывая по десять тысяч фунтов стерлингов в год, плюс три процента комиссионных со всех сделок...

Руссо с удивлением отметил, что господин Дараин, похоже, почувствовал облегчение.

— *C'est exact*¹, — сказал он по-французски, перейдя на этот язык по рефлексу собаки Павлова, поскольку именно на французском в последние пятнадцать лет совершались все крупные сделки с оружием. — *C'est exact*, — повторил он. — Такого рода комиссионные у нас совершенно обычная вещь: мне они полагаются по должности. Это позволяло правительствам, которым я служил, ничего мне не платить. И поскольку ЦРУ завело на меня досье — а это действительно большая честь — то вы также должны знать, что я регулярно получал от «Талликот тул компани» премии, которые были куда скромнее тех, что выплачиваются официальным посредникам... они-то клали себе в карман *семь* процентов...

Где-то в глубине ночи зародился глухой гул, он приближался, заставляя дрожать стены дома. Руссо

¹ Это точно (*франц.*).

подскочил. Господин Дараин остался абсолютно недвижим, всякий след нервного напряжения и беспокойства пропал с его лица, которое приняло спокойное и почти безмятежное выражение: по-видимому, восточный фатализм — не пустое слово...

— Танки, — определил Руссо, а господин Дараин пожал плечами с чуть заметной усмешкой, как будто хотел сказать: «А что же еще?»

Шум был уже так близко, что Руссо всерьез задался вопросом, не собираются ли танки попросту пробить стены сада. Такое использование бронетехники выглядело смешным, ведь речь шла о худющем человеке, который стоял перед своим очень английским камином, вооруженный лишь тростью, — ее он снова взял, готовясь к выходу, — носовым платком и собственным носом. Но все оказалось куда сложнее и окончательно утвердило Руссо в целом ряде мыслей, посетивших его этой ночью, в которых «Талликот тул компани» с ее тридцатью двумя грузовыми судами, набитыми оружием, отводилось относительно скромное место в иерархии сил Персидского залива...

Поисковые прожекторы танков, остановившихся за стенами, создали над садом световой занавес, который будто бы опустил пальмы, лавровые деревья и розовые кусты в голубовато-зеленые глубины аквариума. Из этих подводных глубин вышел сэръ Давид Мандахар, который, похоже, на сей раз сменил свою «мобильную группу» сил безопасности на танковый полк. Он возник в дверях, держа в одной руке свою трость, а в другой *бауд* — четки для размышления, которыми пуштуны подчеркивают свое беспристрастие, отрешенность и мудрое безразличие к земной суете и страстям.

Из-за обильного волосяного покрова на лице у министра внутренних дел оставалось мало места для выражения, но было очевидно, что в нем бушует ярость — он и в самом деле походил на легендарного

вепря из афганского фольклора. Вепрь преследовал врагов царя до самого неба, пригонял их обратно на землю и обрекал на вечную жизнь на дне колодца...

Мандахар был с непокрытой головой, и Руссо в очередной раз убедился, что на свете существует физический тип мошенника, который смеяться хотел над расами и широтами. В этот миг сэр Давид Мандахар мог бы с тем же успехом сойти за сицилийца или мексиканца, а не только за афганца, сильно напоминая — если забыть про бороду — и Панчо Вилью¹, и своего «кузена» Дауда, нового кабульского диктатора.

Чуть позади него держался его gentleman's gentleman², секретарь, советник, лакей или простой символ успешного продвижения по социальной лестнице, его любимая безделушка, член лучших клубов. Сандерс был столь же безукоризнен в своем костюме из ткани-лапчатки, как и в 1890 году, когда проигрывал в Монте-Карло в рулетку целые состояния или охотился на бенгальского королевского тигра с вице-королем Индии. Позади них в аквариуме нарисовались двое солдат в пятнистой камуфляжной форме, с карабинами в руках; на верхушках деревьев защебетали птицы, перепутавшие свет прожекторов со светом зари.

Сэр Давид Мандахар прошел на середину гостиной и застыл, испепеляя господина Дараина взглядом. Поскольку начальник полиции, по-видимому, пережил бомбардировку смертоносными лучами без ощутимых последствий, кроме разве что конвульсивного подрагивания губ, то Мандахар швырнул ему в лицо четки, которые держал в руке, сопроводив этот жест несколькими гортанными фразами, литературное достоинство

¹ *Панчо Вилья* (1877/78—1923) — мексиканский революционер.

² Личный слуга джентльмена (*англ.*).

которых Руссо не смог оценить, хотя ему показалось, что он уловил слово *келб* — собака.

Затем министр перешел на английский, предпочитая, вероятно, унижать своего подчиненного так, чтобы это было понятно иностранцу.

— Правительство дало мне сорок восемь часов на то, чтобы найти виновных и арестовать их сообщников... Ибо, похоже, у них есть сообщники, и это не простая провокация торговцев оружием, пытающихся взвинтить цены на свой товар... Нет, скорее, это политический план большого размаха, чтобы провалить проект автономии... Посмотрите...

Он указал рукой на сад, накрытый куполом света.

— Мой коллега, военный министр, настоял на том, чтобы дать мне эскорт... Якобы моей жизни угрожают шахирские элементы, потому что я противник автономии... Эскорт из танков глубокой ночью... Вы, конечно же, понимаете, что это означает? Меня боятся, считают, что я собираюсь совершить государственный переворот, чтобы не позволить Раджаду получить автономию. Они забывают о том, что моя мать шахирка... Да, действительно, я против автономии, потому что хочу сохранить единство страны...

Руссо покусывал свою манильскую сигару. Все становилось абсолютно ясным.

— Я трижды подавал в отставку, но у меня ее не приняли. Они боятся, что я укроюсь в своих землях... И за мной будет трудно уследить... Якобы я реакционер, феодал... Не разделяю идей демократии. Вот что мне пришлось выслушать. Ах да, забыл: я получаю деньги от Саудовской Аравии, потому что Фейсал¹ одобряет мои реакционные идеи... А ведь если бы не я, то имам так бы и продолжал сидеть на троне — он или его сын — потому что это я занял дворец, с револь-

¹ *Фейсал ибн Абдель Азиз аль-Сауд* (1903—1975) — король Саудовской Аравии.

вером в руке и всего лишь с дюжиной бойцов... И все это по вине этого червяка, не способного толком делать свою работу...

Руссо посчитал, что господин Дараин замечательно хорошо держит удар. Его единственной реакцией — помимо подобия снисходительной улыбки в стиле «нужно его простить, он большой оригинал» — было такое движение, будто он хотел немного ослабить галстук...

— Могу я и далее выполнять свои обязанности, или прикажете сложить полномочия? — мягко спросил господин Дараин, и Руссо послышался легкий налет коварства в этом вопросе.

Сэр Давид Мандахар немного успокоился. Наступила тишина, наполненная утренними песнями птиц, попавших в силки света. В очередной раз Руссо почувствовал, что между начальником полиции и его непосредственным шефом, министром внутренних дел, происходят какие-то непонятные вещи — не высказанные вслух и, возможно, более смертоносные, более опасные, чем доказанное преступление — многомиллионные взятки и комиссионные от продавцов оружия...

— Ваше дело обсуждали на Совете министров, — важно сказал Мандахар. — Я предложил немедленно отстранить вас от должности. Правительство сочло, что, в свете ваших прошлых заслуг, следует дать вам еще один шанс. В общем, вы в том же положении, что и я. В ближайшие часы мы должны довести это дело до успешного конца. В противном случае эта страна исчезнет с карты мира...

Он бросил злобный взгляд на Руссо.

— Правительство требует от вашего посла, чтобы вы первым же рейсом вылетели из Хаддана, то же касается и мисс Хедрикс.

— Это ваше правительство попросило меня приехать сюда, — напомнил Руссо.

Мандахар пожал плечами.

— Мы попросили у Соединенных Штатов кредит на срочную закупку оружия. Именно в таком контексте мы дали разрешение на ваше присутствие здесь. В кредитах, как вам, вероятно, известно, нам было отказано. США, по-видимому, сочли, что извне нам ничто не угрожает и что оружие будет использовано для гражданской войны...

Он прервал свою речь, чтобы ухмыльнуться.

— Но совсем недавно Саудовская Аравия закупила оружия на сумму в триста пятьдесят миллионов фунтов стерлингов... Военный бюджет Ирана равен трети бюджета Франции... Кубинские летчики летают на «мистерах»¹ Южного Йемена. Северные корейцы обслуживают советские установки в Египте. Кувейт только что закупил тридцать пять истребителей... Против кого они хотят воевать? Отказ Соединенных Штатов вынуждает нас закупать оружие у частных торговцев, платя им наличными и на сорок процентов больше, потому что срочные поставки...

Сила убеждения, заставлявшая дрожать голос сэра Давида Мандахара, была искренней, но Руссо не покидало чувство, что она происходит от совсем иной озабоченности, нежели озабоченность угрозой, которая якобы нависла над Хадданом из-за военных appetitов его соседей...

В гостиной с ее викторианской мебелью и безделушками, противопоставлявшими свое невозмутимое английское спокойствие экзотической растительности сада, наступил тот момент тишины, когда обмен взглядами без слов выражает взаимное понимание. Сэр Давид Мандахар, действительно, был противником автономии Раджада внутри Хаддана — хотя это позволило бы сохранить территориальную целостность Хаддана... *но только потому, что он желал сохранить единство*

¹ Военный самолет французского производства.

страны в интересах Раджада. Он не хотел и слышать об автономии северных провинций, потому что считал, что населяющие эти районы шахиры вновь должны стать хозяевами всего Хаддана, — как это было со дня возникновения государства до тех пор, пока демографическое равновесие в стране не изменилось в пользу переселенцев. Иначе говоря, сэр Давид Мандахар был не только согласен с шахирами, он шел еще дальше. Он убрал с трона бывшего имама, но потому что считал, что трон достанется молодому Али Рахману, а он, Мандахар, станет «сильным человеком» в этой стране. Он как никто другой желал бы услышать, как показания Стефани транслируются всеми арабскими радиостанциями... К сожалению, два наемника, две каналы уже на излете своей карьеры, попытались «сорвать большой куш», а такого развития событий этот человек, чей взгляд, казалось, следует за мыслями Руссо, предвидеть не сумел...

— Если у вас, Руссо, имеются собственные соображения, касающиеся внутренней политики нашей страны, то советую держать их при себе, — прорычал он. — Американцы и без того уже выставили себя на посмешище во Вьетнаме и на Кубе, зачем вам пинок под зад еще и в Персидском заливе...

Он развернулся и вышел из дома. Его британский фетиш последовал за ним. Позже Руссо не раз будет размышлять, откуда у этого свирепого и так гордившегося своими народными корнями воина возникла столь странная потребность — обзавестись в качестве живого амулета и знака высокого социального положения этим гардеробом с Сэвил-Роу, едва отмеченным человеческим присутствием...

За уходом сэра Давида Мандахара едва не сразу же последовали маневры танков — их грохот почти перекрыл рев насмерть перепуганных верблюдов на площади Ксара. Было очевидно, что министр обороны питал к своему коллеге, министру внутренних дел, не

слишком глубокое доверие. Сад вернул себе свою темноту и свои небесные тела.

Руссо поднялся. Он чувствовал озноб, утро выдалось холодное. Господин Дараин, который во время последнего обмена репликами сохранял невозмутимость, граничившую с параличом, собрал на своем лице все голубоватые и зеленоватые краски занимавшегося дня.

— Извините нас, — сказал он, делая совершенно неубедительную попытку вернуться к традиционному исламскому гостеприимству.

После чего он предал своего шефа — в некотором роде по инерции и только для того, чтобы соблюсти честь и законы гостеприимства:

— Могу заверить вас, что *маршал*... я хочу сказать, генерал принял все меры предосторожности, и мисс Хедрикс ничто не угрожало. Речь шла лишь о том, чтобы члены Комитета освобождения Раджада могли выслушать ее свидетельские показания. *Маршал*, естественно, не мог предусмотреть, что два авантюриста, поняв, какие внушительные суммы они могут зарабатывать на этой кассете... *Маршал* — традиционалист, человек, очень привязанный к прошлому...

Слово «маршал» предназначалось для того, чтобы дать Руссо понять, что готовится.

Господин Дараин вздохнул.

— Реакционер, скажут сегодня. На деле же он человек очень скромного происхождения... А люди, вышедшие из самых низов, особенно привязаны к традициям... Его отец был хайберским пуштуном, который осел у нас...

— Вы, естественно, были в курсе, — сказал Руссо.

Правая рука господина Дараина запротестовала — жест был усталым и вместе с тем исполненным покорности.

— Вы заблуждаетесь. Но я сразу все понял, когда узнал про приказ прекратить патрулирование пусты-

ни... Только во власти Мандахара было сделать такое.

Руссо вернулся к себе домой по улочкам, на которых насчитал больше военных грузовиков, чем бродячих собак. Лавочки были еще закрыты, но перед дверьми уже образовались очереди, традиционный признак нервозности населения. Любая угроза государственного переворота и гражданской войны тут же выражалась в создании продуктовых запасов.

Он велел отвезти его в резиденцию американского посла, где узнал, что Хендерсон провел ночь в министерстве иностранных дел, а сейчас находится в советском посольстве, где возмущены ролью «жандарма», которую Иран, похоже, все больше и больше настроен играть в зоне Персидского залива.

Еще Руссо узнал, что уже в первые часы ночи сначала подпольные станции, а затем и «Радио Триполи», и «Радио Багдад» ежечасно передавали крайне эмоциональный репортаж о «геноциде» и информировали мировую общественность о судьбе двух выживших свидетелей: Массимо дель Кампо уже устранен, а Стефани Хедрикс только что едва не лишилась жизни.

Было видно, что информация поступает оперативно и во всей полноте...

Было шесть часов утра; Руссо уже собирался покинуть резиденцию, когда на всей скорости подъехала машина Хендерсона со звездными флажками и остановилась под нервный скрежет гравия. Руссо заметил два джипа военного эскорта с полным вооружением: всякий раз, когда в странах третьего мира повышается политическая температура, толпа нападает на представителей США. Хендерсон вышел из своего «кадиллака», стараясь не улыбаться при свидетелях, чтобы не сложилось впечатление, будто он с недостаточным уважением относится к разыгрывающейся национальной драме. Но за толстыми очками в черепяховой оправе наблюдалось некоторое поблескивание,

которое не имело ничего общего с простой игрой света на стекле...

— Правительство настаивает, чтобы в течение суток вы и мисс Хедрикс покинули страну, — сказал он Руссо. — Похоже, вы недопустимым образом вмешиваетесь во внутренние дела Хаддана...

— Знаю.

— Они проявляют такт и добрую волю, — добавил Хендерсон. — Они высылают только вас, а не меня. Но... не знаю, в курсе ли вы?

Он сделал паузу, чтобы приберечь эффект, и на сей раз позволил себе слабую улыбку. Хендерсон был из тех, кто упивается сюрпризами.

— Я был в курсе десять минут назад, — сказал Руссо, — но здесь это уже далекое прошлое.

— Министр внутренних дел сэр Давид Мандахар... Кстати, знаете, слово «сэр» не является, как это обычно считают, почетным английским титулом, оно означает «могущественный господин» на одном из афганских диалектов... Происходит от персидского Sirdar...

Если послу нравится поджаривать его на слабом огне любопытства, то Руссо к этому готов.

— Да, знаю, это было в его досье...

— Мандахар сбежал. В данный момент он, вероятно, уже в горах Раджада...

Руссо взглянул на часы.

— Я виделся с ним каких-то полтора часа назад, могу вас заверить, что он находился под хорошей охраной. Вокруг него было как минимум шесть танков...

— Сейчас не больше трех, — сообщил посол, — и командующий ими офицер — шахир... И они уже не *вокруг* него, а *с ним*. В его распоряжении также по меньшей мере один армейский вертолет, потому что двадцать минут назад он выступал по радио — вещала новая радиостанция, кажется, «Радио Единство» — требуя отставки «марионеточного правитель-

ства, продавшегося американским империалистам и получающего приказы от ЦРУ». По-моему, он метил лично в вас.

Руссо был вынужден признать, что с трудом сдерживает свои чувства.

— Кстати, Никсон собирается подать в отставку? — спросил он.

— Нет, говорят, он укрылся в горах Кемп-Дэвида и организует там Соппротивление... Похоже, все-таки вас это потрясло, старина. Вспомните принцип Маккарти: если какое-то несчастье *может* произойти, оно *обязательно* произойдет... Это еще не все. Мандахар также обвинил правительство «безбожников» и «осквернителей священных ценностей ислама» в том, что оно хочет устранить принца Али Рахмана, единственного человека, способного спасти страну от раскола...

Становилось жарко.

— Это Мандахар велел похитить мисс Хедрикс, — сказал Руссо. — Он считал, что ее показания, данные Комитету освобождения Раджада, немедленно вызовут мятеж. Но эти молодые люди, по-видимому, были настоящими «политиками»: они поняли, откуда исходит провокация и какова ее цель. Полагаю, они не испытывали никаких симпатий к «горному вепру» и отказались играть в его игру...

Хендерсон задумчиво смотрел на своего соотечественника.

— Выставят вас или нет, но думаю, Руссо, что в ваших интересах как можно быстрее покинуть эту страну, — сказал он, и на сей раз в его голосе не было и следа деланного безразличия. — Мне жаль, что первый самолет отбывает только завтра во второй половине дня. Советую вам вернуться к себе и не выходить из дома до тех пор, пока я не пришлю за вами машину...

Руссо рассмеялся. Сильное раздражение, а может, еще и возмущение чуть ли не нравственного толка,

которое он предпочитал приписывать усталости, а не тайной искорке идеализма, как всегда пробудили в нем агрессивность, желание сражаться и атаковать, и состояние боевой тревоги распространилось по всему телу, мобилизуя внутренние ресурсы. В такие моменты в игру вступал скрытый личный фактор, который, однако, уже давно учуяло его начальство; этот фактор полностью менял его отношение к порученным заданиями. Лишь однажды его непосредственный начальник с высокомерным неодобрением охарактеризовал его одной-единственной фразой: «В состоянии аффекта у вас, Руссо, есть склонность к преступлениям...»

— Я совсем не стремлюсь произвести на вас впечатление, старина, — сказал чуть смущенный Хендерсон, кладя руку ему на плечо. — Но, похоже, вы поняли слишком многое, а у Мандахара здесь наверняка есть преданные люди...

— Завтра я улечу, чтобы не причинять вам неприятностей, тем более что я нахожусь здесь под вашим началом, — сухо ответил Руссо. — Но ваш «горный вепрь» и те, кто ему предан, действительно вызывают у меня желание задержаться здесь чуть подольше...

Он подумал о человеке, который этой ночью позвал его на помощь.

— Что, по-вашему, они собираются сделать с Дарайном? — спросил он.

Он не мог не испытывать симпатии к человеку, чьи таланты мореплавателя в мутных водах политики стоили не меньше тех, что когда-то проявил в более благородных морях Васко да Гама...

— На данный момент он находится под наблюдением. Все зависит от того, какой оборот примут события... У него есть союзники в обоих лагерях, и за него могут проголосовать единогласно... Либо за расстрел, либо за включение его в будущее правительство «национального примирения»...

Вдалеке раздалась стрельба.

— «Безответственные элементы», — с довольной улыбкой сказал Хендерсон и, напоследок дружески похлопав Руссо по плечу, стал подниматься по ступенькам своей резиденции.

Руссо вернулся домой, где застал Стефани за приготовлением завтрака, — она проделывала это с видом настоящей матери семейства. Он вручил ей с полдюжины каблогграмм, пришедших в посольство на ее имя. Помимо всех классических «выздоровлявай скорее, мы много о тебе думаем, дорогая», были и встревоженные вопросы, касавшиеся фотографий, сделанных Бобо, которым смерть их автора и ее нестандартные обстоятельства придавали исключительную ценность, тем более что сезон модных показов уже приближался.

В середине дня, после нескольких обращений к господину Самбро, они получили разрешение съездить в оазис Сиди-Барани, чтобы попрощаться с юным принцем. Им был навязан эскорт из двух броневедомул, но, судя по движению на дороге, в направлении пустыни двинулась вся армия Хаддана.

Прошло полчаса, как они выехали из столицы, когда на дороге показался «роллс-ройс» Али Рахмана, а за ним броневедомобиль и «лендровер» с шестью вооруженными солдатами. Они решили было, что принца везут как пленника, обвиненного в заговоре против режима, или как заложника — чтобы не позволить местным племенам и далее оказывать на него влияние. Оказалось же, что, напротив, Али Рахман возвращается с большого совещания с видными шахирами, на котором он призвал их к спокойствию и повинению, так как автономия будет предоставлена им в самом ближайшем будущем.

Али был облачен в уже знакомый Стефани традиционный наряд, который фигурировал на одной из фотографий, сделанных Бобо во время их первого приезда в Сиди-Барани. Золотой тюрбан и расшитый драгоценными камнями кафтан, инкрустированная жемчугом джамбия на поясе, «роллс-ройс» «Серебряное облако», солдаты в пятнистой камуфляжной форме, крутые горы, возвышавшиеся по обеим сторонам дороги и перерезанные белыми водопадами именно там, где это было нужно, чтобы радовать глаз, — все это выглядело неожиданным шедевром, который века истории, великолепие природы, дружба народов, демократическое правительство, нефть, торговцы оружием, великие державы и ухмыляющиеся демоны — любители поза-

бавиться такими экспромтами — дарили Стефани в ее последний вечер в Хаддане... С наилучшими пожеланиями от Бог знает кого или чего... не забудем еще и первые звезды, и луну — ей, казалось, самое место на поясе юного принца... Стефани схватила свой полароид и сделала снимок, надеясь, что света достаточно, чтобы передать совершенство ансамбля — а главное, чтобы получилась фигура гигантской черепахи без панциря, но с могучими руками, сидевшей в салоне «роллс-ройса». Мурад, разумеется, был здесь — настолько реальный, насколько это возможно, когда человек будто бы вышел из героического прошлого — с рабами, евнухами и райскими клинками...

Они узнали, что правительство попросило принца покинуть дворец в Сиди-Барани: тот располагался слишком близко к пустыне и принц не был достаточно защищен от возможных опасностей — или, подумал Руссо, от контактов с сэром Давидом Мандахаром. Али подтвердил его подозрения. Да, сказал он, грустно улыбаясь, такая забота о его безопасности сильно походит на недоверие, но нельзя забывать, что страна переживает трудные часы. Что до Мандахара... Лицо юноши дрогнуло, и на ангельской коже внезапным румянцем проступил внутренний огонь. Что до Мандахара... Разве они забыли о том, что этот афганский авантюрист убил его отца имама, и что если он и плетет заговор с целью посадить на трон его, Али Рахмана, то исключительно для того, чтобы самому стать хозяином страны? «Горный вепрь» в сговоре с шахирскими традиционалистами, которые хотят укрепить единство страны при главенстве Раджада, восстановить власть улемов, воскресить прошлое... Этот человек — кстати сказать, чужой в этой стране, — должен быть арестован, судим, и его преступления должны быть доведены до сведения мировой общественности...

Ясно было, что принц еще пребывает под влиянием пустых и многословных дебатов, в которых он только

что участвовал, и склонен продлить их благородное и красноречивое звучание. Не менее очевидно было и то, что рядом с ними молодой подающий надежды политик, с которым этой благословенной земле, ее населению и правителям отныне придется считаться. Далеко не впервые — и пример короля Сианука в Камбодже тому подтверждение — наследник десяти веков абсолютного деспотизма будет посажен на трон как новейший символ демократии...

Опытным и скептическим — что, в общем-то, одно и то же — взглядом Руссо, слегка прищурившись, то ли от иронии, то ли из-за дыма своей манильской сигары, с веселым интересом и не без симпатии всматривался в обворожительное лицо юноши. Тот, кто несколькими днями раньше заявлял, что у него нет иных честолюбивых планов, кроме как «изучать методы современной ирригации», чтобы служить своей стране «в качестве инженера-агронома», теперь выглядел довольным и даже слегка восторженным, в нем проступало сознание собственной значимости, не лишённое самодовольства и тщеславия. Казалось маловероятным, что он когда-либо обзаведется теми несколькими десятками жен, которые в другие времена уже были бы у него в его годы, но он умел правильно пользоваться современной терминологией, много размышлял над диалектикой, — словом, все шло к тому, что должность «инженера-агронома», поборника «новых методов ирригации», останется в Хаддане вакантной, так как претенденту на нее уготована более высокая судьба. Когда он заговорил о заботливости, с которой относилось к нему правительство Хаддана, на его лице появилось хитрое выражение.

— Их можно понять. Если бы со мной что-нибудь случилось, то началась бы гражданская война... Все арабские радиостанции немедленно обвинили бы их в том, что они меня устранили. Мои племена глубоко преданы мне... Где бы сегодня был Хусейн Иордан-

ский¹ без абсолютной поддержки и верности своих племен?

«Мои племена», снисходительно отметил Руссо. Мальчик еще не до конца выверил свой словарный запас, у него еще случаются рецидивы.

Али разглагольствовал, не переставая, а день уже клонился к вечеру; на склонах гор и в пропастях расправляли свои крылья тени, скользили, падали и приземлялись, как орлы, которые возвращаются в гнезда после ухода своего лучезарного врага...

В мягком и прохладном воздухе вдруг стало слышнее бормотание водопадов. Со дна тянувшейся вдоль дороги пропасти поднимался далекий рев верблюдов: тремястами метрами ниже вдоль русла Рахила шел караван.

С внезапным концом жары, которая, казалось, упала в пропасть, на нервы и чувства снизошло умиротворение, перераставшее в эйфорию. В этот час после молитвы, на которую вечерний покой отвечает со всей снисходительностью Аллаха, весь мир выглядел так, будто его коснулась тихая нежность.

Стефани достала прощальный подарок, который она приготовила для Али Рахмана. Это был альбом с набором снимков, сделанных Бобо во время их пребывания в Хаддане. Тут были лучшие творения Сен-Лорана, Унгаро, Диора, Кардена и Живанши, всего около сорока штук; Бобо превзошел самого себя, чтобы подчеркнуть одновременно и великолепие туалетов, и красоту Стефани, и красоту страны. Следовало признать, что Бобо обладал необыкновенным чувством прекрасного. В частности, там было вечернее платье в изумрудных блестках, которое, казалось, уловило и увековечило краски, тени и сверкание наступавшего вечера. Ей также нравилось платье от Курежа из

¹ *Хусейн Иорданский* (Хусейн I бен Талал, 1935—1999) — король Иордании.

шерстяного крепа с рукавами из норки, вышивкой и бусинами из поделочных камней, которое чудесно сочеталось с ее рыжими волосами и которое Бобо велел ей надеть во дворце Сиди-Барани, чтобы сфотографировать ее рядом с Мурадом. Великан в своем ультрамариновом костюме янычара стоял чуть позади, скрестив руки, и фотография поймала на его лице то полное отсутствие выражения, которое, в конечном счете, являлось самым выражением небытия.

Теперь Стефани окружала фотографии всяческой заботой. Собранные в роскошный альбом, на обложке — полароидный снимок отрубленной головы Бобо, весьма в стиле «art brut»¹, а внутри — снимки, которые она сделала в своем гостиничном номере, перемежающиеся с кадрами из модной коллекции, — фотографии производили нужное впечатление... Последние двое суток она очень жалела, что ей не вернули снимки, сделанные в самолете, — власти Хаддана украли их у нее. Этим же утром пришлось еще раз просить посла Хендерсона похлопотать в протокольной службе министерства иностранных дел о том, чтобы ей возвратили эти неповторимые фотодокументы. Выдающиеся политики, держащие свои головы на коленях или на подносе для завтрака... И прекрасная стюардесса в сари, которая как будто тянется за своей головой... Внезапно она поднесла ладони к глазам и разрыдалась. Юный принц участливо схватил ее за руку.

— Что такое? Что с вами?

Стефани овладела собой и тряхнула шевелюрой.

— Ничего... Если так будет продолжаться, я еще, чего доброго, стану слабой женщиной!

Она по-матерински поцеловала его и провела по его лицу пальцами.

¹ Инстинктивное, спонтанное искусство (детей, самоучек и т. п.).

— Good-bye, sweet prince... Прощайте, милый принц...

Но Али Рахман воспротивился. Они находились всего лишь в нескольких километрах от летней резиденции, которую построили в горах по приказу его отца, и он принялся упрашивать Стефани и Руссо не отказываться от его гостеприимства на эту ночь. Там все готово к приему гостей, и им там будет куда спокойнее, чем в столице, где беспрерывно разъезжают армейские патрули, и где, как говорят, уже звучали выстрелы и были стычки с маоистскими элементами, симпатизирующими мятежникам Дофара.

Летняя резиденция находилась в совершенно безопасной зоне, а из соседних деревень когда-то рекрутировали бойцов в личную охрану имамов. Али просил принять его приглашение не без повелительных ноток, подняв на Стефани взгляд, в котором довольно странно сочетались тревога ребенка, опасавшегося отказа, и некоторая надменность.

Стефани вопросительно взглянула на Руссо, и тот в ответ, смирившись, пожал плечами. Не было никаких оснований отказываться от гостеприимства этого парнишки, которому, по большому счету, жилось невероятно одиноко в обществе этой его нянюшки, выглядевшей так, как будто ее облик — это ошибка природы, перепутавшей геологическую эру и материал. Стефани села в «роллс-ройс» рядом с Али, который сам вел машину, а Руссо уселся сзади вместе с мумией. В машине имелся совсем недавно установленный радиотелефон, и Али с явным удовольствием и с большой серьезностью, которой требовала и эта игрушка, и политическая ситуация, и любовь к пунктуальности, связался с начальником полиции и сообщил, что он продолжает двигаться в сторону своей резиденции в Дхуаре, и что властям не следует беспокоиться из-за отсутствия мисс Хедрикс и ее спутника, которые проведут эту ночь у него.

Из штаб-квартиры полиции сначала ответили принцу по-арабски, затем перешли на английский, и господин Дараин в высшей степени любезным тоном поприветствовал мисс Хедрикс и господина Руссо.

Руссо издал сквозь зубы тот восхищенный свист, которым молодые солдаты приветствуют хорошеньких женщин. Способность этого старого грифа к выживанию могла бы послужить примером для всех начальников полиции в мире. Руссо стремительно нагнулся и выхватил телефон из руки принца.

— А я-то думал, что вы находитесь под домашним арестом, — сказал он в телефон, — и, может, даже со свинцом в крыле... С двенадцатью кусочками свинца, чтобы быть точным.

— У вас разнузданное западное воображение, — любезно произнес голос в трубке. — Считаю также своим долгом сообщить, что в нашей стране больше не существует смертной казни... Кроме как, разумеется, за преступления против человечности...

— Всякий начальник полиции запросто может совершить такое преступление, — отозвался Руссо.

С той стороны гор раздался смехок, который, казалось, исходил из Кембриджа.

— Кстати, — спохватился Руссо, — я разговаривал с Хендерсоном. Посольство Соединенных Штатов, кажется, не расположено предоставлять вам убежище...

На сей раз смеху, похоже, оказалось несколько труднее пересечь горы.

— Замечу вам, господин Руссо, — произнес голос со смесью мягкости и пафоса, в которую вплетались размолвки радиоволн с камнями, — замечу вам, что этот поступок, свидетелем которого вы были, говорит о моей великой законопослушности... Я совершил его в тот момент, когда Давид Мандахар со своей реакционной кликой пытался предательством и силой свергнуть законное правительство страны... Вы сможете это

засвидетельствовать... С этой целью я вас тогда и вызвал...

Руссо погрузился в почтительное молчание. Он все больше убеждался, что нос господина Дараина был навигационным инструментом, позволявшим своему хозяину добраться до нужного порта, какие бы потемки, бури и подводные камни не встречались на пути.

Стемнело. Рядом с Руссо, в исходившем с неба сиянии, странно блестел великан с голым черепом. Он держал у себя на коленях саблю, и Руссо подумалось, что, если чуть повезет, да еще и прогресс поможет, то эта антикварная вещь будет фигурировать на всех хадданских туристических буклетах и открытках, увозимых с собой пассажирами чартерных рейсов и участниками групповых туров... Из чистой провокации он предложил великану манильскую сигару, но тот не шевельнулся. Что было особенно удивительным, так это соотношение возраста и силы. Его руки, даже в состоянии покоя, были как у тех турецких борцов, которых никому не удавалось победить во времена, когда в вольной борьбе не было обмана. Скуластое лицо напоминало больше об Анатолии, чем о Хиджазе или Персидском заливе. Эту голову оставили после себя века оттоманского владычества.

Али говорил, как он рад оказать своим друзьям гостеприимство в летней резиденции имамов.

— Именно здесь мой отец любил укрываться в жаркую пору — да, отдых тирана между двумя боями...

— Можно и без этого пафоса, Али, — бросила ему Стефани. — Я же видела фотографии вашего отца с саблей в руке...

Смутившись, она умолкла и коснулась руки юноши.

— Извините меня.

— Я нисколько не оскорблен вашим замечанием, — спокойно откликнулся Али. — Я помню фото-

графию, на которую вы намекаете. Ее опубликовала вся мировая пресса, когда я еще не родился. На этой фотографии мой отец отрубает голову тогдашнему премьер-министру, который покушался на его жизнь. Это был гнусный заговор, и во главе его стоял человек, которому отец полностью доверял. Осужденных казнил Мурад... Но когда настал черед Абдула Ажажа, брата отца, вероломного премьер-министра, отец сам взял саблю... Я бы на его месте поступил точно так же. А ведь я убежденный демократ...

Руссо подумал, что слово «демократия», похоже, уже вобрало в себя все страдания Христа.

Голос юноши дрожал от волнения. Фары «роллсройса» обшаривали уходящую вниз дорогу, порой выхватывая какого-нибудь пастуха в нелепой бамбуковой шляпе и стадо овец, которых всегда называют «мирными», потому что они беззащитны...

— Нет ничего гнуснее предательства. Посмотрите, что случилось с моим кузенком, королем Марокко Хасаном¹. Он полностью доверял своему министру Уфкиру. Весь мир знал Уфкира как единственного человека, которому доверяет король Марокко... И именно Уфкир замышляет первое покушение на короля в его дворце в Шкирате, который штурмуют взбунтовавшиеся войска, как раз когда король принимает весь дипломатический корпус и сотни приглашенных из Европы... Покушение не удается по чистой случайности... Уфкир расстреливает тех, кого сам и подбил на бунт, и становится министром внутренних дел... Тогда он организует ту самую атаку истребителей на «бойинг», в котором находится король Хасан. Кажется,

¹ 16 августа 1972 года самолет короля Марокко Хасана II был обстрелян в воздухе с одного из самолетов сопровождения; пилоту удалось совершить посадку, после чего другие самолеты сопровождения обстреляли территорию аэропорта. После провала покушения на короля министр обороны генерал Уфкир покончил с собой.

Уфкир был убит автоматной очередью. А вот я бы собственными руками отрубил ему голову. Вы мне не верите?

— Сабля, наверное, очень тяжелая, да? — спросила Стефани, чтобы поддержать разговор.

Мне точно придется сменить профессию, подумала она, как будто профессия топ-модели отныне требовала от нее обращения со слишком тяжелыми для ее рук саблями.

— Саблю держат двумя руками, и это скорее дело ловкости, чем силы, — объяснил Али.

— Ах вот как, понятно, — сказала Стефани.

— Я вам покажу, если хотите, — продолжал принц. — Естественно, нужно много упражняться, как и в любом искусстве. Нужно иметь навык...

— О, shit!¹ — пробормотала сквозь зубы Стефани.

— Я с шести лет учился обращаться с саблей, — болтал Али. — Мурад давал мне уроки. Это был первый вид спорта, к которому я приобщился, затем верховая езда, поло, теннис... Саблю держат примерно так же, как клюшку для гольфа... Впрочем, я даже в теннис играл так же, держа ракетку двумя руками... Этому можно научиться... вы увидите...

— Ничего я не увижу! — воспротивилась Стефани. — Можете оставить свое искусство себе, Али. Я не желаю продолжать этот разговор. Вас разве не учили кататься на самокате или играть в шары, когда вы были ребенком?

Тут произошло нечто, от чего у Стефани расширились глаза и задрожали губы, и она замерла, как будто пораженная злой силой, ставшая совсем беззащитной. При слове «шары» она вдруг снова очутилась внутри самолета: она увидела, как во всех направлениях катаются, сталкиваясь между собой, головы, и машинально подобрала ноги, чтобы не коснуться их...

¹ Здесь — черт возьми (англ.).

— Господи! — пробормотала она и закрыла глаза рукой.

Али Рахман рассыпался в извинениях. Как он мог забыть... Да, он проявил бестактность, вызвал у нее воспоминания... Но они уже почти приехали, и он надеется, что от ее последней ночи в Хаддане у нее останутся совсем другие воспоминания. Знаменитый немецкий журналист Вальтер Бурхардт, посетивший летний дворец имамов несколькими месяцами раньше, написал, что это место «где душа отдыхает», и что на свете нет ничего прекраснее и безмятежнее, разве что вид фелук, проплывающих по Нилу под окнами «Винтер-паласа» в Луксоре...

— Мы намерены привлекать в нашу страну как можно больше туристов, — сказал в заключение Али.

В полумраке машины Руссо бросил взгляд на сидевшую рядом с ним статую из стародавних времен. Ты кончишь гостиничным портье, старина, подумал он и зевнул, борясь со сном.

Слова принца про «несколько километров» имели весьма отдаленное отношение к действительности. Им потребовалось три часа, чтобы добраться до Шидита, где горная цепь обрывалась, уступая место оазису, расположенному на высоте полутора километров. Стефани ожидала увидеть очередной торт с кремом «шантильи» — вся архитектура, возникшая в песках благодаря нефти, представляла собой этакую помесь роскошного банкирского загородного дома с заправочными станциями компании «Шелл», окрашенную творческим воображением кондитера из «Уолдорф-Астории». Но прежний имам не был выскочкой и не питал никакого пристрастия к Западу. Четыре купола и деревянные башни, что возвышались над беспорядочной массой зелени, отличались суровостью и грубостью древнего искусства степей, пришедшего в Индию с первыми монгольскими завоевателями; они напоминали также шахматные фигуры эпохи завоева-

ния, что сочетают грацию и силу, дикость и красоту. По другую сторону дворца скалы из застывшей черной лавы возобновляли свой бег к песчаной беспредельности, пустота которой не нарушалась до самой Мекки. Оазис бросал сомкнутые ряды неподвижной кавалерии пальм и смоковниц на восток и на запад и резко осаживал ее там, где начиналось неуступчивое царство Хадж-эль-Нур, сотворенное из жажды, засухи и огня, властное и всемогущее.

Им пришлось вылезти из машины и перейти через горный поток, который собирал в свои ледяные воды падающую с неба серебряную мелочь. Старый деревянный мостик давно обрушился, Стефани сняла туфли и с наслаждением зашлепала по прохладной влаге.

Вблизи дворец казался творением рук одного человека, который вырезал, раскрасил и заботливо взлеял каждую деталь. Стены, облицованные белыми фаянсовыми плитками, в которых странным образом переплетались мотивы с голубками и львами, были почти полностью скрыты цветами — они гирляндами взбирались выше беломраморного портика и падали внутрь водопадом лилового, желтого, пурпурного и фиолетового. Фонтан во внутреннем дворике на лету хватал с неба его светящиеся осколки и бросал их в бассейн, где бродили вывезенные из Японии золотые карпы. Оставалось непонятно, была ли то случайность или же умелый расчет строителя, но у дворца с небом установилась какая-то странная связь, так что казалось, что созвездия образуют свод, покоящийся на четырех деревянных башнях, и придают ансамблю совершенство, в котором больше ощущалась рука художника, нежели бога.

Страж у ворот рассыпался в «салямах», почти касаясь бородой земли и держа руку на своей джамбии в традиционном жесте шамаара, или хранителя ключей, всегда готового защитить шатер своего повелителя и свой собственный. На нем была старый

военный китель, юбка-фатия и оранжевый тюрбан шахиров.

Стефани казалось, что колонны, стены и террасы тихо трепещут и что их белизна движется, живет и дышит; и все эти завихрения сопровождалось непрерывным воркованием. И тогда она увидела, что дворец буквально покрыт тысячами горлиц, а когда она со своими спутниками поднялась на расположенные на крыше террасы — полюбоваться скалами из застывшей лавы, которая сто тысяч лет тому назад добралась до этих мест, чтобы умереть перед самой пустыней, — то увидела черный хаос, походивший на развалины мира, оставшегося непознанным. Само безмолвие обладало тем геологическим красноречием, которое говорит на языке катаклизмов, не имеющих названия.

— Это прекрасная приманка для туристов, достопримечательность мирового значения, вы не находите? — спросил Али.

Руссо взял Стефани под руку — женщина дрожала, потому что в этом окаменевшем цунами, черными конвульсиями отвечавшем на воркования горлиц, было что-то зловещее и тревожное, совсем не похожее на пейзаж с сувенирной открытки.

Она отвернулась от драконов из застывшей лавы, которых геологическое бессмертие, казалось, поразило в мучительнейшие моменты их агонии, и увидела, что Мурад по-прежнему стоит позади принца, а в разрезе незастегнутого турецкого жилета блестит обнаженный торс. Она почувствовала облегчение, убедившись, что вместо своей ужасной сабли он держит серебряный поднос с тремя чашками кофе, гранатовым соком и розой в бокале. Ну прямо само гостеприимство...

— Сколько ему лет? — спросила Стефани.

— Не знаю. Он очень стар. Мне нравится когда он рядом, потому что он напоминает мне о далеком прошлом моей страны. Старые времена выбросили его на песок, и ему очень трудно дышать новым воздухом...

Это был один из храбрейших воинов Ибн-Сауда... Какая жизнь! С двадцати лет он обрек себя на целомудрие... По-моему, я вам об этом рассказывал. В избытке религиозного рвения Мурад поклялся, что не прикаснется к женщине, пока не обезглавит одним взмахом сабли сразу трех врагов... Но мир очень быстро изменился, и он никогда уже не сможет исполнить свой обет.

— У всех случаются мелкие разочарования, — сказала Стефани, которой совсем не нравилась эта история, а еще меньше то, как Али ее повторял — с видом хозяина, гордого своей собакой.

— Он был очень молод, когда дал этот обет, и с тех пор никогда не знал женщин.

История с обетом Мурада разбудила в Руссо профессиональный интерес.

— По-моему, отрубить три головы одним взмахом технически невозможно, — сказал он. — Разумеется, я не специалист, потому что меня учили самовыражаться другими способами. Но, думаю, это все-таки неосуществимо. Во-первых, в бою люди не стоят на месте, они непрерывно двигаются, да и потом, нужно было бы, чтобы они оказались практически одного роста и выстроились в одну линию... Одним словом, ничего не выйдет.

— Я вовсе не разделяю вашего мнения, — сказал принц с ноткой раздражения в голосе. — Мастер может менять направление удара по ходу дела, а разница в росте не важна... Могу привести примеры...

— Послушайте, довольно! — воскликнула Стефани. — Почему в этой стране все так одержимы головами?

— Потому что виновата всегда голова, — сказал Али. — Именно в голове прячется зло. Во всяком случае, психоанализ ничего другого не говорит...

Он повернулся к Руссо, как будто хотел исключить Стефани из их круга и продолжить мужской разговор.

— Так вот, чтобы покончить с этой темой, Мурад потому-то и дал в молодости этот обет, что превосходно знал историю спутников Пророка и их потомков. Так, например, Гарун, старший сын Ибн-Ахаля, во время взятия Гранады одним ударом сабли отрубил головы трем вражеским всадникам. Это исторический факт. Были свидетели, письменно зафиксировавшие этот беспримерный подвиг. Тот же подвиг повторил Меджин Али, великий соперник того, кого испанцы называют Сидом. Во время кровавой схватки под стенами Кордовы Меджин Али на глазах у сорока двух свидетелей одним ударом сабли смахнул в пыль три испанские головы...

Вокруг них ворковали горлицы. Стефани едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Великан, чья круглая голая голова блестела на звездном фоне, как новое созвездие, добавленное к красотам неба, забрал у них бокалы и поставил на поднос.

— Я не могу в это поверить, — сказал Руссо с убежденностью профессионала, прошедшего хорошую подготовку в искусстве насильственной смерти сначала в ФБР, затем в ЦРУ. — Это не история, это легенды. Ладно, допустим, что один из ваших героев обезглавил трех человек одним ударом, но тогда или же он им заплатил за сотрудничество, или же эти испанцы были в стельку пьяны... Они позировали для потомков, а тут...

— Чик-чик, — сказала Стефани, делая глоток гранатового сока с жасмином.

Они с Руссо оба пожалели о своем легкомыслии, потому что на лице юноши отразился гнев.

— Господин Руссо, вам не следовало бы смеяться над спутниками Пророка и героями ислама...

Руссо извинился.

— Прошу прощения, принц. Знаете, мы, американцы, уже не питаем никакого почтения даже к своим собственным героям. Я счастлив убедиться, что ваше

уважение к подлинным ценностям остается неизменным. Впрочем, я уже вам говорил, что ничего не смыслю в саблях. Мы убиваем иначе. Мне очень хочется верить, что под стенами Гранады или в другом месте наш друг снес бы одним ударом сабли три головы, но ему не нужно было давать такой обет...

Али Рахман бросил на своего телохранителя грустный взгляд.

— Он пятьдесят лет прожил без женщины и так и окончит свои дни, — сказал он.

Затем он пустился в долгое описание исторических причин, которые подтолкнули его отца к тому, чтобы возвести этот дворец, и рассказал о зодчем, которого имам вызвал из Шираза.

— А откуда так много горлиц? — спросила Стефани.

— Их было десятка два, когда отец впервые приехал сюда в свадебное путешествие... С тех пор они расплодились... отец много раз приезжал сюда в свадебное путешествие...

Внезапно воркование показалось Стефани отвратительным. Бывший имам взял себе триста семьдесят жен и, значит, совершил триста семьдесят свадебных путешествий...

Солдаты из эскорта поджаривали на кострах бараньи туши.

Али проводил гостей до их покоев и, из уважения к страстному и умоляющему взгляду юноши, Стефани попрощалась с Руссо со всем благопристойным лицемерием, которого исламская мораль требовала от низшего пола. Разве полковник Каддафи не говорил недавно на конференции в Каире о «биологической неполноценности женщин»?

Они еще постояли несколько минут в безмолвии среди живого ковра, что ворковал у их ног, под древним, богато украшенным шатром пустыни, от которого время от времени отделялась какая-нибудь жемчужина

или бриллиант. Стефани почти готова была поверить, что видит руку царицы Савской, снимающей кольцо, чтобы бросить его тем, кто еще умеет мечтать... Но все остальные ее драгоценности, наверное, уже давно лежат в швейцарских сейфах, решила она.

Стены и потолки комнаты были инкрустированы мозаикой палевых, розовых, зеленых и голубых тонов, которая воспроизводила излюбленные сюжеты падишахов восемнадцатого века; ее мягкость и женственность шли вразрез с суровой и аскетичной живописной традицией ислама.

На ночном столике из черного дерева и слоновой кости горела масляная лампа. Поднос из тонкого медного кружева, покрытого красной эмалью, предлагал пирожные с кунжутом и медом и обязательную красную розу в бокале с водой. Стефани пристально вгляделась в срезанную розу, тихонько коснулась ее кончиками пальцев и вздрогнула.

Она погасила свет и какое-то время лежала в темноте, вкушая благоуханную прохладу, что лилась через решетки окон, увитые растениями, пахнувшими медом. Это место побуждало к отдыху и к тем сладким смутным грезам, в которых ничто не обретает формы и которые уносит с собой безмолвие, вечно блуждающее между небом и землей...

Ее мысли начинались, не заканчиваясь, прерывались, проплывали, как тяжелые грозовые тучи, становились ясностью и блаженством, она ощущала вокруг себя некую благожелательность, постоянную, улыбчивую, ничто не имело ни начала, ни конца... Ее последней осознанной мыслью было: несмотря ни на что, это очень симпатичная страна.

Ее как будто выбросило из постели грохотом взрывов, и теперь она стояла посреди комнаты в бледном утреннем свете, на смену разрывам пришла тишина, в которой раздавалось воркование горлиц. Казалось, оно доносится со всех сторон сразу, на какие-то секунды оно обволокло ее чем-то вроде звукового клея, сладковатого и липкого.

Сердце ее билось с панической силой, как бывает, когда приходишь в себя после кошмара. Она подошла к маленькому столику и взяла стакан с водой, проклиная свои расшатанные нервы; снаружи раздалась длинная автоматная очередь, за ней последовали новые взрывы, душераздирающие вопли, выстрелы и новые очереди, которые опять сменились тишиной и ужасным, мирным, сладострастным воркованием и шелестом крыльев...

Крики, снова голоса и отдельные выстрелы, совсем близко, внутри дворца, в коридоре, снаружи, за дверью, шум борьбы, бегущие люди и звериный предсмертный вопль, совсем рядом... Она бросилась к двери, распахнула ее — и в ее памяти отпечатался кадр, точность и отчетливость которого уже никогда не поблекнут: бородатый бедуин в военном кителе, с патронташем поперек груди, выронив винтовку, падает назад с поднятыми руками, еще крича, наколотый на нож, который Руссо воткнул ему в спину. Бедуин

падает, а Руссо с окровавленным ножом в руке поднимает на нее взгляд. Позади него, в коридоре, корчится на полу другой бедуин. Еще один разрыв гранаты снаружи, Руссо прыгает к ней и хватается ее за руку, затем снова тишина, до отказа набитая тягучим и мерзким воркованием сладострастной птицы, баюкающей это гнездышко любви.

Стефани умоляюще взглянула на Руссо, но для вопросов и ответов было уже слишком поздно. С десятков вооруженных бедуинов ввалились в коридор и ударами прикладов затолкали их в комнату, где они добрых двадцать минут провели под прицелом винтовок, лицом к лицу с пятью оборванцами в военных кителях и фатиях. Оборванцы были босы, с капюшонами на головах, жевали кат, держали палец на спусковом крючке и выказывали нервозность стаи голодных бродячих псов, которых лишь страх перед боями удерживает от того, чтобы вцепиться вам в горло. Руссо заметил, что у двоих из них к патронташам были прицеплены приемники; один приемник был включен и передавал на арабском то, что, наверное, было самыми свежими новостями о событиях в мире...

Первой внятной мыслью Стефани было: вот он, пресловутый государственный переворот, которого все в Тевзе ждали — одни с надеждой, другие со страхом — и который так сильно занимал Хендерсона и Руссо. Еще она отметила, что ничего не чувствует — ну вот совсем ничего — как будто ее возмущенные нервы решили собрать чемоданы и оставить ее выпутываться одну. Она коснулась плеча обнаженного Руссо, по-прежнему стоявшего между ней и нацеленными на них винтовками.

— Мне из-за вас не видно, — сказала она.

Руссо отодвинулся и развернулся к ней; он хотел было взять ее за руку, чтобы успокоить, но прочел на ее бледном лице такую твердость, что опустил руку и улыбнулся.

— И что все это значит? — спросила она.

— Спросите у принцу¹... Но мне думается, очень скоро все выяснится.

В воркующей тишине, царившей теперь в «гнездышке любви», было что-то почти порочное. Одни лишь горлицы, казалось, правили этим заколдованным местом.

Двое из бедуинов уселись на пол, другие продолжали стоять, но винтовки не шелохнулись и пальцы оставались на спусковых крючках. Руссо ни разу не видел в Хаддане лиц такого типа. Черты под обтрепанными капюшонами бурнусов были острыми, глаза мелкими, и у всех у них было какое-то семейное сходство. При взгляде на эти лица на ум приходили сравнения с животными: собаками, волками, шакалами, хищными птицами. Это бин-мааруф, сообразил он внезапно. Самое презираемое племя в пустыне...

— Берш, — пробормотал он. — Это люди Берша.

Мысли беспорядочно заметались у него в голове в поисках какого-нибудь выхода, объяснения, смысла. На мертвенно-бледном лице Стефани отражалась лишь ненависть, и на этот раз Руссо обнял ее за плечи и прижал к себе. Она высвободилась.

— Мне бы хотелось лишь одного — понять, прежде чем меня убьют, — сказала она. — Так всегда приятней...

Прошло еще несколько минут сладковато-тошнотворного молчания, до отказа наполненного голосами горлиц.

Дверь отворилась, и на пороге возникла фигура, казалось, сошедшая со страниц старого номера журнала мужской моды «made in England»: Сандерс — барон, баронет, сэр, лорд или каков бы там ни был титул этого представителя бессмертной традиции великих лондонских портных — выглядел таким же свежим,

¹ Здесь — маленький принц (англ.).

приглаженным, отутюженным и начищенным, как и в лучшие дни *rule, Britannia*¹. Его костюм в клетку и канареечный замшевый жилет, белая рубашка и галстук-бабочка в синий горошек, серый котелок и слегка побагровевшее, в красных прожилках лицо с синими-пресиними глазами, украшенное подрагивающими седыми усиками, застыли на мгновение в дверном проеме и поспешно пропали после того, как их хозяин пробормотал какие-то извинения — точь-в-точь гостиничный постоялец, который перепутал двери комнат и случайно наткнулся на не желательное для своего взора зрелище.

— Мандахар, — сказал Руссо.

Но представлять себе все следствия из этого вывода было крайне неприятно, особенно если вам хочется думать, что двуличие, лицемерие, ложь и политические амбиции несовместимы с очень красивым и очень чистым юношеским лицом, с серьезным прямым взглядом и с демократическими убеждениями...

— Это невозможно, — произнесла Стефани пронзительным голосом, впервые готовая закричать от возмущения и гнева. — Ведь он ребенок...

— Я читал в архивах ЦРУ, что Александр Македонский завоевал мир в шестнадцать лет, — сказал Руссо. — А этому пятнадцать...

Стефани хотела было спросить у Руссо, зачем ЦРУ досье на Александра Македонского, но ограничилась укоризненным взглядом.

— Он не стал бы умышленно впутывать нас в это...

— Он не мог поступить иначе, — заметил Руссо. — Мы бы приехали в Сиди-Барани и, убедившись, что его там нет, подняли бы тревогу. Этот восхитительный «ребенок» мечтает сесть на трон имамов, а Мандахар,

¹ «*Rule, Britannia*» («Правь, Британия», *англ.*) — патриотическая песня о Британии как владычице морей.

по всей видимости, предан ему душой и телом. Не забудьте, что он националист, радикал. План заключается в том, чтобы скрепить единство Хаддана, поставив во главе страны шахиров. И более чем вероятно, что наш друг Дарайн тоже участвует в заговоре — помните тот разговор по радиотелефону из «роллс-ройса»...

— А мы? — поинтересовалась Стефани.

— Они, возможно, продержат нас здесь до тех пор, пока в столице все не закончится. После чего — цветы, извинения, сожаления, великолепные подарки и сердечное приглашение приехать еще раз...

В оазисе раздалось еще несколько выстрелов. Стефани вопросительно взглянула на Руссо, но тот, похоже, был поглощен созерцанием своих ног. У него не было никакого желания объяснять Стефани, что, скорее всего, это отголосок последних расправ на месте...

Позднее ему пришлось кое в чем себя упрекнуть, но отнюдь не потому, что он в своем толковании событий так легко уступил цинизму, а наоборот, потому что он серьезно недооценил цинизм и жестокость, до которых честолюбие и политические страсти могут довести безумную душу. Он, вероятно, упрекал себя в том, что слишком поддался избитым — и не лишним высокомерия — идеям по поводу так называемого «восточного» менталитета и таким образом, в некотором роде, угодил в ловушку расистских психологических штампов. Еще он слишком «локализовался». Ему же следовало, напротив, обратиться к старой Европе, Европе крематориев, газовых камер и «великих политиков», таких, как Гитлер или Сталин. Считая, что заходит в поиске объяснений слишком далеко, он резко остановился, а нужно было сделать еще несколько шагов, чтобы до конца проследить все повороты этой игры властолюбия, безумия и смерти...

Стефани казалось, что окружавшая их теперь тишина, которую нарушало только слащавое бормотание,

слетавшее с крыш, может в любой момент взорваться ужасающим грохотом. Но этого всего лишь требовали ее натянутые до предела нервы и сердце, искавшее во внешнем мире отзвук своего смятения...

Вошел сэр Давид Мандахар, так резко распахнув дверь, что та стукнулась о стену, — и Стефани дернулась, чтобы броситься на него, так, что Руссо еле-еле успел ее удержать.

На «горном вепре» был богато расшитый мундир из черного шелка с эполетами стального плетения, которые некогда украшали форму офицеров Хайбера и трансйорданских пограничных отрядов¹. Однако он держал в руке не копье, а кольт, и учащенно дышал, что вызывало мысли не столько о героических рукопашных схватках, сколько об эмфиземе. На нем были лиловый пуштунский тюрбан и брюки цвета хаки с красными лампасами. В очередной раз Руссо доставил себе удовольствие, мысленно лишив его усов и бороды дикобраза, и тогда перед ним предстало одно из знаковых лиц мексиканских *bandidos*²...

Мандахар важной походкой прошелся до середины комнаты и посмотрел на них с холодностью, еще более ужесточившей его черты, которые совершенно в этом не нуждались.

— Не знаю, волею ли случая или расчета вы оказались здесь, но мне жаль, — сказал он. — Вы станете свидетелями одного...

Он поднял густые брови в подобии иронической гримасы.

— Вы станете свидетелями «зверства», совершенного хадданской кликой в отношении Его Королевского Высочества принца Али Рахмана. Иными словами, этот маленький сопляк, который предал веру своих отцов и священный голос крови, когда спутался с без-

¹ *Трансиордания* — название Иордании до 1946 г.

² Бандитов (*исп.*).

божной хасанитской швалью, будет наказан, как того заслуживают предатели. Кстати, отмечу, что присутствие здесь агента ЦРУ ясно говорит о том, кто истинные хозяева этой страны... Но с этим будет покончено через несколько часов. Автономия только что была провозглашена, а *шахиры не хотят автономии*. Они хотят быть хозяевами всего Хаддана, как было всегда. И когда они узнают, что находящаяся у власти хадданская клика, не колеблясь, убила их дорогого законного лидера...

На его лице мешались удовлетворение и коварство, и его черты, казалось, расплылись и погрузнели от самодовольства — а ведь они должны были придавать «горному вепрю» человеческий облик.

— История с самолетом не дала результатов, на которые мы рассчитывали...

Он отвесил Стефани полупоклон.

— ...несмотря на ваше сотрудничество, мисс Хедрикс. Я ценю упорство, с которым вы делали для нас все, что могли. Да, вы и в самом деле превзошли саму себя. Но когда найдут обезглавленное тело юного претендента на трон имамов, столь любимого и столь почитаемого шахирами...

Он им подмигнул и рассмеялся. После чего — рыгнул.

— Завтрак, — холодно сказала Стефани.

Лицо последнего разбойника афганских гор омрачилось.

— Скоро вам будет не до смеха, мисс Хедрикс, — сказал он. — Но уверяю вас, это будет не больно, я не сторонник жестокости, я сторонник эффективности. Я испытываю некоторое сожаление оттого, что застал вас здесь... *Ибо само собой разумеется, что в этот раз не должно быть свидетелей*. Ваш трагический конец вызовет возмущение цивилизованного мира и продемонстрирует, до чего готова дойти продавшаяся американцам преступная правящая клика...

Он грубо рассмеялся, а затем сделал движение, как будто нащупывает гарду своей сабли, но вместо этого достал из кармашка зубочистку из слоновой кости, ко- ей принялся исследовать свои зубы и их окрестности. После чего отдал приказ солдатам и вышел. Бин-ма-аруф бросились на них, как свора собак, послушных голосу хозяина, и на несколько секунд, пока они со- противлялись этим проклятым Аллахом, которым лишь подлость и предательство помогли выжить по- сле изгнания из Хиджаза, Руссо уступил бесполез- ной ненависти и даже отчаянию. Поведение, которое позднее он осудил со строгостью и удивлением, так как он уже давно считал себя не способным на такой избыток чувств... Ударами прикладов их вытолкали наружу, и дальше они шли, ощущая спиной стволы ружей, а «волки пустыни» суетились вокруг них с нер- возностью, которая могла в любой момент обернуться пулей в затылок.

Стефани ступала босыми ногами по холодным пли- там, и единственной мыслью, которую она припом- нила позднее, было воспоминание об одной песне из ее детства, первыми словами которой были: «В краю спокойного утра...» Пока они пересекали внутренний сад, она увидела, что бассейн, стены и окна белы от горлиц, которые заполнили и все кроны деревьев. Дворец трепетал, шевелился, и со всех сторон как омерзительная звуковая оргия раздавалось сладкова- тое воркование.

На нее напала тошнота, и ее вырвало. Эта беспре- рывная любовная песнь, этот дворец с персидской ми- ниатюры, бин-мааруф, которые, держа обеими рука- ми винтовки, толкали пленников вперед, песок под босыми ступнями, юное утро в свой самый чистый час, черные напластования лавы у границы песков... Ни тени страха. Ее охватило чувство, будто она будет шагать вечно. Казалось, что всем овладела крайняя медлительность, как если бы каждой секунде, каждой

минуте приходилось пересекать бескрайнюю пустыню, прежде чем добраться до нее...

А потом, проведя рукой по лицу, Стефани ощутила слезы. Она улыбнулась. Ее больше не слушались. Ее глаза позволяли себе плакать. А еще там, в пустоте, было сердце, которое очень часто билось. Кто-то другой. Это не могла быть она, поскольку ее здесь не было. Она была в другом месте, далеко-далеко... Однажды, когда она вырастет, она станет знаменитой топ-моделью, ее элегантностью, шиком, «стилем» будут восхищаться все женщины, восхищаться и завидовать... А пока она всего лишь маленькая девочка, которая плачет и трет кулачками глаза.

Между дворцом и языками лавы было около сотни метров песка. Арена, подумал Руссо. Имам позаботился обо всем...

Посередине ее стоял Али Рахман с непокрытой головой, в простом бурнусе бедуина. Левее и чуть сзади — Мурад, обеими руками державший свою саблю.

Удары прикладов в спину заставили их пройти еще немного вперед.

Выходя из дворца, слева, под манговым деревом с пышной зеленой листвой, дарившей сладостную тень, Руссо насчитал около двадцати бин-мааруф, среди которых заметил и нескольких «верных» слуг Али Рахмана; они сидели на земле на корточках и вели себя как зрители, довольные, что наконец-то попали на долгожданное представление.

На самом же дереве глаз Руссо, набрасывавшийся на каждую деталь с убийственной фотографической остротой, заметил то, что неминуемо станет вскоре, через полгода, через год, отрадой для туристов, прибывших посмотреть на эти благословенные места, на эту «персидскую миниатюру», на горлиц и павлинов...

На фоне черной лавы возвышался Мурад, с обнаженным торсом и в синих турецких шальварах. Руссо

вспомнил, что эти пышные штаны, прославившиеся в стольких эпических сражениях, полностью закрытые внизу и достаточно широкие, чтобы вмещать килограммы отходов, были придуманы в четырнадцатом веке, чтобы позволить всадникам испражняться, не сходя с лошади и не теряя времени на остановки. Мурад выставил вперед левую ногу, ища прочной опоры в песке, на манер толкателя ядра или метателя копья: он держал свою саблю обеими руками, и на его лице, сверкавшем на солнце, как гонг, было что-то похожее на улыбку. А теперь взгляд гази нащупывал затылок того, кто сейчас умрет, потому что предал веру своих отцов — единственную, настоящую — согласившись служить режиму, порвавшему со словом Пророка и священными традициями прежних времен... Перед тем, как опустить свою саблю, Мурад, вероятно, проведет сквозь зубы подходящую суру из Корана, суру служителя Аллаха. В общем, подумал Руссо, чтобы возвращение к истокам было полным, не хватает лишь нескольких колодцев с нефтью...

Его было не одурачить «местным колоритом», «райскими клинками» и очищением через меч и кровь. «Подлинный» Мурад был обычным безумцем, которого ловко использовали в интересах, не содержащих в себе ничего исламского и чистого. Недра Хаддана скрывали нефтеносные слои, которые имам запретил разрабатывать. Тот, кто получит контроль над этим узким перешейком Персидского залива, получит контроль над девятьюдесятью мировыми запасами нефти. Кольца удава, о которых говорил Хендерсон, были видны невооруженным глазом. Казнь Али Рахмана была всего лишь политическим маневром, не более и не менее «варварским», чем казнь президента Зьема¹ во Вьетнаме или очередное готовящееся покушение

¹ *Нго Динь Зьем* (1901—1963) — президент Южного Вьетнама.

на Каддафи. В юной голове, которая упадет сейчас в песок, экзотического было не больше, чем в резной фигуре, брошенной на шахматную доску профессиональными игроками. Им нужно было записать на счет Тевзы высшее проявление зверства, убийство юного имама, чего не в силах стерпеть никакое шахирское сознание. Местный колорит сводился к национальной одежде и ни к чему больше. Один лишь старый гази верил, что вершит волю Божью. На клинке ритуальной сабли, готовой опуститься на затылок Али Рахмана, уместились мечта о могуществе, более двухсот транснациональных корпораций, контролируемых одной-единственной компанией и ее президентом, несмотря на антимонопольный закон, миллиарды долларов на секретных счетах в Бейруте и в Цюрихе, мафия, триста миллионов долларов, выплаченных в качестве комиссионных членам правительств тридцати двух стран, столкновения интересов более мощных, чем государства, и миллиарды долларов в акциях на предьявителя, ежегодно таинственным образом исчезающих вследствие «краж» у биржевых маклеров. Юная голова покатится сейчас в песок, как в древние времена, но самое современное оружие играет в этом «архаичном» преступлении роль куда более важную, чем омерзительная жестокость, пришедшая из далекого прошлого...

Главный инструмент и выгодоприобретатель этой операции стоял в нескольких шагах от принца, облаченный в черную форму, о которой, вероятно, мечтал молодым безграмотным солдатом, когда был ординарцем у какого-нибудь английского офицера. На плече у него висел автомат, и ни лиловому тюрбану, ни хайберскому мундиру не удавалось придать ему достоинства свирепого завоевателя, к которому он столь явно стремился. Он выглядел как переодетый мафиози.

Слева от него находилась его неразлучная тень, столь же свежеевыглаженная, как и обычно. Трудно

было представить, что тут делает Сандерс, одетый как самый что ни на есть респектабельный банковский служащий, что он представляет, какие сливки общества, какой элитарный клуб. Он курил небольшую сигару. Его лицо не выражало никакого видимого интереса к происходящему, как будто его чувствительность и способность к эмоциям полностью притупились с тех пор, как он вышел из рук своего портного и отправился гулять по свету, чтобы через достоинство в одежде внушать, посреди всяческих ужасов, высокое представление о воплощенных в нем ценностях. Ибо не было ничего более экстравагантного, чем это средоточие стародавней респектабельности лондонского Сити, стоящее между «горным вепрем» и Бершем на песчаной арене.

Берш...

Его фотография, которую Руссо видел в архивах посольства, относилась к 1959 году, но африкандер почти не постарел. Над красноватой, выкрашенной хною бородой — рот без малейших следов губ, небольшой крючковатый нос и глаза, словно источенные ветром песков и солнцем, две щели без ресниц, из которых пробивался бледно-серый блеск... В семьдесят лет этот человек все еще продолжал преследовать в песках безумный образ самого себя...

Мандахар пролаял приказ.

Горлицы, глашатаи любви, ворковали с прежней нежностью...

О нескольких последовавших затем мгновеньях Руссо всегда вспоминал как о шедевре. Он никогда прежде не переживал и никогда больше не узнает моментов, исполненных такого совершенства и такой красоты. В часы уныния и усталости ему достаточно было подумать о них, как к нему возвращались улыбка, хорошее настроение и вера в жизнь...

Мурад, державший обеими руками саблю, перевел взгляд на Мандахара, тем самым как бы говоря, что

готов, и просительно ожидая от него *баша*, приказа ударить, — и тут Руссо вдруг был выведен из своих бесплодных размышлений удивительным выражением, которое появилось на лице старого фанатика.

На этом лице смешались изумление и сомнение, как будто человек еще не решился поверить тому, что видит, — но они тут же исчезли, уступив место сначала безумной радости, а затем неумолимой решимости.

Руссо проследил за взглядом гази и понял.

Берш, Мандахар и его западный мастер на все руки выстроились в одну линию в двух шагах от Мурада.

Трое!

У Руссо перехватило горло, за несколько секунд он прочел самую благочестивую, самую короткую и самую пылкую молитву в своей жизни...

Он услышал, как Мандахар выкрикнул приказ...

Затем все было кончено.

Сабля в руках Мурада стала лучом света...

Она прошла сквозь шею Берша с такой силой и с такой быстротой, что отрубленная голова осталась на плечах и отделилась от тела, лишь когда оно стало оседать на землю. Голова сэра Давида Мандахара упала к его же ногам, между опустевшими плечами забил кровавой фонтан, и «горный вепрь» сначала сел на собственное лицо, затем откатился в песок. Голова его серого или, может, черного кардинала, который представлял так много тайных интересов, столь ловко дергал за ниточки и был столь предан истинным ценностям, слетела в тот же миг, отделенная от всего остального таким быстрым и четким ударом, что серая шляпа осталась на своем месте, сигарилла — во рту, а тело какое-то время еще качалось в нерешительности, как будто отказывалось падать из боязни запачкать одежду или, может, подыскивая позу, исполненную наибольшего посмертного достоинства...

Руссо прыгнул к автомату, который упал между головой и телом Мандахара, но когда ему удалось схватить его, Али Рахман уже стрелял по бин-мааруф из автомата Берша, и в течение нескольких секунд оба они продолжали опустошать диски, выплескивая свою злость...

Затем наступила тишина, которая вновь стала наполняться сладковато-тошнотворным бормотанием, лившимся из всех уголков этой восхитительной персидской миниатюры.

Убивать больше было некого. Несколько бин-мааруф, которые еще не были мертвы, вкладывали в оставшиеся у них признаки жизни выражение покорности и мольбы, делая это всеми жестами, которые позволяли полученные раны...

От прожитых часов — с того мгновения, когда она увидела, как рука Мурада поднимает саблю, и до ее поступления «для непродолжительного отдыха» в клинику «Бельвю» в Женеве — у Стефани осталось воспоминание, странно лишенное связности и полное пробелов, подобное череде кадров, порядок которых был нарушен из-за сбоя во времени, сообщившего всем вещам вязкую медлительность...

Она вспоминала сначала себя саму или, вернее, свое длинное, из вышитой органзы, платье от Нины Риччи, цвета синей ночи, стоимостью двадцать две тысячи франков, — но не хватало полагавшегося к нему розового боа, она забыла его еще раньше в чемоданах с коллекцией — она вновь видела, как бродит в песках, что-то напевая, чтобы успокоить Руссо и Али, которые, похоже, тревожатся за нее. Пару раз она останавливалась перед тремя головами и махала им рукой — *hello there!*¹ — а Руссо пытался увести ее внутрь дворца и непрерывно повторял: «Ну же, Стеф, идемте, нечего вам здесь делать», и еще он почему-то

¹ Приветик! (англ.).

старался успокоить ее, когда она начинала смеяться, как будто радость и смех не являются самыми верными признаками психического здоровья и крепкой нервной системы.

А особенно ясно она помнила Мурада: тот стоял, воздев глаза и руки к небу, и по его благодарно сиявшему лицу текли слезы. Рядом был Али, вот он наклоняется над телом одного из бин-мааруф и включает приемник, прицепленный к поясу мертвеца, он хочет услышать новости из столицы, но, похоже, на «Радио Хаддан» час современной музыки, и оазис заполняют голоса «Роллинг Стоунз».

Владелец приемника лежал на песке, прислонившись головой и плечами к манговому дереву, на его лице застыло выражение удрученного недоумения: из приемника неслись под аккомпанемент электрогитар отрывистые вопли Мика Джаггера, — Стефани слушала их с благодарностью, потому что они, наконец-то, заглушили воркование горлиц... Внезапно ей ужасно захотелось оказаться на какой-нибудь террасе на Капри, в изумрудном платье, с бокалом шампанского в руках, послушать старые неаполитанские песни — она принялась насвистывать, сделала на песке несколько танцевальных па, но, ощутив у себя на талии руку Руссо, уткнулась лицом в его плечо и разрыдалась...

— Все кончено, Стеф, все кончено...

— У нас три раза в неделю бывают часовые трансляции современной музыки, — пояснил Али. — Если я когда-нибудь стану министром образования, то организую здесь музыкальный фестиваль, как в Бальбеке в Ливане или в Исфахане. Это место отлично подходит...

Страж дворца, который до этого предусмотрительно скрылся в служебной пристройке, теперь вылез наружу, охваченный верноподданническими чувствами и жаждой мести, которые выразились в плев-

ках и пинках раненым бин-мааруф. После чего он завладел автоматом, и пришлось вмешаться, чтобы не дать ему прикончить раненых, так как Руссо считал, что те смогут дать властям Тевзы ценные показания. Тогда Али Рахман отослал стража в деревню Ашда, находившуюся в десятке километров от оазиса, и тот побежал к конюшням, не преминув почтить несколькими последними плевками кучу трупов под манговым деревом — среди которых на видном месте лежали и два «верных» слуги Али.

Из пальмовой рощи вышли двое солдат эскорта, которым удалось спрятаться во время утренней бойни. Один из них был ранен и, вероятно, лишится руки.

— Надо бы все же узнать, что происходит в столице, — сказал Руссо. — У Мандахара наверняка были свои люди в армии...

Они попытались связаться со штаб-квартирой полиции по радиотелефону, имевшемуся в «роллс-ройсе», но автоматная очередь уже положила конец его службе, также как и службе сержанта, командовавшего восьмью солдатами эскорта. Похоже, пуля сразила его в тот миг, когда он пытался предупредить штаб-квартиру. Однако приемник поврежден не был, и они попробовали узнать новости о ситуации в Хаддане, поймав в эфире радиостанции Кувейта и Дубая. Выяснилось, что японские террористы завладели «боингом», который теперь направляется к Персидскому заливу. Десять ирландских бомб и три письма с вложенным в них взрывчатым веществом сдетонировали в Лондоне. Конференция неприсоединившихся стран продолжала свою работу в Алжире, а этой ночью провалилась попытка государственного переворота в Хаддане. Ее инициатор, министр внутренних дел Давид Мандахар, укрылся в горах у своих сторонников... Опасались затяжного внутреннего конфликта, по тому же сценарию, что и в Йемене, где сопротивление сол-

дат имама Бадра республиканским войскам вызвало вмешательство египетской армии¹...

— Гражданской войны не будет, — уверенно заявил Али Рахман. — Племена Раджада повинуются мне. Мы получим автономию и образуем федерацию по типу швейцарской...

— *Швейцарской?* — прошептала Стефани.

Ничто не казалось ей в тот момент более невероятным, далеким, мифологическим и феерическим, чем Швейцария...

Солдаты эскорта лежали на земле с шариками ката за щеками.

— Ну, в общем, федерацию по типу швейцарской, но приспособленную к нашим особенностям и нашему национальному характеру, — пояснил Али.

Голова сэра Давида Мандахара, казалось, спала в удивительно христианской позе, лежа на правой щеке и подставляя левую, что вроде как утверждало общую и братскую основу всех религий, и Стефани сказала Руссо, который, взяв ее под руку, старался увести в сторону от разрозненных останков министра внутренних дел:

— Да нет же, я отлично себя чувствую, дайте мне посмотреть, а не то я могу это забыть...

— Стеф, прошу вас... Возвращайтесь во дворец... Вы не привыкли к такому...

Она пристально посмотрела на него.

— А вы, значит, привыкли?

¹ 25 сентября 1962 г. группа офицеров йеменской армии свергла теократическую монархию и провозгласила Йемен республикой. Свергнутый король-имам Мохаммед аль-Бадр собрал войска и начал наступление на республиканцев. Республиканцы обратились за помощью к Египту. Однако попытка египтян разгромить монархистов успехом не увенчалась, конфликт принял затяжной характер и закончился лишь в апреле 1970 г.

— Я два года провел во Вьетнаме и после бойни в Май Лае¹ входил в следственную комиссию...

— Мне вот интересно, станет Джеки Стюарт² чемпионом мира или нет, — сказала Стефани, чтобы доказать, что она сохранила всю ясность ума.

Говорят, что летом на Капри жить стало невозможно, как и в Сен-Тропе, но Стефани принялась объяснять Руссо, что можно отправиться туда в межсезонье, весной или осенью, и что она знает один pensione³ с цветами на террасе, нависающей над морем, и там неаполитанские певцы...

— Стеф, пожалуйста, уходите отсюда...

Голоса «Роллинг Стоунз» умолкли, и теперь диктор, по-видимому, говорил о следующих передачах, так как она различила имена Боба Дилана и Хэнка Уильямса.

Голова Берша была обращена лицом к небу. Глаза остались открытыми. Бледные-пребледные, светло-серые, застывшие, они блестели на солнце, как стекло. Стефани обожала Венецию и искусство барокко...

— Скажите, вы думаете, что...

Она запнулась. Руссо, который со все возрастающим беспокойством следил, как она бродит по песку, держа в руке воображаемый бокал с шампанским и насвистывая неаполитанскую мелодию, вдруг сообразил, что она похожа на обезумевшую Офелию, и совсем разволновался.

— Вы думаете...

— Что?

— Эти... предметы можно хранить?

¹ *Май Лай* — вьетнамская деревня, более известная как Сонгми. 16 марта 1968 г. рота из состава 11-й пехотной бригады США ворвалась в деревню и уничтожила около пятисот ее жителей.

² *Джеки Стюарт* (Джон Янг Стюарт, род. 1939) — шотландский автогонщик.

³ Пансион (*итал.*).

— Что?

— Я хочу сказать... После всего, что мы пережили... Если бы я попросила отдать мне их... как... как трофеи...

«Кат», — вдруг осенило Руссо. Как бы там ни было, это транквилизатор, который вызывает блаженное оцепенение. Он подошел к одному из бин-мааруф и вытащил пригоршню травы из кожаного *гурра*, которые все они носили на поясах.

— Возьмите, Стеф, пожуйте...

— Я не хочу есть... Наверняка есть способ забальзамировать их, чтобы они сохранились... как это сделали со Сталиным в Кремле...

— С Лениным, — пробормотал Руссо. — Идемте, прошу вас...

— Да, с Лениным. Мне бы хотелось увезти их с собой в Нью-Йорк. Это музейные экспонаты, археологические находки... По крайней мере, я бы хотела вот эту...

И она коснулась ногой головы Берша. Лицо последнего из тевтонских рыцарей, с его красной бородкой венчиком, крючковатым носом и невидимыми губами, которые, похоже, находились где-то внутри, вызывало у Руссо почти утробную злобу: мечты о величии и могуществе, которые не давали покоя этой голове, улетели, но лишь затем, чтобы осесть в другом месте. Они никогда не останутся бесприютными...

В портфеле у Берша они нашли список фамилий, который, вне всякого сомнения, осчастливит правительство Хаддана. Фамилии Дараина в нем не значилось.

— Думаете, он был ни при чем? — спросил Руссо.

— Он очень осторожный человек, — сказал Али Рахман. — Он уже двадцать пять лет как-то умудряется выживать на своем посту...

— Это ведь он попросил вас покинуть дворец в Сиди-Барани и приехать сюда. А затем предупредил Мандахара... Разве не так?

Али пожал плечами.

— Я, как вы успели заметить, был окружен предателями. Дараин — человек, начисто лишенный принципов, что означает, что он никогда не служил великому делу... Он изучает соотношение сил и встает на сторону более могущественного. Он руководствуется холодным расчетом, и я не думаю, чтобы он мог сделать ставку на Мандахара... Думаю, он собирал информацию и выжидал...

В портфеле нашлись весьма занятные документы: в частности, контракт на поставку оружия Хаддану, подписанный Сандерсом, а вместе с ним и филиалом «Талликот». В контракте стояла сумма в пятьсот миллионов долларов и перечислялось все заказанное оружие. И, наконец, там были фотографии «зверств», сделанные в самолете и не имевшие отношения к полароиду Стефани. Тот тип из каравана, подумал Руссо.

Стефани заглядывала ему через плечо.

— Мои снимки были не так хороши, но в них было больше... жизни. Можно, я возьму их?

— Нет, — сказал Руссо.

Приемник на животе у мертвого бин-мааруф передавал теперь классическую музыку. Тевза, казалось, приостановила трансляцию новостей.

Стали слетаться первые грифы, и Али Рахман время от времени распугивал их выстрелами.

Руссо еще раз порылся в карманах у Сандерса, разорвал подкладку пиджака, но ничего не нашел. Можно было подумать, что западная тень сэра Давида Мандахара вложила всю свою индивидуальность в подпись под контрактом на поставку оружия. Остальное же теперь было поделено на четыре части, лежавшие на песке: туловище, голова, сигарилла и котелок в ярко выраженном стиле «Сити». Его одежда даже в этих обстоятельствах сохраняла безупречный вид, а туфли блестели так, что, казалось, частица жизни их владельца перешла к ним. Словом, в карманах у

него ничего не нашлось, что, возможно, было признаком предусмотрительности души, ожидавшей, что по прибытии ее обыщут. Стефани поделилась этой мыслью с Руссо, который еще раз настоятельно попросил, чтобы она покинула место действия и попыталась немного поспать перед отъездом. Но она и слышать об этом не хотела. Она испытывает, заявила она ему, необыкновенно яркие переживания, и никогда в жизни не чувствовала себя лучше. Она старательно жевала кат, отчего у нее на щеке появилась шишка, а на лице — крайне довольное выражение.

— Никогда не видела ничего более прекрасного, — твердо заявила она. — Чудесная страна. Думаю купить здесь небольшой дом и каждый год приезжать на один-два месяца, отдохнуть от ужасов жизни в Нью-Йорке, ну вы понимаете...

Среди оползней лавы возникли штук сорок верблюдов, не дождавшихся утренней порции дурро¹, и принялись топтаться вокруг, выражая свой протест негодующим ревом.

Мурад сидел на песке, полностью погрузившись в молитву. Стефани отметила, что его сабля почти не окрасилась в красный цвет.

— Обратите внимание, — произнесла она нейтральным, хотя и немного назидательным тоном — так ее учили говорить, когда она работала гидом в здании ООН в Нью-Йорке, — обратите внимание, что на сабле очень мало крови, с такой силой и быстротой был нанесен удар...

Она хотела было подобрать саблю, но Али Рахман помешал ей.

— Нет, Стефани, прошу вас...

— Да вы представляете, какой эффект произведет мой снимок в «Вог» с этой саблей в руке? В платье

¹ *Дурро* или *дурра* — тропическое хлебное растение, сорт сорго.

от Унгаро... Мне заплатят целое состояние! Эта самая как-там-ее сейчас побивает мой рекорд, она только что подписала контракт на полмиллиона с фирмой «Ревлон»...

Она бредила. По лицу ее струился пот, плечи дрожали...

Али отвел Руссо в сторону.

— Послушайте, мой отец, разумеется, не пил...

— Разумеется, — сказал Руссо. — Но здесь есть все, что нужно... для гостей. Так ведь?

Руссо не решался уйти. Судя по числу верблюдов, в оазисе прятался еще добрый десяток бин-мааруф. Он обратил на это внимание Али.

— Они уже не опасны. Это теперь собаки без хозяина...

Сильное выражение для демократа, который мечтает о швейцарской конституции, подумал Руссо.

— Я сам схожу.

Стефани была занята тем, что крутила ручку приемника на животе все того же бин-мааруф. Должна же быть в этих краях радиостанция, передающая новости на английском, а ей неудержимо хотелось знать, подчинится ли Никсон распоряжению сенатской следственной комиссии и предписанию сдать магнитофонные пленки, на которые президент Соединенных Штатов записал, без ведома своих собеседников, все разговоры, которые он вел с ними в Белом доме... жаль, что она так далеко, когда в Америке происходят такие интересные вещи... Валявшийся под деревом бин-мааруф не сводил с нее своего остекленевшего взгляда.

— Мы так далеко от всего, — брюзжала Стефани. — Мне так интересно, как Никсон из этого выпутается...

Али вернулся с бутылкой шотландского виски, и она сделала глоток. Была, разумеется, еще и икра: они находились в сорока минутах лету от Ирана с его луч-

шей в мире икрой. Она принялась рассказывать Али о своей поездке в Иран в прошлом году.

— Колыбель цивилизации... Все пошло оттуда. Мы бы не были тем, что мы есть, если бы не Персия. Не знаю, читали ли вы книгу Джона Марриоля об искусстве Сасанидов¹...

Она поглощала бутерброды с икрой, облизывая пальцы, и глядела на миниатюрный, трепетавший от горлиц дворец и на грифов, что кружились над головой... Казалось, что бин-мааруф устроили сиесту, развалившись в тени мангового дерева; они напомнили ей знаменитую картину Брейгеля «Спящие», но в более затейливом, персидском варианте...

Ее взгляд всеял страх. Руссо не осмеливался смотреть ей в глаза. Она бредила. Нужен был врач, укол...

Они слышали гул самолета, но серебряная стрела пролетела очень высоко; Али сказал, что это шведский «боинг», везущий скандинавских туристов на Цейлон или в Бомбей.

¹ Иранская династия (224—651).

Страж ушел уже два часа назад, и Руссо не понимал, почему Али так важно дождаться людей своего племени. И машины эскорта, и «роллс-ройс» были на ходу, и они могли в любой момент тронуться в путь. Но юный вождь шахиров с несколько смущенным видом, извиняясь, но при этом не давая никаких объяснений, настаивал на том, чтобы отложить отъезд до прихода «своих». Руссо решил, что речь идет о каком-то неведомом ему политическом ритуале.

Первые ряды пальм были редкими, но затем оазис становился все гуще и постепенно превращался в настоящие джунгли, и несмотря на высказывание юного принца о бин-мааруф с их вошедшей в поговорку трудностью — они способны драться лишь целой бандой и подчиняясь хозяину, повторял он, — они отнюдь не были в безопасности на этом обширном, не просматриваемом пространстве. Впервые в жизни Руссо чувствовал себя уязвимым: он боялся за Стефани.

Было уже одиннадцать часов, и тела бин-мааруф начали напоминать о своем присутствии не только внешним видом, когда на склоне западной горы показалось облако пыли. Ничто не могло быть дальше от современности, чем эта кавалькада, которая, казалось, сошла со страниц книги по истории Востока, внезапно открывшейся на давно ушедших веках. На мужчинах были оранжевые тюрбаны, накрученные

так туго, что они образовывали настоящие купола. В этих всадниках не было ничего от бедуинов, и даже если не существовало никаких документов, доказывающих афганское происхождение этих людей, которые появились в здешних горах за два века до того, как Магомет поднял свое знамя, то их лица явно носили на себе отпечаток той части Индии, что граничит с Хайбером¹.

Их одежды — туники из грежи, с глубокими вырезами по бокам — ничем не походили на бурнусы жителей пустыни; лишь небольшие черные лошади напоминали о пастбищах Счастливой Аравии, Arabia Felix римлян, Аравии Йемена, откуда и началось великое арабское завоевание. В конце колонны скакал дворцовый страж, ведя в поводу вторую лошадь; сидевший на ней всадник издали походил на яркую куклу, завернутую в парчу и шелк. Когда кавалькада приблизилась, Руссо понял, что разноцветная кукла была закутанной в покрывало женщиной, у которой на виду оставались лишь черные глаза и крошечные ступни, обутые в красные туфли. Он тщетно искал объяснение ее присутствию, и свет уже было забрезжил в его мозгу, когда он услышал позади себя незабвенный голос, который пел:

Мой милый за море уехал
Мой милый за морем живет...
...Ах, кто же его мне вернет!²

Похоже, смесь ката с виски хорошо подействовала на Стефани. Она стояла с бутылкой в руках под манговым деревом среди спящих вечным сном; павлины и горлицы на ветвях, украшенных блестящими листьями, довершали картину, сообщая жизни и смерти те

¹ Имеется в виду граница прежней Британской Индии, сейчас это территория Пакистана.

² Слова из американской народной песни.

последние контрастные штрихи, без которых не бывает настоящей красоты. Десять тысяч долларов пропадает зазря, подумал Руссо: сумма, которую получил бы фотограф, окажись он тут и запечатлей Стефани на этом фоне в платье от Живанши...

Мой милый за море уехал,
Мой милый за морем живет...
...Ах, кто же его мне вернет!

Руссо счел, что время дискуссий прошло. Он подошел к Стефани, взял ее за плечо, понял, что идти она вряд ли сможет, поднял ее и понес во дворец.

— But I love it!¹ — протестовала она. — I simply love it!² Мне нравится! Мне нравится!

Он уложил ее на постель и мягко отнял у нее бутылку.

— У вас жар, и вы бредите...

Стефани все это совсем не понравилось:

— А я хочу посмотреть... там будет еще что-то интересное... и я хочу посмотреть!

— Вы и так достаточно видели.

Он вышел на балкон.

Молодая шахирка семенила в сторону дворца, а за ней шел Мурад. Старый правоверный исполнил свой обет и сейчас получит награду.

Али Рахман стоял в тени мангового дерева, уперев руку в бок и выставив вперед ногу; он слушал почтительные речи деревенского старосты. Молодой «демократ» явно не утратил поддержки своих будущих избирателей...

Около дюжины всадников слезли со своих коней и теперь с оружием в руках прочесывали пальмовую рощу. Раздались выстрелы, и несколько бин-мааруф вышли с поднятыми руками, подталкиваемые сза-

¹ Но мне нравится! (англ.).

² Мне ужасно нравится! (англ.).

ди прикладами. В своих белых одеяниях они походили на официантов из гостиницы «Шепардз» в Каире...

Солнце уже стояло в зените, но жара, похоже, никак не сказалась на рвении горлиц. Никто больше не отгонял грифов, и пара десятков птиц уже сидели на трупах. Языки черной лавы были единственным темным пятном на этой картине.

Руссо подумал, что после полувека воздержания Мурад, несмотря на свой возраст, появится еще не скоро.

Вернувшись в комнату, Руссо повалился на постель рядом со Стефани, которая спала ангельским сном, приоткрыв губы в блаженной улыбке. Прежде чем уснуть, он долго смотрел на нее, чтобы гарантировать себе приятные сны...

Когда он проснулся, солнце уже клонилось к закату. Прохлада гор долетала до них легкими дуновениями, в которых угадывалась близость источников, мхов и пропастей. Было лишь пять часов, но высившаяся на западе гора в полторы тысячи метров уже принялась за солнце, и казалось, что по небу раскиданы его сверкающие обломки. Стефани еще спала. Руссо ощущал ломоту в теле, какая бывает после беспокойного сна. Он потихоньку встал, вышел на балкон и оперся о балюстраду.

С десяток бин-мааруф со связанными руками и коленями ждали своей участи под черными скалами. Там и сям бродили верблюды, а в пальмовой роще раздавалось конское ржание.

Мурад стоял на коленях посреди песчаной арены. Рядом с ним — Али Рахман с саблей в руке...

— Что происходит?

Стефани появилась рядом, и Руссо не успел разыграть старшего брата-защитника и заставить ее отвернуться...

Али стоял, расставив ноги, держа обеими руками саблю, острие которой было повернуто к земле.

Слышался голос Мурада, читавшего молитву.

Небо над ареной сияло всем блеском исчезнувшего солнца.

Все было сделано с ловкостью, аккуратностью и со стилем, внешним выражением которых является экономность и непринужденность движений. Сабля описала полукруг, причем в неожиданном направлении, слева направо, и голова Мурада, как будто сброшенная с шеи скрытой пружиной, прыгнула на двадцать сантиметров в сторону, обратную движению оружия, а затем упала на песок. Точность, быстрота и изящество удара были таковы, что тело не утратило равновесия и так и осталось, коленопреклоненное, сидеть на пятках, с болтающимися руками и чуть развернутыми наружу ладонями... Это был жест жертвоприношения.

Мастер отлично обучил воспитанника своему искусству.

Приемник, скрытый крыльями грифов, передавал, по всей видимости, речь какого-то политика — об этом можно было судить по пылкому и хрипловатому тону. В рассказе Стефани о ее поездке в Хаддан, за публикацией которого последовала нота протеста от посла Тевзы в Вашингтоне, приемник, который безмятежно продолжал свое звуковое существование на поясе мертвеца и под когтями грифов, забавно именовался «радиостанцией бин-мааруф».

А пока она ограничилась тем, что закрыла глаза, сжала кулаки и повторяла подобие молитвы, изгоняющей злых духов, призывая себе на помощь все, что еще способно противостоять мужскому началу, мачизму, жестокости, суровости и тысячелетним традициям мщения через кровь и правосудия через смерть...

— Баленсиага, — стуча зубами, бормотала она с пылом, который вобрал в себя отчаянную потребность укрыться в мире, как можно более далеком от

этого ужаса. — Баленсиага, Кристиан Диор, Живанши, Курреж...

— Они собираются организовать здесь музыкальный фестиваль, — в бешенстве сказал Руссо. — Уже подписали соглашение с крупной французской туристической компанией...

Али вонзил саблю в землю и теперь медленно удалялся от обезглавленной фигуры, сидевшей на пятках, с болтающимися руками, — она напомнила Стефани фигуры бонз, что устраивали во Вьетнаме самосожжение, обливая себя нефтью...

— Все же это не такое варварство как лейтенант Келли¹ и расстрел деревни Май Лай, — прошептала Стефани, продолжая заботиться об объективности, непредвзятости и законности, без которых не бывает чистой американской совести...

Руссо тихонько увлек ее в глубину комнаты. Осталось еще десять бин-мааруф, дожидавшихся своей очереди, но он не ожидал, что их казнь будет отмечена тою же красотой и трагической торжественностью.

Так всегда происходит на корридах, думала Стефани. Либо это совершенство, либо полная мерзость. Попросту бойня.

Они сидели на кровати, передавая друг другу бутылку виски. Руссо был до такой степени потрясен возвращением к истокам чести и правосудия, при котором они только что присутствовали — впрочем, полковник Каддафи недавно восстановил в Ливии уголовное законодательство, насчитывающее четырнадцать

¹ Уильям Келли — единственный из пятерых военных, представших перед трибуналом за массовое уничтожение жителей вьетнамской деревни Май Лай (Сонгми), был признан виновным в убийстве двадцати двух человек и 29 марта 1971 г. приговорен к пожизненным каторжным работам. Через три дня заключенного освободили по особому распоряжению президента Никсона. Келли провел три года под домашним арестом, 9 ноября 1974 г. вышел на свободу.

веков, — что пустился в философские рассуждения, а это означало, что произошедшее его основательно задело.

— Вобьем себе в голову, что мы ничего не видели, — заявил он уже чуть заплетающимся языком. — Это всего лишь наваждение, вызванное темными процессами, которые постоянно происходят в недрах нашей коллективной психики... Нужно быть в курсе, вот и все...

— Что вы подразумеваете под «быть в курсе»? — пробурчала Стефани.

Снаружи раздался душераздирающий крик — последняя мольба, которую резко оборвали. Руссо встал и пошел закрывать ставни.

— Нужно быть в курсе, вот и все, — повторил он упрямо. — Коллективное подсознательное, вот. Там полно всякого старья... Юнг. Вам еще многому надо учиться, Стефани...

— Мне нечему учиться, — возмутилась Стефани.

— Душа! — пробормотал Руссо с глубокой убежденностью. — Душа... Всё в ней!

— Я уже шесть лет работаю в высокой моде! — сообщила ему Стефани уничижительным тоном.

— Это хорошо! — признал Руссо. — Это очень хорошо... Но нужно еще учиться, углублять...

Бутылка почти опустела. Вечерняя прохлада вызвала на крыше воркование такое томное и трепетное, будто в нем смешались сахар и розовая вода, кровь и мед, а также шелест тысячи нежностей. Стефани положила голову на плечо Руссо и заснула.

До самого вечера перед дворцом сменяли друг друга пришедшие с гор люди, заверяя Али в своей верности и получая от него указания. Это выглядело отличным началом избирательной кампании. Было очевидно, что молодой принц пользуется большой популярностью, и у Руссо не оставалось сомнений в том, что если бы его убили, Мандахару не составило бы никакого труда

поднять племена Раджада на восстание против правительства Хаддана. В политическом плане все было задумано неплохо, и если бы Берш, Мандахар и его западная тень не оказались все трое на одной линии и не позволили Мураду выполнить свой обет, ход истории в Персидском заливе принял бы совсем иной оборот. Руссо стало интересно, а что если недавний военный переворот генерала Дауда¹ в Афганистане, совершённый в отсутствие короля, изначально предполагалось синхронизировать с приходом Мандахара к власти; впрочем, родственные связи с новым «сильным человеком» в Кабуле, хотя Мандахар и похвалялся ими, выглядели чистой выдумкой, несмотря на бесспорное внешнее, вплоть до бороды, между ними сходство.

Когда они наконец-то тронулись в обратный путь, уже спустилась ночь. Луна висела на своем месте, круглая и женственная, словно грудь, выпирающая из небесного корсажа...

Чтобы попасть к оставленным на обочине дороги машинам, им нужно было еще раз пересечь ручей, что поблескивал среди манговых деревьев. Стефани уже собиралась войти в ледяную воду, когда заметила, что, заботясь об удобстве юного принца и его гостей, люди из здешних племен предупредительно соорудили из крупных камней подобие переправы. Али Рахман подал ей руку, чтобы помочь перейти на другой берег.

— Осторожно, они не очень прочные...

Она вытянула вперед ногу. У чистой воды есть светящаяся связь с небом, и два старых союзника подмигивали друг другу сквозь бесконечность. Но вдруг,

¹ В 1973 г., после свержения короля, президентом Афганистана стал Мухаммед Дауд. Конфликт с афганскими коммунистами закончился его отстранением от власти и убийством в 1978 г.

среди этого серебристого сияния, Стефани заметила, что «импровизированный» мост широко и беззубо улыбается, и что ее нога ступила на бородастое лицо, чьи губы скривились в застывшей ухмылке...

«Мостик» был сложен из голов казненных бин-мааруф.

Какой-то миг Стефани колебалась, застыв с поднятой ногой. Принц протягивал ей руку. Казалось, что они танцуют вальс при свете луны.

— О, да и потом *merde, merde* и еще раз *merde!* — произнесла Стефани со своим лучшим французским акцентом, и с решительным отчаянием ступила на мост. Оказавшись на другой стороне, она вспомнила, что забыла сумочку, и отправилась за ней обратно.

При втором переходе она еще раз поколебалась, спрашивая себя, а не снять ли туфли, чтобы шагать по лицам босиком. Это было не столько вопросом удобства, сколько вопросом уважения к человеку. В результате она все-таки осталась в туфлях, чтобы избежать прямого контакта.

Следовало признать, что «мост» держался хорошо. Жители Хаддана всегда были хорошими строителями. Крестьянские фермы, подобные укрепленным замкам, построенные из красной глины и порой достигавшие восьми этажей, отличались прочностью, выдержавшей испытание веками, а дома в столице казались сотканными из каменных кружев, даже не скрепленных цементом.

Она взяла с собой приемник, который отлично работал в прохладном воздухе ночи, и они узнали новости об американском «боинге»: воздушные пираты удерживали его в Дубае и по-прежнему угрожали взорвать вместе со ста сорока пассажирами. Одна из террористок, родом из Южной Америки, завозилась с гранатой и случайно подорвалась. Стефани безо всякой причины вспомнила великого японского писателя

Мисиму: два года тому назад он самурайским мечом сделал себе харакири, после того как японская армия не откликнулась на его призывы к мятежу и возвращению к старым японским традициям. Он был лучшим из современных японских писателей.

— Ну а чего вы хотите, таков мир! — сказала она заспанным голосом, и никогда еще она не была так близка к смирению.

Руссо пересекал столицу за рулем своего джипа, куря первую за долгое время по-настоящему хорошую сигару. Он еще раньше заметил, что вкус даже лучших гаванских сигар зависит от обстоятельств, в которых их курят. Нынешние обстоятельства были во всех отношениях удовлетворительными. Государственный переворот «национал-патриотов» партии Мандахара свелся к мелким беспорядкам на улицах и нескольким выстрелам: его сторонники, по-видимому, понадеялись на поддержку военных, но армия их не поддержала. Племена Раджада не всколыхнулись, и цены на товары первой необходимости вернулись к нормальному уровню. Теперь в медине можно было купить автомат «Бреда» за триста долларов, а не за пятьсот, как это было двумя днями раньше. Автономия Раджада была провозглашена в два часа ночи, и эта новость непрерывно передавалась по «Радио Хаддан». Предполагалось создать новую федерацию эмиратов; переговоры должны были начаться незамедлительно.

Руссо поручил Стефани заботам доктора Салтера и поспешил нанести визит господину Самбро, новому председателю Совета, чтобы вручить ему портфель Берша. Его содержимое вызвало некоторые пертурбации в правительстве: министр образования и министр торговли были задержаны, затем помещены под домаш-

ний арест; чтобы разрядить обстановку им, вероятно, дадут возможность легко отделаться, назначив куда-нибудь послами. Два пехотных полка и один танковый были временно расформированы. По радио сообщали о новых выборах. Триполи и Каир прислали телеграммы с братскими поздравлениями. Телефонная и телеграфная связь были восстановлены, и уже со следующего дня возобновлялись полеты в Бейрут и Лондон. Руссо провел два часа в посольстве, уточняя некоторые детали. Ему оставалось лишь забрать паспорт Стефани, конфискованный господином Дараином.

Ему не удалось получить никаких сведений о судьбе начальника полиции. Когда несколькими часами раньше он находился у господина Самбро, тот ограничился тем, что заявил охрипшим от волнения и двух суток непрерывных правительственных заседаний голосом, что «правосудие свершится». Тогда Руссо позволил себе замечание, оказавшееся впоследствии решающим в судьбе человека, чье умение прокладывать путь в опасных водах Персидского залива заслуживало, несмотря ни на что, некоторого восхищения. Он заметил господину Самбро, что бумаги Берша сильно компрометируют некоторых видных деятелей, но что фамилия господина Дараина в них не упоминается. Новый премьер-министр неопределенно махнул рукой, что могло означать как крайнюю усталость, так и полное безразличие ко всему, что касалось участи господина Дараина.

— Вероятно, паспорт мисс Хедрикс в штаб-квартире полиции.

Он приказал выдать Руссо «абсолютный» пропуск, который давал право свободно передвигаться по всему городу, где царил обычная для «периода восстановления порядка» неразбериха.

Руссо пришлось неоднократно демонстрировать свой документ военным патрулям, еще остававшимся на постах в ключевых стратегических точках. Также

ему — «чтобы упростить передвижение» — навязали в сопровождающие молчаливого молодого офицера, который явно не одобрял порученной ему миссии. Армия спасла правительство и демократию, и молодые офицеры отныне имеют право голоса. Новая политическая направленность будет куда более левой. Американец, которого он сопровождает, может быть изобличен как агент империализма, и в таком случае придется отвечать...

Дома у господина Дараина, похоже, никого не было. Дверь в сад так и не открылась, несмотря на звонки и неоднократные удары бронзовой рукой Фатимы¹. При этом дом не охранялся: значит, начальник полиции не находился внутри под домашним арестом. Но если бы он, почувствовав угрозу, пустился в бега, господин Самбро упомянул бы о его исчезновении...

Руссо улыбнулся. Внезапно у него возникла уверенность, что старый лис попросту вернулся к своим обязанностям и, наверное, провел ночь и день в штаб-квартире полиции в старой крепости. Он поделился этим соображением с сопровождавшим его офицером, но тот в ответ только еще сильнее надулся и воздержался от комментариев. Было ясно, что он выполняет приказ, но вовсе не намерен проявлять любезность.

Руссо направился в сторону крепости. Им пришлось преодолеть еще два армейских заграждения. Армия явно взяла на себя все функции сил безопасности, подчинявшихся министру внутренних дел. Вероятно, сейчас все заняты тем, что отделяют зерна от плевел... На последнем посту, откуда уже были видны высокие стены бывшей крепости и флаг Хаддана, который с новой гордостью развевался на ветру, завяза-

¹ Дверное кольцо, выполненное в виде руки Фатимы — амулета, приносящего удачу.

лась оживленная дискуссия между его спутником и сержантом, который упорно загораживал им путь, несмотря на должным образом предъявленный пропуск. Офицер повысил голос, бросив несколько слов, которые, вероятно, означали: «Ну да, и что, по-вашему, я могу с этим поделать?», и Руссо нажал на газ.

Едва он подкатил ко входу в крепость, как увидел: по дороге, идущей в обход столицы, подъехал «ленд-ровер», а за ним два грузовика с вооруженными солдатами. Сидевший рядом с водителем господин Дараин дружески помахал рукой и улыбнулся тому, кого, вероятно, счел одним из своих коллег. Машины нырнули под арку и оказались на площади.

Руссо вышел из джипа и двинулся дальше пешком, сопровождаемый офицером, чье лицо теперь выражало сильнейшее смятение, порой походившее на панику.

Едва они углубились в проход под аркой, как путь им преградили солдаты; прибежал сержант, на ходу вытаскивая из кобуры револьвер и выкрикивая фразы, которые его жест делал совершенно понятными.

Руссо предъявил свою красную карточку, которая на сей раз не произвела никакого впечатления. Его эскорту пришлось в очередной раз пуститься в бурные объяснения и даже продемонстрировать приказ, отпечатанный на листе, украшенном тремя зелеными полосами наискось; вид этого листа возымел на сержанта самое умиротворяющее действие. Он пролаял какой-то приказ, встал по стойке «смирно» и отдал Руссо честь, жестом приглашая его внутрь.

Несколькими столетиями ранее, в дни расцвета торговли «черным мясом», просторный внутренний двор, должно быть, знавал лучшие дни. В пятнадцатом веке крепость была главным деловым центром португальцев на всем пространстве между Берегом Пиратов и Бомбеем. Сейчас она содержалась в безукоризненном

порядке, площадь была вымощена, а у стен высажены кусты роз...

Когда Руссо входил во двор, господин Дараин вылезал из «лендровера». На нем был, как обычно, черный чесучовый костюм, белая рубашка и черный галстук — ярко выраженный английский стиль *civil service*¹, в общем, он походил на себя самого. Когда хозяин знаменитого носа двигал головой, было видно, что тот нисколько не утратил своего пытливого характера. А чуть тронутый по бокам волосами череп подставлял солнцу свое зеркало, слегка увлажненное каплями пота, отчего оно блестело еще ярче. Из грузовиков выпрыгивали солдаты, облаченные в американские каски с камуфляжными сетками и пятнистую маскировочную одежду, что выглядело довольно нелепо. Начальник полиции заметил Руссо, и на лице великого мореплавателя впервые со дня их знакомства отразилось крайнее изумление. Несколько секунд господин Дараин, похоже, собирался с мыслями, затем двинулся вперед, протягивая руку, а по дороге к нему вернулась и его улыбка.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы приехали, мой дорогой, — сказал он.

— Не хотелось покидать страну, не попрощавшись с вами, — вежливо ответил Руссо.

По лицу господина Дараина внезапно пробежал нервный тик и затерялся между золотыми коронками улыбки.

Один из двух офицеров, сопровождавших начальника полиции, подошел и сказал тому несколько слов. Господин Дараин внимательно выслушал и кивнул в знак одобрения.

— Итак, вы получили разрешение поговорить со мной, — сказал господин Дараин.

Руссо уже ничего не понимал.

¹ Здесь — государственного служащего (*англ.*).

— Однако уверяю вас, я уже сказал вам все, что имел сказать, и больше я ничего не могу для вас сделать... Мне не в чем признаться...

— Послушайте, — оборвал его Руссо, — я просто приехал за паспортом мисс Хедрикс... Вы оставили его у себя, помните? Мы завтра улетаем.

Начальник полиции смотрел на него так, будто Руссо говорил о делах, происходивших в каком-то другом мире...

— Ах, да, паспорт, конечно, конечно. Он у меня здесь, на рабочем столе...

Они вдвоем направились к двери. Господин Дараин достал из кармана золотой портсигар, взял сигарету и закурил. И тут Руссо впервые заметил, что у начальника полиции дрожат руки. Внезапно господин Дараин остановился.

— Хотя нет, он уже не у меня, — вспомнил он. — Я велел передать его портье гостиницы «Метрополь»... Мне очень жаль, но вы, кажется, зря сюда приехали...

Вновь подошел офицер в каске, который уже говорил с Дараином до этого, и нервно произнес несколько слов. На его лице блестели крупные капли пота. Господин Дараин кивнул головой, и офицер удалился. Господин Дараин протянул руку Руссо...

— Ну что же, господин Руссо, думаю, теперь вам лучше удалиться... Если только вы не жаждете из профессиональной солидарности быть расстрелянным вместе со мной... Видите ли, сегодня ночью меня приговорили к смерти... Через несколько минут меня расстреляют.

Руссо пришлось страшно напрячь мускулы, чтобы вырваться из охватившего его оцепенения. Он обернулся: в двадцати шагах от него выстроились в линию, с оружием у ноги, двенадцать солдат. Командовавший расстрельным подразделением офицер стоял слева, держа в руке револьвер для контрольного выстрела.

Повисла оглушительная тишина... Впервые до Руссо дошел смысл выражения: он слышал биение своего сердца...

— Ну да, — сказал господин Дараин. — Такое случается...

— Но ведь в Хаддане отменили смертную казнь, — пробормотал Руссо.

— За исключением тех случаев, когда речь идет о преступлениях против человечности, — напомнил ему господин Дараин с улыбкой, в которой трогательно смешались мертвенная бледность, золото и нос. — А на меня навесили всё... историю с самолетом, похищение мисс Хедрикс... пособничество Мандахару... измену, подрывную деятельность, геноцид...

Улыбка стала ярче.

— В общем, я продолжаю оказывать властям услуги, но теперь уже в качестве козла отпущения, — подвел итог господин Дараин. — Я совершенно невиновен... Я неоднократно предостерегал правительство о неблагоприятных действиях Мандахара... Но он был моим непосредственным начальником, так что за неимением хозяина берут слугу...

После короткой борьбы со своим не слушающимся горлом Руссо обрел дар речи.

— Я вручил им документы, которые полностью снимают с вас вину... примерно час назад!

Господин Дараин в бессилии махнул рукой.

— Слишком поздно. Там наверняка на них даже не взглянули. Меня судили этой ночью. Видите ли, господин Руссо, в такого рода делах... ну, когда царят паника, беспомощность и страх, начальник полиции кончает либо расстрелом, либо министром внутренних дел...

Он еще раз простер руку и склонился в полупоклоне, со смесью притворного раболепия и иронии, которая привела Руссо в восхищение. Право, они собираются расстрелять замечательный продукт английского воспитания.

— Прощайте, прощайте и будьте здоровы. Мои наилучшие пожелания мисс Хедрикс. Возвращайтесь проведать нас. Поверьте, мне очень жаль, что я не смог принять вас лично...

К Руссо вернулась способность двигаться, и он побрел к своему джипу. Его бил озноб. Он наклонился, прислонился к джипу, повернул голову, посмотрел...

Господин Дараин срывал розу. Он аккуратно вставил ее в бутоньерку, и последним заданием, которое получил его старый и верный слуга, его восхитительный нос, было глубоко вдохнуть аромат красного цветка...

Затем начальник полиции повернулся к расстрельной команде и произнес несколько слов. По-видимому, он требовал, чтобы ему была предоставлена честь самому отдавать распоряжения. Офицер, державший в руке револьвер, вероятно, дал свое согласие, так как господин Дараин выпрямился, встал по стойке «смирно» и выкрикнул приказ...

Солдаты взяли оружие наизготовку.

Руссо отвернулся. Он ждал залпа, но была лишь тишина, продолжавшаяся в запахе роз. Несколько коротких гортанных слов — но это не был голос господина Дараина... Руссо поднял глаза и заставил себя посмотреть.

Господин Дараин ждал, опираясь на свою трость. Его лицо было очень белым, но невозмутимым.

Солдаты снова опустили винтовки прикладом к ноге.

Возле джипа жужжала оса.

Офицер, который только что приостановил казнь, стоял в джипе с поднятой рукой, жадно слушая инструкции, которые ему передавали по радиотелефону. Голос говорившего был торопливым, встревоженным, вопрошающим, и офицер отвечал, делая успокаивающие жесты...

Руссо хотелось выть, колотить, убивать. Кто дал им право вот так вот мучить человека...

В тишине, которая сама по себе была пыткой, протянулось несколько невозможных минут. Руссо повернулся к своему сопровождающему, и тогда тот сделал нечто совершенно неожиданное для человека, который до сего момента был неизменно замкнут, надменен и насуплен: он улыбнулся.

Прошло еще несколько минут ожидания, которые оживляли лишь осы и знаменитые розы Хаддана, затем тишину внезапно разорвал стрекот мотора, и во двор на полной скорости влетел мотоциклист. Он выхватил из своей сумки два листа бумаги и вручил их офицеру, который вновь вступил в бесконечную беседу по радиотелефону...

— Да что же это за издевательство? — закричал Руссо.

Прозвучал новый приказ, солдаты расстрельной команды развернулись и зашагали к грузовику. Господин Дараин не двигался, до самого конца сохраняя почтение к воле верховной власти. Затем он достал из рукава носовой платок, слегка промокнул им лоб и лысину. Офицер выпрыгнул из «лендровера» и подошел к низложенному начальнику полиции. Он сказал ему несколько слов и вручил одну из двух депеш. Господин Дараин долго, внимательно с ней знакомился, явно прочитал ее дважды и одобрительно кивнул головой. Руссо наблюдал за этой сценой, как замороженный, у него было такое чувство, будто он находится на совершенно чужой планете, которой нет ни в одном атласе звездного неба; и тут он увидел, как офицер встал по стойке «смирно», отдал честь, по-военному повернулся на сто восемьдесят градусов — Руссо машинально отметил, что это движение было выполнено на английский манер, — и пошел обратно к своей машине. Еще он увидел, что госпо-

дин Дараин глубоко вздохнул и застыл, задумчиво глядя себе под ноги. Затем он поднял глаза, заметил Руссо и направился к нему, по своему обыкновению, слегка вразвалочку.

Руссо чуть не рухнул на джип. Он смотрел на господина Дараина косо, как человек, терзаемый *delirium tremens*¹, которому мерещатся привидения и шабаш ведьм.

— Уф, — произнес господин Дараин, и Руссо почему-то показалось, что это сказано по-французски. — Мой приговор изменили...

— Тюрьма? — пробормотал Руссо.

— Нет, кое-что посерьезнее и пострашнее, — сказал господин Дараин. — Я только что назначен министром внутренних дел...

— Хе, хе, хе... — произнес Руссо, и это было куда ближе к икоте, чем к смеху.

Носовой платок еще раз порхнул в аристократических пальцах, затем исчез в рукаве.

— По-видимому, наверху не только убедились в моей верности и моей лояльности — благодаря вам, дорогой друг, благодаря вам... и юному принцу! — но и сочли, что во главе сил безопасности я смогу играть роль, так сказать, гаранта примирения, приемлемого... скажем так, и для тех, и для других...

— В этом доме не найдется чего-нибудь выпить? — устало произнес Руссо.

— Мне жаль, но здесь есть только розовая вода, — сказал господин Дараин, обнимая его рукой за плечи. — По крайней мере, именно так я предпочитаю называть этот напиток... пришедший к нам из других мест. Я и сам капельку выпью. Идемте. Как я вам и говорил, паспорт мисс Хедрикс лежит у портье в отеле «Метрополь»... Я, знаете ли, никогда ничего не забываю...

¹ Белой горячкой (лат.).

Когда часом позже Руссо вышел оттуда, ему стоило колоссального труда залезть в джип; его эскорту пришлось ему помочь, а также сесть за руль. Руссо прибыл к Стефани в состоянии, которая она вежливо охарактеризовала как «с лихвой утоленная жажда».

Самолет вылетал в одиннадцать утра, и они едва успели нанести прощальный визит послу Соединенных Штатов. Хендерсон выглядел осунувшимся, и, судя по всему, провел беспокойную ночь.

— Боюсь, последние события доставили вам немало хлопот, — сказала Стефани, которая надела простенький костюм-двойку из белой джинсовой ткани от Кастильо и провела час у единственного на всю столицу парикмахера, способного уважительно отнестись к женской шевелюре.

— Не в этом дело, — сказал Хендерсон мрачным голосом. — У меня неприятность...

Он провел рукой по лбу, и в этом его жесте сквозили усталость и смирение.

— Сегодня ночью я получил из госдепартамента каблограмму о своем назначении в Норвегию, — сообщил он. — Разумеется, это продвижение по службе, но не знаю, смогу ли я перенести такой удар. Там никогда ничего не происходит. Эти мирные фьорды... Такое впечатление, будто тебя отправили в отставку... Видите ли, я провел два года в Хаддане, служил и в африканских странах, а там такая же бурная, деятельная жизнь... В Уганде мне однажды подбросили под дверь три трупа американских журналистов... В Конго в великую эпоху Чомбе, независимой Катанги и правления наемников пяти нашим миссионерам отрезали

уши и прислали мне по почте... Словом, я чувствовал, что от меня есть польза... В Ираке, во время одного из четырнадцати государственных переворотов, которым я был свидетелем, в мою машину летели коктейли Молотова... В Уганде в меня лично плюнул генерал Амин... Даже здесь, в Хаддане, как вы и сами могли убедиться, почти каждый день происходило что-то новое, неожиданное, удивительное... Так что, сами понимаете, Норвегия...

Он снял очки, вытер их и опустил глаза с чуть виноватым видом...

— И потом, чтобы уж ничего от вас не скрывать, есть еще моя жена... В так называемые «опасные» страны я не мог брать ее с собой... Я оставлял ее в Америке... Но в Норвегию, сами понимаете, она со мной поедет... Пусть это останется между нами, конечно, но мне придется тяжело. Очень тяжело.

В его голубых глазах под покрасневшими от бессонницы веками играл лукавый огонек, а на тонких губах мелькнула улыбка...

Стефани поцеловала его.

— Я пошлю вам посылку со взрывным устройством, — пообещала она.

У него была красивая голова с густыми седеющими волосами и длинная шея — из тех, что производят впечатление обнаженности. Стефани считала, что он похож на профессора. Такую голову легче представить себе лежащей на рабочем столе в спокойной полутемной библиотеке Гарвардского университета, рядом с трубкой и несколькими раскрытыми томами, чем в песке пустыни... Стефани внезапно решила, что она по-другому оформит свою квартиру на Манхэттене.

— У меня этой зимой будет фотосессия в Норвегии, — сообщила она. — Надеюсь там с вами увидеться...

Посол, похоже, живо заинтересовался.

— Рад это слышать, — сказал он. — Может, случится землетрясение или другой какой интересный катаклизм. Вы, кажется, обладаете *барака*... удачей. Можете остановиться прямо в посольстве... Я на вас рассчитываю!

Он проводил их до дверей, и они оставили его там, с его красивой англо-саксонской головой чуть лукавого законника... В конце концов, нельзя иметь все сразу, вздохнув, сказала себе Стефани. Они пошли через базар, где Стефани хотелось купить несколько интересных пресс-папье... Старый город вернул себе свой мирный вид, в квартале чеканщиков возобновили свое пение молотки. Стефани положила руку на руку Руссо, который вел машину. Она никогда не чувствовала себя такой счастливой, такой... излечившейся, да, излечившейся, и ей было непонятно, почему ее другим-то обеспокоен, почему смотрит на нее с озабоченным видом, а главное, почему он еще раз пригласил доктора Салтера... Она чувствовала себя просто чудесно, даже эйфорически, ей все время хотелось смеяться, целовать всех... И совершенно ни к чему было на обратном пути останавливаться в Швейцарии, как советовал доктор, рекомендовавший ей длительный отдых в одной из клиник Женевы... Она часто с сожалением вспоминала Массимо дель Кампо, да, ей было жаль, что она не видела этого... Ночь, лунный свет, мрачные силуэты минаретов и зубчатых стен вокруг, и под древней восточной луной, которая всегда умела расположиться в нужном месте и показать себя с лучшей стороны, на каменных плитах лежит прекрасная римская голова — это должно было производить необыкновенное впечатление... Ну, прямо картина Кирико¹ метафизического периода... Бедняга сыграл в этой стране свою лучшую роль...

¹ *Джорджо де Кирико* (1888—1978) — итальянский художник-сюрреалист.

— А ведь и впрямь удивительно, насколько меняется качество, вид и даже природа любого предмета в зависимости от окружения, в котором он находится, — проговорила она. — Это один из великих принципов любого дизайна. Я говорю это в связи с Массимо дель Кампо. Пока его голова сидела у него на плечах, она была просто воплощением банальности, как и все псевдоантичное искусство. Ну, вы знаете, псевдоклассический стиль девятнадцатого века. Но я уверена, что в лунном сиянии, на плитах посреди площади она представляла собой сказочное зрелище...

— Не думайте больше об этом, — взмолился Руссо.

Салтер сказал, что это не пройдет еще несколько месяцев, и даже потом от него потребуются много нежности и терпения, чтобы помочь ей забыть.

— Впрочем, все искусство сюрреалистов основано на контрасте между абсолютно банальным предметом и средой, в которую его помещают. Ни Дали, ни Магритт никогда ничего другого и не делали... В конечном счете, с художественной точки зрения Хаддан — страна авангарда... Например, мне думается, что если бы все повернулось по-другому, то контраст между отрубленной головой топ-модели, которую привыкли видеть на снимках в журналах мод, и саблями был бы вполне в духе Магритта...

— Да ведь все это уже в прошлом, — с отчаянием произнес Руссо. — У нас еще пять часов до вылета. Вам бы немного поспать... Доктор Салтер...

— Пять часов? Так это здорово! — воскликнула Стефани. — Может, еще что-нибудь случится...

Они застегивали чемоданы, когда явился Али Рахман с букетом алых роз и подарками, один из которых был размером с арбуз. Стефани поспешила вскрыть упаковку, но это был всего лишь огромный шоколадный торт *гезра* — типичный продукт хадданского кондитерского искусства. Она была немного разочарована, но не преминула высказать положенный восторг и

расцеловать юношу в обе щеки. На Али Рахмане был синий блейзер и серые фланелевые брюки, но этот строгий наряд совсем не помогал ему сохранять британскую флегматичность. Он был охвачен радостным волнением, даже ликованием, которое переливалось через край потоком слов — их красноречие еще произведет фурор в политических дебатах...

— Я провел утро в президиуме Совета, где только что приняли важное решение, касающееся лично меня, — сообщил он. — Вам, вероятно, известно, что по закону совершеннолетие у нас наступает в восемнадцать лет. Мне через месяц исполнится пятнадцать... Очевидно, что в силу полученного мною воспитания и приобретенного политического опыта я несравнимо более развит, чем какой-нибудь неграмотный тридцатилетний крестьянин, но на это можно совершенно справедливо возразить, что я пользовался привилегированным положением, которого бы у меня не было при действительно демократическом режиме как нынешний... Это ставит перед правительством сложную проблему, потому что мои сторонники, разумеется, настаивают на том, чтобы я играл важную роль в политике... Между тем, правительство только что приняло декрет, в котором однозначно выражает свое стремление к примирению и согласию с Раджадом и к созданию братского союза... Этот декрет официально постановляет, что в прошлый день рождения мне исполнилось восемнадцать лет, а в следующем месяце исполнится девятнадцать, а не пятнадцать... Лучшего доказательства политической мудрости дать невозможно. Я собираюсь отправиться в поездку для встреч со своим народом — я хочу сказать, с шахирами, под «своим народом» я попросту подразумеваю свой собственный... У меня нет никаких личных амбиций, я хочу лишь служить своей стране, новой федерации Хаддана... Разумеется, против меня выступит левое крыло социалистической партии, но все мы знаем, что это подрывные элементы, состоящие

на жаловании у Пекина... Мы сделаем из этой страны образец демократии и гуманистического социализма, который окажет благотворное влияние на весь регион Персидского залива...

Руссо сидел на кровати и посасывал потухшую сигару.

— Ну что же, желаю вам весело отпраздновать день рождения, — сказал он.

Стефани держала руки Али в своих.

— Это чудесно, чудесно! — повторяла она, рыдая от радости, счастья и любви между народами. — Я приеду на вашу коронацию... Ой, извините, я хочу сказать, на ваши выборы.

— Разумеется, первое, что нужно сделать, — это провести ирригацию, — важно заявил Али. — Пустыня еще расцветет... Затем — огромный рывок в сфере образования... Мы обратимся за кредитами к Международному валютному фонду... еще — развивать туризм... не принося при этом в жертву наши культурные традиции и фольклор...

— Только не фольклор! — воскликнула Стефани. — Только не его!

— Кстати, вам известно, что наш друг господин Дараин назначен министром внутренних дел?

— Да, — сказал Руссо. — Я был рядом, когда он получил это известие. Он думал, что спокойно окончит свои дни среди роз, но любезно согласился...

— У этого человека есть враги во всех политических партиях, — не без зависти сказал Али. — Именно поэтому в нем никто не сомневался... Он очень ловок, и он верно служил моему отцу...

Господин Дараин явно нашел в Али Рахмане надежного союзника.

Молодой принц-демократ настоял на том, чтобы проводить их до самолета. Собственно, многие видные деятели пришли попрощаться со Стефани, в том числе — новый председатель Совета господин Самбро,

начальник Бюро по туризму, бывший также и председателем хадданского «Ротари клуба», глава протокольного отдела министерства иностранных дел, директор Национального банка, который являлся одновременно и владельцем отеля «Метрополь», и улыбчивый уса-тый человечек, украдкой сунувший в руку Стефани конверт.

— От Его Превосходительства господина Дараина, — прошептал он. — Это личные вещи, которые вы случайно потеряли...

Стефани открыла конверт. Внутри были все фотографии, которые она сделала в самолете.

Она внимательно просмотрела их одну за другой. Снимки очень удались, особенно те, на которых был Бобо: прекрасно вышло выражение мягкого упрека на его лице.

— Поблагодарите министра от моего имени, — сказала она. — Я очень тронута его внимательностью.

Она показала фотографии Руссо.

— Взгляните, наш друг Дараин вернул мне снимки... Они получились неплохо, вы не находите? Особенно если вспомнить, что их сделали простым полароидом и что...

Массимо дель Кампо потребовал, чтобы ему показали его фотографию, и она удивилась, откуда он здесь — с протянутой рукой и со своей головой подмышкой... Она услышала омерзительное воркование горлиц, что всюду преследовали ее, и увидела Бобо: он подмигивал ей, а к щеке у него прилип фантик от «Риглиз»... Стефани не смогла удержаться от смеха — это было невежливо, но она ничего не могла с собой поделать — глядя на старого сахиба, шейха, муллу, ну, в общем, на всех тех, кто, казалось, предлагал свою голову Аллаху на подносе для завтрака...

Она уткнулась лицом в плечо Руссо, чтобы не... чтобы не видеть, чтобы... Она рыдала. Прощаться всегда так грустно...

Руссо завладел снимками и сунул их к себе в карман. Али протянул ей огромный букет роз. От них исходил очень сильный и чуть приторный аромат, да еще этот их алый цвет... Стефани дала их стюардессе, попросив положить в хвосте самолета, рядом с синьором дель Кампо... Доктор Салтер и медсестра помогли ей подняться на борт. Стюардесса «Хаддан эйрлайнз» в чудесном изумрудном сари подошла с полагающимися конфетами... У нее было красивое лицо с томными и одновременно веселыми глазами, и сердце Стефани сжалось от нежности и жалости. Она потянулась к стюардессе и взяла ее за руки...

— Бедная моя душечка, — сказала она. — Постарайтесь ни о чем не думать... это ведь происходит очень быстро, ничего не успеваешь почувствовать... они люди опытные...

Она заметила, что стюардесса, держащая в руке блюдо с конфетами, как-то странно на нее смотрит. Стефани *поняла*.

— Нет, спасибо! — сказала она сухо, глядя стюардессе прямо в глаза.

Это была не та стюардесса. Видно, они вытащили бедную девушку из самолета и заменили своей соотечественницей...

— Где стюардесса? — спросила она, повысив голос, чтобы все они ее слышали, чтобы знали, что она не дура. — Где стюардесса? *Настоящая?*

Руссо вышел из самолета и вернулся с доктором Салтером и медсестрой. Стефани отказалась от укола валиума. Ей требовалось все присутствие духа, чтобы пережить то, что предстоит пережить.

— Послушайте, доктор, поймите меня правильно, я вас ни в чем не обвиняю. Я знаю, что это ваше ремесло. Но даже и не пытайтесь меня обмануть...

Руссо попробовал было спорить с врачом, но тот был категоричен: несмотря на ее состояние, совершенно необходимо, чтобы Стефани покинула эту страну.

Лечение требовало, прежде всего, полной смены обстановки, и было чрезвычайно важно, чтобы больная оставила Хаддан далеко позади... Руссо вернулся, сел рядом со Стефани, взял ее за руку, едва осмеливаясь смотреть на это осунувшееся растерянное личико с расширившимися и застывшими глазами, которое казалось еще меньше под рыжей копной волос.

Она ощущала присутствие Массимо дель Кампо, который дулся в хвосте самолета, и прежде чем пристегнуть ремень, внимательно посмотрела себе под ноги и заглянула под кресло. Во время взлета она крепко сжимала руку Руссо, чтобы он не тревожился, и когда «Дакота» набрала высоту, Стефани наклонилась к иллюминатору и бросила последний взгляд на удаляющуюся персидскую миниатюру с ее бесчисленными минаретами и белыми дворцами, и длинной охровой стеной, сжимавшей ее своим кольцом...

— Удав, — прошептала она и прижалась головой к плечу Руссо.

Пилот-югослав вышел из кабины и подошел сказать, как он счастлив, что она находится на борту его самолета. Он протянул ей журнал мод с ее фотографией на обложке и попросил автограф. Она надписала фотографию, и он вернулся в кабину. Она хотела было вскочить, побежать к нему, предупредить... Рука Руссо сжала ее руку...

— Ну же, Стеф, дорогая, все кончено...

Она мягко высвободила руку, вынула из дорожной сумки полароид, положила его на колени, устремила сосредоточенный взгляд прямо перед собой и приготовилась...

Хендерсон умер в Норвегии от сердечного приступа.

Головы Стефани (Прямой рейс к Аллаху): Роман / Пер. с фр. Л. Бондаренко. СПб.: «Симпозиум», 2010. — 352 с.

ISBN: 978-5-89091-431-6

«Прямой рейс к Аллаху» Рене Девиля и «Головы Стефани» Шатана Богата — кто эти люди и что общего между этими книгами? Под такими названиями и псевдонимами в США и во Франции был издан один и тот же роман великого мистификатора, знаменитого французского писателя Ромена Гари.

«Прямой рейс к Аллаху», несомненно, навеянный очередным обострением ситуации в Персидском заливе, можно было бы назвать «сатирико-политическим триллером»: терроризм и шпионаж, торговля оружием и нефтяной бизнес, невидимая борьба сверхдержав за сферы влияния, восточная экзотика в плохом и хорошем смысле — для главной героини, нью-йоркской фотомодели Стефани, все это только фон для фотосессии. Но лишь поначалу...

На русском языке роман публикуется впервые.

Ромен Гари

ГОЛОВЫ СТЕФАНИ
(Прямой рейс к Аллаху)

Редакторы Александра Глебовская, Михаил Куртов

Технический редактор Екатерина Каплунова

Верстка Марии Василенко

Корректор Ирина Антонова

Издательство «Симпозиум»

190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 47

Тел. +7 (812) 571 45 02, факс +7 (812) 580 82 17

e-mail: symposium@yandex.ru

<http://www.symposium.su>

По вопросам оптовых продаж обращаться:

Торговый Дом «Симпозиум»

125363, Москва, ул. Новопоселковая, д. 6, кор. 1

Тел/факс +7 (495) 933-60-00

e-mail: tdsymposium@gradient.ru

Подписано в печать 13.07.2010. Формат 84×108^{1/32}.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Заказ № 515.

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургнева, 13.

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

РОМЕН ГАРИ

ROMAIN GARY

ГОЛОВЫ СТЕФАНИ

**[ПРЯМОЙ РЕЙС
К АЛЛАХУ]**

«Прямой рейс к Аллаху» Рене Девиля и «Головы Стефани» Шатана Богата – кто эти люди и что общего между этими книгами? Под такими названиями и псевдонимами в США и во Франции был издан один и тот же роман великого мистификатора, знаменитого французского писателя Ромена Гари.

«Прямой рейс к Аллаху», несомненно, навеянный очередным обострением ситуации в Персидском заливе, можно было бы назвать «сатирико-политическим триллером»: терроризм и шпионаж, торговля оружием и нефтяной бизнес, невидимая борьба сверхдержав за сферы влияния, восточная экзотика в плохом и хорошем смысле – для главной героини, нью-йоркской фотомодели Стефани, все это только фон для фотосессии. Но лишь поначалу...

ISBN 978-5890914316

9 785890 914316

SYMPOSIUM